

Министерство транспорта Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский университет транспорта (МИИТ)»

Институт экономики и финансов

Кафедра «Экономика строительного бизнеса и управление
собственностью»

Д.А. МАЧЕРЕТ, И.А. ЧЕРНИГИНА

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Учебное пособие

Москва – 2017

Министерство транспорта Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский университет транспорта (МИИТ)»

Институт экономики и финансов

Кафедра «Экономика строительного бизнеса и управление
собственностью»

Д.А. МАЧЕРЕТ, И.А. ЧЕРНИГИНА

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Учебное пособие

для бакалавров и магистров направления подготовки
«Экономика»

Москва – 2017

УДК 334

М 37

Мачерет Д.А., Чернигина И.А. Из истории развития российского предпринимательства: Учебное пособие. - М.: РУТ (МИИТ), 2017. - 294 с.

В учебном пособии показаны эволюция и главные действующие фигуры российского предпринимательства с XVI до начала XX века, раскрыты особенности отдельных периодов развития предпринимательской деятельности в нашей стране.

Рецензенты:

Научный сотрудник Объединенного ученого совета ОАО «РЖД», канд. экон. наук *А.В. Кудрявцева.*

Заведующий кафедрой «Экономика труда и управление человеческими ресурсами» РУТ (МИИТ), канд. экон. наук, доцент *И.А. Епишкин.*

© РУТ (МИИТ), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Строгановы.....	10
Дворянское предпринимательство в России XVIII века.....	19
Григорий Иванович Шелихов	37
Николай Петрович Резанов	40
Петр Иванович Рычков	46
Чайное дело дома Перловых	54
Алексей Иванович Абрикосов	68
Николай Александрович Алексеев	78
Савва Тимофеевич Морозов.....	84
Фон Мекк Карл Федорович (Карл Оттон Георг).....	92
Гастрономическое дело Елисеевых	123
Николай Иванович Путилов.....	154
Александр Васильевич Чичкин.....	168
Василий Александрович Кокорев.....	188
Николай Александрович Бугров	203
Трындины: два века работы на благо России	214
Иван Дмитриевич Сытин.....	237
Фарфоровые короли Кузнецовы	253
Мальцовы	262
Альберт Юльевич Сурков.....	270

Эйнем, Фердинанд Теодор фон.....	277
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	291

Предисловие

Российское предпринимательство насчитывает более, чем тысячу лет. Проявляло оно себя на первых этапах как торговая деятельность, помогающая освоению гигантских российских территорий.

Ещё с VIII века через Российские земли проходили Балтийско-Волжский («Сарацинский») и Балтийско-Черноморский («Из варяг в греки») водные пути. Арабский географ Ибн-Хордад-бех записывал в 900 годах – «Русы купцы... возят меха белок, черно-бурых лисиц и мечи из крайних пределов славянства к Румынскому (Черному) морю, и берёт с них десятину румский (византийский) властелин, а то они отправляются по Танаису (Дону) - славянской реке, проходят до Хамлиджа, хазарской столицы, и берёт с них десятину её властелин, затем они едут к Джурджанскому (Каспийскому) морю... иногда они перевозят свои товары из Джурджана на верблюдах в Багдад»

Третий, сухопутный трансевропейский маршрут, проходивший через Россию, начинался на востоке Европы в городе Булгар (столица волжской Булгарии) и шёл через Киев и Дрогичин в Краков.

В VIII – IX веках на этих маршрутах уже основались настоящие торговые города – Киев, Смоленск, Новгород, Переяславль, Ростов, Ладога, Псков, Полоцк, Торжок. Как правило, основой каждого города становился торг, таким образом, город подпитывался товарами местных жителей, становясь экономическим, а затем и военным центром всей местности. Купцов той поры с полным правом можно назвать воинами-купцами, поскольку товары, перевозимые на достаточно большие расстояния, необходимо было защищать от набегов желающих поживиться разбойников.

Основными статьями «экспорта» восточных славян были продукты лесных промыслов (пушнина, мёд, воск, смола), соль, лён и льняное полотно, серебряные изделия, кольчуги, икра, моржовая кость. Кроме этого предметом вывоза был и живой товар – невольники из числа военнопленных и рабы – язычники. Объём предлагаемых ежегодно товаров по приблизительным оценкам составлял около 200 тонн.

В XI - XII веках торговля на международных рынках превратилась в источник становления крупнейших капиталов на Руси. Её организация отличалась масштабностью, достаточной сложностью и военной поддержкой со стороны государства. Многие княжеские дружинники, охраняющие купеческие караваны впоследствии сами становились профессиональными купцами.

К концу XII века в связи с изменением географии международных экономических связей и учащения нападений половцев на торговые караваны постепенно пришли в упадок транспортные коридоры, проходящие через южные российские земли. Центр торговли перемещается к северу страны – в Новгород, Полоцк, Смоленск.

Примерно в одно время с Западной Европой русские купцы начали создавать свои гильдии для совместной организации предпринимательской деятельности. Объединялись они, как правило, вокруг местного храма. Так в Киеве хлеботорговцы объединялись вокруг храма Успения Богородицы, а новгородские торговцы солью – вокруг церкви Бориса и Глеба, что в Старой Руссе. Самое знаменитое купеческое объединение Древней Руси – Дом святого Великого Иоанна. Он объединил купцов, торгующих с Западной и Северной Европой.

В XIII –XV веках наряду с международной торговлей развивается и внутренний товарообмен между четырьмя крупнейшими региональными рынками: северо-западным (Новгород, Псков, Полоцк, Витебск, Смоленск), восточным (Ростов, Суздаль, Владимир, Тверь), южным (Киев, Чернигов), и юго-западным (Владимир-Волынский, Галич, Перемышль), что ускоряет отделение ремесла от земледелия и дальнейшую дифференциацию ремесленного производства. Начинают развиваться и кредитные отношения. Так, одним из первых, упомянутым в документах кредиторов, известен новгородский купец Климята, член союза новгородских предпринимателей.

В период монгольского нашествия практически все торговые центры Руси за исключением Новгорода, Смоленска и Пскова были разрушены, а начинающиеся складываться предпринимательские традиции утеряны. Намечавшийся европейский экономический путь развития нашей страны сменился азиатским типом предпринимательской культуры.

По мере собирания российских земель вокруг Москвы начали складываться и новые подходы в предпринимательском деле. Типичным предпринимателем той поры становится крестьянин, вывозящий на рынок продукты собственного труда, чтобы, продав их, уплатить налог. Мелкие торговцы покупали и продавали небольшие партии товаров, которые не позволяли рассчитывать на получение какого-либо весомого капитала. Ремесленники в городах занимались в основном работой на заказ, почти не производя товаров для рынка.

Внешняя торговля ориентировалась более на Восток, чем на Запад и Северо-Запад. Основными торговыми путями были Волжский – в Персию и Южный – через

Сурож (Судак) и Кафу (Феодосию) в города Средиземноморья. Предметами торговли были не только сырье и продукция добывающих промыслов, вывозившиеся из Руси (пушнина, лес, воск), но также изделия русских ремесленников (юфты, однорядки, шубы, холсты, седла, стрелы, саадаки, ножи, посуда и многое другое).

Торговля с Западом велась через Смоленск и Новгород, но объём её был гораздо меньше. Предметами ввоза в Россию были западное сукно, серебро и другие металлы. Необходимо заметить, что ограничение товарообмена было зачастую продиктовано политическими мотивами. Так с 1445 года было запрещено вывозить в Россию из ливонских городов медь, бронзу, серебро, свинец и чугун, а с 1498 года к этому списку добавились пушки, кольчуги, латы, селитра.

Русский купец того времени воспринимался московскими властями как государев слуга, обязанный выполнять любые поручения (вплоть до шпионских) и беспрекословно подчиняться великокняжеским указам.

В XVI веке, в эпоху правления Ивана Грозного с установлением контроля над Волжским путём и освоением Сибири созревают условия для ускорения развития русского торгового предпринимательства как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Этому способствует и дальнейшая специализация ремесленников отдельных городов и областей на производстве той или иной продукции и ориентации её производства на рынок. С другой стороны, в традициях экономики восточного типа, самые прибыльные товары (поташ, хомуты, мыло, свечи, конопляное масло и др.) объявлялись государственной монополией и исключались из частного коммерческого оборота.

Тем не менее, именно с XVI века история российского предпринимательства может описываться как собрание историй российских предпринимателей. И одними из первых в этом ряду можно назвать купцов Строгановых.

Строгановы

Известно, что около 1488 года Фёдор Лукич Строганов обосновался в Соли-Вычегодской. От него остались четыре сына - Степан, Осип, Владимир и Аника. Первые трое сыновей Федора умерли бездетными, а младший Аника стал основателем богатства рода Строгановых.

В Соли-Вычегодской Аника (Аникей) Строганов в 1515 году завёл солеваренный промысел. Затем, в 1526 году, он ещё «купил у Я. Ф. Бизимова треть варницы без цырена и треть варничного места за две

гривны»; а 15 июля 1540 года — «у В. и Д. Вароницких варницу с цыреном и местом за семнадцать рублей»; а грамоту царя Ивана IV «на пустое место под варницу с податными льготами на шесть лет» — в 1550 году. У Аники было трое сыновей: Яков (его ветвь по мужской линии угасла после смерти его внука Даниила), Григорий (его единственный сын Никита умер холостым) и Семен, от которого произошли остальные Строгановы.

В 1558 году царь Иван Васильевич пожаловал его второму сыну Григорию огромные владения на земли Уральского Прикамья — по реке Каме.

В августе 1566 году земли Строгановых были взяты в опричнину.

В марте 1568 года жалованную грамоту на земли по реке Чусовой получил старший сын Аникея, Яков: тогда же в 1568 году в Казани упоминался двор Оникия Строганова.

Строгановы, развивая в своих владениях земледелие, солеваренные, рыбные, охотничьи и рудные промыслы, строили города, крепости, с помощью своих военных дружин подавляли восстания местных народностей и присоединяли к России новые территории в Предуралье, на Урале и в Сибири.

Семён Аникеевич Строганов и внуки Аникея — Максим Яковлевич Строганов и Никита Григорьевич Строганов призвали в 1581 году Ермака с отрядом для похода в Сибирь. Н. М. Карамзин назвал Семёна Аникеевича Строганова «русским Пизарро».

22 октября 1586 года С. А. Строганов был убит посадскими людьми в Сольвычегодске. После смерти Семёна Аникеевича во главе рода стала его вторая жена, Евдокия Нестеровна Строганова — все знаменитые потомки Строгановых происходили от этой четы,

остальные ветви, за исключением «окрестьянившихся», пресеклись ещё в XVII веке.

Грамотой царя Василия Шуйского в 1610 году Никита Григорьевич, Андрей и Петр Семёновичи Строгановы за усердную службу царю и Отечеству во время государственной смуты и за денежные ссуды (около 842 тысяч рублей), были пожалованы особым почётным званием именитых людей. В XVII веке на торжественных обедах у патриархов Московских Строгановы сидели рядом с боярами.

В XVII веке Строгановы в широких масштабах развили солеваренную промышленность в районе Соли-Камской; соляные промыслы были главным источником их доходов. При этом Строгановы много помогали деньгами русским царям - на Смоленскую войну и на русско-польскую войну 1654 - 1667 годов.

Владения, раздробленные между наследниками детей Аникея Строганова, объединил в 80-х годах XVII века Григорий Дмитриевич Строганов. Ему царскими грамотами были переданы земли и недвижимость в Прикамье: по грамоте 1685 года — земли по р. Весляне, по грамоте 1688 года — по р. Яйве, по грамоте 1694 года — по р. Лолог, по грамоте 1697 года — Ленвенские соляные промыслы, по грамоте 1701 года — Зырянские соляные промыслы и по грамоте 1702 года — земли по р. Обве, Косьве и Иньве. Общая площадь пермского имения Г. Д. Строганова к моменту его смерти в 1715 году составила 6 млн. 639 тыс. десятин земли.

В это время Строгановы были не единственными солепромышленниками Прикамья. Например, в 1661 - 1662 годах балахнинские солепромышленники Соколовы взяли на откуп на реке Ленве земли для заведения соляного промысла. Однако в 1688 году эти промыслы перешли Шустовым по поданной в 1685 году челобитной,

в которой утверждалось, что на Ленве реально промысел не велся. На эти промыслы заявил претензию Григорий Строганов, послав в 1696 году челобитную, в которой утверждал, что земли по реке Ленве принадлежат ему. Строганов добился успеха — в результате проведенного межевания Ленвенские промыслы отошли ему, а 15 «лучших» посадских людей, которые сопротивлялись межеванию, были отправлены с семьями в ссылку в Азов. В 1697 году Григорий Строганов получил в аренду (а через три года в вечное владение) казенные Зырянские усолья. Можно сказать, что Григорий Строганов был сильнее, чем местный соликамский воевода, о чем свидетельствует такой случай. В 1698 году воевода князь Ф. И. Дашков посадил в приказную избу местного солепромышленника А. В. Ростовщикова. Но тот подал жалобу и при поддержке Строганова воевода был снят с должности.

В ходе Северной войны (1700—1721) Строгановы предоставили значительные средства царю Петру I, основали ряд железоделательных и других заводов на Урале.

В 1722 году Александр, Николай и Сергей Григорьевичи Строгановы были пожалованы баронскими титулами, после чего звание именитых людей с них было снято.

Александр Сергеевич Строганов участвовал в работе комиссии по составлению проекта нового уложения при Екатерине II, а в конце XVIII — начале XIX веков был президентом Академии художеств, главным директором Публичной библиотеки, членом Государственного совета. В 1761 году возведён императором Священной Римской империи в графское достоинство.

Павел Александрович Строганов являлся членом Негласного комитета Александра I, товарищем министра внутренних дел. Его супруга графиня Софья Владимировна Строганова, основательница имения Марьино близ Тосно, известна своими трудами на ниве лесоводства и основанием Школы сельскохозяйственных и лесных наук.

Другая графская ветвь происходит от Г. А. Строганова. Григорий Александрович Строганов — известный дипломат своего времени.

Его сын Сергей Григорьевич Строганов в 1859—1860 — московский генерал-губернатор;

Александр Григорьевич Строганов — министр внутренних дел в 1839—1841, с 1849 член Государственного совета.

Многие из Строгановых известны своим интересом к искусству, литературе, истории, археологии.

Среди сыновей Сергея Григорьевича двое — Павел Сергеевич Строганов и Григорий Сергеевич Строганов — были известны своими собраниями.

У Строгановых имелись богатейшие библиотеки, коллекции картин, монет, эстампов, медалей и пр.

Сергей Александрович Строганов, последний представитель династии, был морским офицером, спонсировал разработки в области оружия. Умер в Ницце в 1923 году.

За время существования династии Строгановы получали от русских царей следующие земли (всего 10 382 347 десятин):

3 415 840 десятин в Перми Великой по грамотам 4 апреля 1558 года и 2 февраля 1564 года;

1 129 218 десятин по реке Чусовой по грамоте 25 марта 1568 года;

1 225 049 десятин за Уралом по грамоте 30 мая 1574 года;

586 382 десятин по реке Каме по грамоте 7 апреля 1597 года;

163 280 десятин по реке Каме по грамоте 16 сентября 1615 года;

604 212 десятин по реке Веслянке по грамоте 1685 года;

254 741 десятин по реке Лологе по грамоте 29 сентября 1694 года;

3 634 десятины Зырянских промыслов по грамоте от 2 июля 1701 года.

От Петра Великого Григорий Дмитриевич Строганов получал новые земли 6 раз: по грамотам 1685, 1688, 1694, 1697, 1701 и 1702 годов. В итоге, к 1715 году Г. Д. Строганов владел уже 6 млн 639 тыс. десятин земли. После смерти Г. Д. Строганова в 1715 году его владения долгое время оставались неразделенными.

В 1740 году три сына Г. Д. Строганова разделили поровну его собственность в Москве, а 20 мая 1747 года была поделена по жребию на три почти равные части Пермская вотчина[20]:

Александр Григорьевич получил 2 млн 213 тыс. десятин земли, 19 235 ревизских душ и Юго-Камский медеплавильный завод;

Николай Григорьевич получил 2 млн 213 тыс. десятин земли, 19 342 ревизские души крепостных и Таманский медеплавильный завод;

Николай Григорьевич получил 2 млн 213 тыс. десятин земли, 19 364 ревизские души и Билимбаевский чугунолитейный завод.

В 1749 году были разделены между тремя братьями Новоусольские, Ленвенские, Зырянские и Чусовские соляные промыслы, а земли верхнего Прикамья и 1133

ревизские души остались неподделенной семейной собственностью. А. С. Строганов неудачно пытался освоить Южный Урал и построил там в 1755—1757 годах Троице-Саткинский завод, но предприятие было убыточным и пришлось его продать в 1769 году купцу Лугинину.

В результате экономических и матримониальных обстоятельств семьи во второй половине XVIII века значительная часть строгановских владений перешла в руки Всеволожских, Голицыных, Лазаревых и Шаховских. Кроме того, строгановские владения сократились в результате изъятия казной части земли под строительство заводов. А. С. Строганов сначала подавал иски о возврате отобранных владений, но в 1790 году отказался от своих претензий. В прошении 1790 года А. С. Строганов согласился «исключить те места, на которых ныне находятся казённые железные и медные заводы, так же селения государственных крестьян, потому, что подражая ревностной любви к Отечеству своих предков, по собственной и доброй воле оставляю те места за заводами и Государственными селениями». Сын Александра, Павел перед смертью в 1817 году просил императора Александра I превратить пермское строгановское имение в майорат¹. По императорскому указу от 11 августа 1817 года строгановское имение должно было переходить «во всей целости от одного лица во владение к другому» и его запрещалось «все вообще или по частям закладывать или продавать как в частные руки, так и в казну, или обременять оное какими бы то ни было долгами по сделкам или другим каким

¹ Майорат (от лат. *major* — старший) — порядок наследования недвижимого имущества (прежде всего земельной собственности), согласно которому оно целиком переходит к старшему в роде или семье.

либо обязательством, полагая все таковые сделки ничтожными в отношении к сему нераздельному имению, где бы и кем они совершены не были». Статус майората пермское имение сохранило до 1917 года.

Несмотря на попытку властей законодательно ограничить распад пермского имения Строгановых, он продолжался вплоть до 1917 года. Если в 1833 году Пермский майорат составлял 1 551 625 десятин земли, то в 1859 году только 1 456 476 десятин земли. При этом количество крепостных в имении за 1833—1858 годы увеличилось с 57 778 душ мужского пола до 78 064 душ мужского пола. Распад ускорился в результате отмены крепостных порядков на уральских заводах, так как освобожденных мастеровых требовалось наделить землей. В ходе выкупной операции в строгановских имениях, проходившей с 1872 года по 1886 год было передано бывшим крепостным крестьянам, промысловыми и сельским работникам 700 982 десятин земли.

Тот факт, что площадь майората к концу 1880-х годов осталась почти такой же, как в 1858 году, связан с тем, что Пермское имение в 1872 и 1877 годах увеличилось за счет присоединения земель других ветвей Строгановых. В 1872 году в состав Пермского майората императорским указом были включены владения графа Сергея Григорьевича Строганова — 593 964 десятины земли с Кыновским заводом. В 1877 году Александр Григорьевич Строганов продал Пермскому майорату за 1 млн рублей свои 150009 десятин земли с Ленвенскими соляными промыслами. В итоге, в 1886 году пермский майорат С. А. Строганова составлял 1 499 466,79 десятин земли. С. А. Строганов его увеличил, купив в 1890 году у Демидовых Уткинский завод с 89 951 десятин земли (впрочем 24 081 десятин из покупки граф был вынужден

отдать в надел населению этого горнозаводского центра). В начале XX века строгановский майорат сокращался за счет продолжающегося размежевания с работниками и споров с соседями. Только в 1907—1917 годах 97 825 десятин земли в результате тяжб перешли к мастеровым, бывшим дворовым и промысловым работникам строгановского имения (без учета Уткинского завода). В конечном счете, к 1917 году в составе Пермского майората числились 1 464 576,81 десятин земли.

В начале XX века 94,2 % территории Пермского майората занимали леса. В результате в начале XX века заводы майората закрывались, а Строганов переориентировался на торговлю лесом, сплавляя его по Каме и Волге в Царицын. Только за 1915 год было сплавлено в Царицын 128 тыс. бревен на сумму в 915 тыс. руб.. Второе место в хозяйстве Пермского имения занимало производство чугуна и железа. За 1908 - 1917 годы Билимбаевский завод выплавил 5 867 227 пудов чугуна, Уткинский завод – 6 576 154 пудов, а Добрянский завод выработал из этого чугуна 9 498 383 пудов железа. В связи с Первой мировой войной в 1915 году между Строгановым и казной было заключено соглашение о начале выпуска на Добрянском заводе артиллерийских снарядов, для чего на предприятие было в 1916 году привезено заказанное в США оборудование. В начале XX века в Пермском майорате сохранялось солеварение - в 1908 - 1917 годах в год производили в среднем 3394981 пудов соли. К 1917 году в Усолье действовали 5 соляных скважин и 7 белых варниц, а в Ленве 5 скважин и 8 белых варниц. Кроме того, большой доход приносило мукомольное дело. В 1917 году в Пермском имении действовали 56 мельниц и 160 мельничных станков. В начале Первой мировой войны здесь начались разработки обнаруженных запасов торфа.

Дворянское предпринимательство в России XVIII века

В начале 18 века народ России был потенциально готов к переходу от одного порядка своей жизни к другому. В то же время царь, одаренный наибольшими способностями и яснее других осознающий потребности своего времени, также готов к кардинальным переменам в стране. Замыслы Петра носили всеобъемлющий и целенаправленный характер. Преобразования царя затронули все сферы жизни общества: был реформирован государственный аппарат в центре и на местах, созданы регулярная и дипломатическая служба, единые армия и флот, проведены преобразования в промышленности и торговле.

Преобразования Петра в области торговли и промышленности были, однако, достаточно противоречивы. Основное противоречие заключалось в несовпадении провозглашенных целей и используемых средств, а также и полученных результатов. Преобразователю было ясно, что без купцов и предпринимателей и создаваемого ими богатства никакие проблемы в стране не могут быть решены. Поэтому указы Петра касались этой сферы довольно часто. В 1703 году создана первая в России биржа (купеческое собрание) в Петербурге. Казенные полотняные заводы в Москве были переданы в частные руки, вышел указ об организации торговопромышленных компаний (1712г.), устроены железоделательные заводы Демидовым на реке Тагиле (1716г.). В 1719 году учреждены Берг- и Мануфактур-коллегии и принят их регламент; в этом же году сокращены казенные и торговые монополии. Принят указ о разрешении купцам наравне с дворянами покупать к заводам крестьян, об освобождении заводчиков от

градских служб (1721г.). И, наконец, в 1722 году - учреждение гильдии купцов. Меры эти были своевременными, например, давно уже русские торговые люди признавались, что им трудно тягаться с иностранными купцами, т.к. те торгуют сообща. Учрежден Главный магистрат, имевший коллегиальное устройство, президентом которого был избран князь Турбецкой, вице-президентом - московский купец Исаев.

Что касается общих перемен в промышленности, то петровское государство часто создавало фабрики и передавало их затем в частные руки, давало льготы людям, организующим производства, выдавало предпринимателям кредиты, становясь по сути банкиром крупной промышленности, и тем самым приобретало право строго следить за деятельностью компании. Это вмешательство в частное предпринимательство оно считало не только правом, но и обязанностью.

Именно Петр энергично втягивал в производственную деятельность своих царедворцев и дворян, которым по достижении 40-летнего возраста было разрешено заниматься торгово-промышленным промыслом. До этого времени напрямую предпринимательской деятельностью дворяне не занимались. Львиную долю дворян-предпринимателей составляли ближайшие соратники Петра I. Это не удивительно с учетом укоренившегося в России института «власть-собственность», когда важнейшим фактором успеха предпринимательской деятельности является близость к власти.

Истоки дворянского предпринимательства восходят к XVII веку: во владениях бояр Б. И. Морозова и И. Д. Милославского наряду с винокуренными и поташными промыслами организовали металлургические заводы. На

первых порах число фабрикантов благородного происхождения было невелико. В металлургической промышленности это князь А. М. Черкасский и дворянин Колмовский, компанейщик суконной фабрики генерал-майор Корчмин, владелец красочных заводов стольник Савелов. Активнее других предпринимательской деятельностью в начале и в первой половине XVIII века занимались дворяне-чиновники, так как они могли использовать все возможности своего служебного положения. "Счастья баловень безродный" А. Д. Меншиков стал светлейшим князем, сенатором, фельдмаршалом, президентом Военной коллегии, а после смерти Петра I вплоть до своей ссылки осенью 1727 года фактически правил Россией. В 1727 году, в самом зените своего могущества, Меншиков имел свыше 150 тыс. душ крестьян. Его владения находились в 42 уездах Европейской России, а также в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, в Пруссии и других местах. В "империи" Меншикова было свыше 3 тыс. сел и деревень, 7 городов.

Александр Данилович был хозяином самых разнообразных промышленных предприятий - кожевенных, винокуренных, парусных, стекольных, поташных, кирпичных, а также рыбных, салотопных, солеваренных промыслов, пильных мельниц, "железоделательных" рудников. Свое огромное хозяйство он все время расширял, а особую страсть питал к строительству. По воспоминаниям современника, "он вечно что-нибудь строит, то обустроивает усадьбы в своих многочисленных вотчинах, то строит церкви с башнями и курантами, то оранжереи, фабрики и заводы, то, наконец, какие-то особенные, со стеклянными куполами, бани, до которых был большой охотник, и всюду лично следит за рабочими, ночует на стройках".

Меншиков активно участвовал во внутренней и внешней торговле, что было новым для того времени. Поскольку на европейском рынке спросом пользовались лен, пенька, хлеб, конопляное масло, парусное полотно, сало, Меншиков, будучи хорошо осведомленным о казенной торговле этими товарами, начал сам продавать их иностранным купцам. Не ограничиваясь продажей продукции собственных поместий, он скупал эти товары в различных районах России, выступая при этом конкурентом не только купцов, но и казны.

Поражает необыкновенная способность Меншикова приспособливаться к изменяющейся экономической обстановке. В зависимости от конкретных условий он прибегал к любым способам получения прибыли: строил, расширял и приобретал торгово-промышленные заведения, эксплуатировал их, сдавал в аренду своим или чужим крестьянам, купцам, посадским людям, участвовал в казенных поставках хлеба и вина, вел ростовщические операции, скупал недвижимость в городах, завел доходный дом в Петербурге. Крупнейший сановник империи завязал тесные деловые связи с купцами, судовладельцами и банкирами Англии, Голландии, Германии и других стран. Заметим, что наследники А. Д. Меншикова на протяжении всего XVIII века тщетно пытались получить у английских банкиров вклады основателя династии.

Было ли хозяйство Меншикова типичным для крупных феодалов? Однозначный ответ здесь, наверное, невозможен. Небывало быстрое возвышение Меншикова, царский фавор и необыкновенная энергия и предприимчивость, часто сопровождавшаяся использованием своего высокого положения в государстве и нарушением законов, позволили князю в очень короткий срок сосредоточить в своих руках огромные владения. Размеры этого хозяйства, пути и способы его

функционирования и развития делают его уникальным. Ничего подобного в России не было.

Среди многих начинаний Петра I было также создание в России торгово-промышленных компаний. Конечно, они еще не были акционерными в полном смысле этого слова. Первый законодательный акт, где упоминается о торговых компаниях, появился 27 октября 1699 года после возвращения Петра из-за границы. "Московского государства и городовым всяких чинов купецким людям торговать также, как торгуют иных государств торговые люди компаниями... иметь о том всем купецким людям меж собою с общего совета установления, которые пристойно бы было к распространению торгов их, от чего надлежит быть в сборе к его великого государя казны пополнению компаниями".

Не всегда разделяя стремления императора, многие дворяне стали вкладывать капиталы в различные компании. В 1717 году по царскому указу была учреждена шелковая компания Ф. А. Апраксина, П. А. Толстого и П. П. Шафирова. При этом граф Апраксин и граф Толстой внесли по 20 тыс. рублей, а граф Шафиров - 25,8 тыс., что составило колоссальную по тем временам сумму.

Кроме того, компания получила из казны большие субсидии наличными деньгами (36 тыс. 672 рубля), землей и построенными зданиями, всего на сумму 45 тыс. 672 рубля, а также право беспошлинной продажи своих изделий в течение 50 лет, свободу от податей, постоя и ряд других привилегий. Как и многие другие дворянские компании, учредители которых не имели необходимых знаний и опыта, а фабрики строили из-за желания угодить царю, шелковая компания быстро сползла на грань банкротства. Уже в 1720 году Апраксин заявил, что у него нет "капиталов, потребных на производство".

На следующий год графы-компанейщики обратились в Мануфактур-коллегию с просьбой "присовокупить к ним в компанию" несколько богатых купцов. Эта просьба была удовлетворена, но купцы, которых правительство заставило стать членами компании, потребовали за это предоставить им право на ввоз из-за границы в ближайшие два года парчи на сумму 50 тыс. рублей. В 1724 году компания окончательно перешла в руки купцов, вернувших дворянам внесенный ими ранее капитал.

В июне 1760 года графу Р. И. Воронцову и князю А. Б. Куракину было разрешено учредить "Коммерческую в Бухаре и Хиве компанию", которую можно назвать одним из первых в России настоящих акционерных обществ. Здесь провозглашались свобода вступления в компанию всех желающих, неприкосновенность капитала, свобода акций от передачи кредиторам. Вместо подробной регламентации, как это было принято в законодательных актах того времени, "по новости сего торгу" закреплялось право "когда что в отмену или в дополнение вышеписанного к лучшему и полезному произведению признано будет, о том ему (графу Воронцову, главному учредителю компании) предоставлять в Правительствующий Сенат и что по рассмотрению Правительствующего Сената опробовано будет, тому остаться на всегдашнее время в своей силе неприменимым". Наличие таких широких полномочий можно объяснить лишь высокими постами и громкими титулами учредителей.

Дворяне-предприниматели использовали различные способы получения доходов. Наиболее яркий пример - дело барона фон Шемберга, вознесенного всецельным Бироном на пост генерал-берг-директора - руководителя горного дела всей России.

Вскоре после назначения новоиспеченный берг-директор подал прошение на имя Анны Иоанновны, в котором указывал, что "приметил", как "горное дело по сие число не особенно развилось" и что вследствие этого казенные доходы "не так довольны, как им быть надлежало". По его "разумению", правительство получило бы больше прибыли, если заводы управлялись бы "не единым казенным коштом", а "иждивением частных людей". Все эти рассуждения он завершает просьбой передать горные производства ему, Шембергу. И это его желание вскоре удовлетворили.

Запросы Шемберга были очень велики. Кроме заводов и субсидий он хотел получить земли в Лапландии и на побережье Белого моря "для построения вновь заводов в потомственное владение" с правом бесконтрольной торговли своими товарами (чтобы "ни в котором виде никто его не отягчал и препятствия не чинил"). Также берг-директор просил приписать к заводам крестьян в количестве, нужном для начала дела, а сверх того - "сколько потребно будет впредь, когда заводы размножатся", причем эти заводы предполагалось освободить от всех "нынешних и будущих податей, налогов и пошлин". Но и этого ему было мало. Шемберг просил запретить его рабочим самостоятельное приобретение для себя вина, табака, пива и "прочих харчей", ибо он желает не только развивать российскую промышленность, но и удержать рабочих от "непорядочных поступков", предлагая им закупать перечисленное в заводских лавках.

Препятствием на пути далеко идущих планов Шемберга был петровский указ 1714 года, запрещающий чиновникам "вступать в торги и подряды". Для разрешения этого процедурного вопроса создали специальную комиссию, которая должна была обсудить возможность

"горным управителям" заниматься горными промыслами. Несмотря на мнение комиссии, высказавшейся против участия чиновников в "коммерческой деятельности", победила позиция графа Остермана. Указ 1714 года, по его утверждению, "к сему делу не приличествует" и императрица может новые "потребные" указы "учинить". В итоге последовало высочайшее решение о том, что горные заводы не возбраняется отдавать частным компаниям, в которых могут участвовать и государственные чиновники. Барону Шембергу и герцогу Бирону (тоже желавшему "порадеть" о государственной казне) были предоставлены огромные привилегии. Сама императрица приписала к указу, что "от нас в сию компанию дается 50 тысяч рублей".

С воцарением Анны Леопольдовны положение компании Шемберга не изменилось, хотя один из участников упомянутой выше комиссии граф Головин указывал на то, что кроме полученных ранее производств Шемберг прибрал к рукам и ряд других казенных заводов, так как их раздача находилась в его ведении. Он "может некоторые и на собственную персону получить", делал вывод Головин, а "если не захочет сделать такого выдающегося "воровства"", то ничто не помешает ему "вступить в компанию... с прочими желающими партикулярными людьми". Шемберг поступал "не яко горных дел командир, - считал граф, - а сущий содержатель заводов... понеже большею частью должен будет свои интересы наблюдать".

В конце концов в 1742 году, уже при Елизавете Петровне, все заводы у Шемберга отобрали, а его самого взяли "под караул". Но вскоре один из компаньонов Шемберга сумел задобрить взятками сановных чиновников. Многие сенаторы всеми доступными им средствами выгораживали алчного саксонца.

Результаты "заботы" Шемберга о российской промышленности впечатляют. Долг его компании казне составил, по одним подсчетам, 308 тыс. рублей, по другим - 372 тыс. Большую часть этих денег Шемберг сумел переправить за границу, куда сбежал и сам.

Подобное "деловое" начинание послужило примером для подражания. Многие из привилегированных компаний буквально опустошали государственную казну. Так, граф Воронцов, возглавлявший Каспийскую компанию, в 1753 году получил на восемь лет исключительное право вывозить за рубеж русский хлеб. Граф П. И. Шувалов, влиятельный вельможа, отвечавший тогда за экономическую политику, приобрел морские и речные промыслы Шемберга, оставшиеся "с давних лет впусе", а вскоре было удовлетворено и его ходатайство о предоставлении моржовых, звериных и сальных промыслов по берегам Ледовитого океана. Чуть позже он направил новую челобитную "об отдаче ему Гороблагодатских железных заводов". Сенат согласился, ссылаясь на то, что сальные и рыбные промыслы им "в такое размножение приведены, в каком никогда они не бывали". Впоследствии заводы, отданные Шувалову за 90 тыс. рублей, казне пришлось выкупить уже за 750 тыс.

В середине XVIII века новые мануфактуры зачастую открывались только в том случае, если правительство предоставляло владельцу монополию на производство того или иного товара. Так, великому русскому ученому М. В. Ломоносову была выдана монополия на "заведение" бисерной и стеклянной фабрики, генерал-аншефу Сумарокову - на выделку козлиных кож, графу Ягужинскому - на выделку шелковых чулок. Известен случай, когда гофмаршал барон Сиверс возбудил ходатайство об уничтожении бумажной фабрики купца Ольхина на том основании, что его, Сиверса,

предприятие производит бумагу более высокого качества и в достаточном количестве. Сенат внял просьбе придворного и запретил Ольхину "распространять свою бесполезную фабрику". По замечанию одного из иностранных путешественников, это была хорошо отлаженная система обогащения небольшого числа "партикулярных" особ.

Симбирская компания графа Воронцова, взявшая на откуп таможенные и кабацкие сборы, задолжала казне в 1740-1741 годах 129 тыс. рублей, которые пришлось взыскивать судебным порядком. Однако дело продвигалось крайне медленно. Присланный для расследования прокурор Жилин доносил в столицу, что члены компании не в состоянии внести долг и "неплатеж чинится не для какого отбывательства, но по самой необходимой нужде... понеже эти купцы весь свой капитал... по купецким обрядам употребляли в оборот". Разбирательство приняло скандальный характер. От симбирских купцов на имя императрицы Елизаветы Петровны поступило прошение, в котором они обвинили Жилина в стремлении выгородить Воронцова и его компаньонов: "Оные хищники... свои многие торга и промыслы имеют под чужими именами", а прибывший прокурор взыскивает долг со всего симбирского купечества, причем "бьет их братию среднюю и меньшую гильдию батожем смертельно, морит в колодках и принуждает подписываться к платежу той суммы с каждой души по 6 рублей с излишеством".

Заметный перелом во взглядах российского дворянства на торгово-предпринимательскую деятельность произошел во второй половине XVIII века. Екатерина II относилась резко отрицательно к предпринимательским увлечениям дворян. Статья 330 екатерининского "Наказа" гласила: "Противно существу торговли, чтобы дворянство оную в

самодержавном правлении делало; погубительно было бы сие для городов... Противно и существу самодержавного правления, чтоб в оном дворянство торговлю производило". По-своему Екатерина была права. Действительно, при самодержавном правлении первейший долг дворянина - стоять на страже режима, не отвлекаясь на "упражнения в купечестве".

В 1790 году Екатерина II специальным указом запрещает дворянам записываться в купеческие гильдии. Так, она решительно отказала генерал-фельдмаршалу С. Д. Апраксину в прошении о зачислении его в 1-ю купеческую гильдию, публично обозвав сановника сумасшедшим. Более терпимо относилась Екатерина II к занятиям дворян промышленным предпринимательством, мало того, своими указами она открыла для этого широкие возможности. По сведениям Мануфактур-коллегии за 1773 год, в России насчитывалось 328 крупных фабрик, пятая часть (66) которых принадлежала дворянам. На первый взгляд немного, но это были самые крупные фабрики, чей оборот составлял почти треть оборота всех промышленных предприятий Российской империи.

Рост масштабов дворянского предпринимательства в середине и особенно во второй половине XVIII века связан с развитием вотчинной мануфактуры, ориентированной на использование сырья (главным образом шерсти) собственного хозяйства и производственные навыки крепостного населения вотчин. Ставка на вотчинное хозяйство определила концентрацию дворян-предпринимателей в суконной и, в меньшей степени, в полотняной промышленности. По некоторым подсчетам, в конце 70-х годов XVIII века из 184 текстильных предприятий им принадлежали 31 суконное, 18 полотняных и 5 шелковых мануфактур, в то время как купцы владели 130 предприятиями.

Один из интересных и показательных примеров дворянского предпринимательства - деятельность Александра Ивановича Полянского, женатого на графине Елизавете Воронцовой, фаворитке императора Петра III. После выхода в отставку в 1765 году в звании полковника он решил основать в своих вотчинах несколько предприятий. В Саранском уезде у этого помещика были полотняная, суконная, ковровая мануфактуры и два винокуренных завода. Интересно, что кроме собственных крестьян на Полянского работали и наемные люди. Но заработную плату, как правило, они получали с большими задержками. Не случайно в 1770 году один из приказчиков писал, что "от фабришных житья нет, ни от суконных, ни от полотняных, требуют... за работу и говорят, что покинем работать, да уже мало и работают".

Несмотря на то что вотчинные предприятия приносили неплохой доход, вплоть до 90-х годов А. И. Полянский не вылезал из долгов. В июне 1786 года он строго приказал управляющему имением продать как можно больше хлеба, потому что имеет "крайнею нужду и назаимовал на себя долгу, так что все рушные заклады перезаложил". Полянскому пришлось заложить даже столовый серебряный сервиз и есть на "черепках", а в оправдание говорить, что он это делает "для чистоты".

В 1793 году финансовое положение Полянского улучшилось. Но появившиеся средства он вкладывает не в хозяйство, а отдает их в рост, то есть становится ростовщиком. Если в начале года он пускает под проценты 2 тыс. рублей, то в конце - более 11 тыс. Через два года в обороте находится уже около 25 тыс. рублей. В числе заемщиков числятся пензенский губернатор И. А. Ступишин, его мать Е. П. Леонтьева и множество других известных в губернии лиц. Деньги А. И. Полянский давал из расчета 10% годовых, хотя закон устанавливал верхний

предел в 6%. Несмотря на это, его кредит пользовался большим спросом: ведь многие ростовщики брали более 20%, а система казенных банков тогда еще только складывалась. Отметим, что занятие ростовщицеством вообще было весьма популярно среди российского дворянства.

Во второй половине XVIII века быстро развивалось и стекольное производство. Если в 1762 году в стране насчитывалось 58 стекольных, хрустальных и зеркальных заводов, то к 1801 году - уже 131. При этом наиболее заметную роль в становлении стекольной отрасли играли помещики-предприниматели. В 1762 году им принадлежало 40%, а в конце века - уже 75% всех заводов. Правда, к числу дворянских относились и крупнейшие стекольные заводы Мальцевых, Баташевых и других купцов, получивших дворянские права в середине и второй половине XVIII столетия.

Одними из наиболее активных помещиков, занимавшихся хрустально-стекольным производством, были Бахметевы. В течение XVIII - первой половины XIX века они основали девять заводов - больше, чем кто-либо, за исключением Мальцевых. Бахметевы принадлежали к старинному дворянскому роду. Дед основателя заводов Юрий Бахметев, помещик Арзамасского уезда, еще в начале XVII века проявил себя смелым и напористым стяжателем, активно сманивая холопов даже у "знатных" людей. Его внук Алексей Иванович Бахметев занялся предпринимательством в середине 60-х годов, открыв в своих поместьях стекольный, винокуренный и другие заводы.

В 1794 году общая прибыль, которую принесли три стекольных завода Бахметева, составила почти 40 тыс. рублей, что было в несколько раз больше, чем за десять лет до этого. Причем росли и количественные, и качественные

показатели, осваивался выпуск новых, более сложных изделий. В конце XVIII века бахметевские заводы стали производить посуду - кружки, графины и т. д. - из так называемого молочного стекла (с добавлением окиси олова.), высоко тогда ценившегося. Сенатор Аршеневский, командированный в начале XIX века для осмотра фабрик и заводов России, назвал один из бахметевских стекольных заводов "превосходной мануфактурой", работа на которой "производится непрерывно, а потому изделия приготавливаются в большом количестве и отличной доброты. Лучшие из них ни мало не уступают иностранным. Инструменты, употребляемые для шлифования и гранения хрусталя, приводятся в действие посредством водяного колеса".

В 1825 году за поднесенную императору хрустальную вазу Н. А. Бахметеву была вручена высочайшая награда - бриллиантовый перстень. В 30-е годы XIX века за отменное качество продукции Бахметев получил орден св. Анны 2-й степени и право размещать на вывеске и своих изделиях государственный герб.

В металлургии, исключая Демидовых и Строгановых, получивших дворянство за промышленную деятельность, участие дворян не имело определяющего значения для развития и расширения промышленного капитала. Большинство оказавшихся в руках дворян металлургических заводов было передано им казной или досталось в результате браков и наследования от недворян. Причем ни одного из 32 бывших казенных предприятий, принадлежавших дворянам, к концу столетия не сохранилось.

К концу века наиболее практичная часть высшего сословия все решительнее порывала со стародворянским идеалом замкнутого натурального хозяйства и все активнее включалась в промышленное

предпринимательство. При этом наметилась ориентация на новые сферы фабричного производства. Так, если мануфактурщики петровской генерации "обзаводились" предприятиями военного назначения (суконными мануфактурами, металлургическими заводами, рудниками и пр.), то в последней трети XVIII века дворяне сосредоточили свои усилия на наиболее прибыльных отраслях, прежде всего на винокурении, то есть производстве водки.

Под давлением дворянства в 1754 году Сенат фактически отменил петровский указ 1716 года, по которому винокурение разрешалось людям "всякого чина... про себя и на подряд казне". По новому указу от 19 июля 1754 года "винное курение как про себя так и на подряд... следует для пользы одного дворянства". Купеческое винокурение допускалось только в отдаленных губерниях и как временная мера, "доколе помещики и вотчинники винокуренные свои заводы размножат".

Указ 1754 года, несомненно, был принят благодаря мощному давлению со стороны верхушки дворян, занимавших высокое положение в органах государственного управления и одновременно владевших винокуренными заводами. Винными подрядчиками были сенаторы П. Шувалов, А. Нарышкин, князь И. Трубецкой, князь А. Голицын, президент Камер-коллегии князь М. Шаховской и другие "знатные персоны". Позднее, в феврале 1764 года, генерал-прокурор А. И. Глебов, сам бывший одним из крупнейших винных поставщиков и откупщиков, писал Екатерине II: "Лучшее, что к удовольствию всего дворянства тогда (при Елизавете Петровне) учреждено, была винная поставка, чем многие и пользовались".

Немудрено, что такую сверхприбыльную сферу промышленного предпринимательства прибрали к рукам в

первую очередь те, кто стоял поближе к трону. По данным 1765 года, среди крупнейших винокуров России значились 38 действительных тайных советников, генерал-фельдмаршалов, генерал-аншефов, но самыми-самыми были представители титулованной знати: на первом месте - главный директор Ассигнационного банка граф А. П. Шувалов (получивший винокуренные заводы от своего сиятельного родителя П. И. Шувалова), на втором - обер-прокурор Сената Л. И. Глебов, на третьем - генерал-фельдмаршал С. Д. Апраксин (а после его смерти - вдова фельдмаршала). При этом лишь с винокурен графа Шувалова отправлялось свыше 250 тыс. ведер водки в год (старинная мера ведро равнялась 12,3 литра).

Яркий пример расширения винокуренного производства - деятельность князей Куракиных. Первые сведения о работе их заводов относятся еще к концу XVII века. Затем на протяжении XVIII века их фамилия постоянно присутствует среди поставщиков вина в казну. В конце 70-х - начале 80-х годов XVIII века братья Александр и Алексей Куракины имели уже несколько винокуренных заводов в Саратовской и Пензенской губерниях, снабжавших своей продукцией семь городов. Согласно свидетельствам, помимо официальных поставок куракинское вино отпускалось и в частные руки, (что строжайше запрещалось). В конце XVIII века, описывая предпринимательскую деятельность Александра Куракина, его современник писал: "Состояние его, отмеченное долгами до того, что при взятии своей отставки он едва не лишился продажей своего имения, столь напротив поправилось жизнью его в деревне не хозяйством, не умеренностью, а корчемством (незаконным производством и продажей вина.), что при нескольких годах такого уединения он имел знатный доход и мог содержать органную музыку, из иностранцев вольнонаемных

составленную". Даже через 100 лет, в конце XIX века, Куракины продолжали заниматься винокурением. Подобной преемственности нельзя проследить ни у какой другой дворянской семьи.

Также крупнейшими винокурами считались графы П. Чернышев, Н. Вяземский, князья Трубецкие, И. Одоевский и др.

Такое внимание к винокурению можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, необходимые сырье и материалы - зерно и дрова - помещик имел в своем хозяйстве. Во-вторых, государство, закупая хлебное вино по твердым ценам, освобождало поставщиков от поиска покупателей готовой продукции. В-третьих, для начала деятельности не требовалось крупных денежных средств из-за дешевизны и простоты оборудования винокуренного завода: нужно было приобрести лишь медные котлы и трубки, что делало строительство винокурни доступным практически любому помещику. В-четвертых, возведение, а затем и обслуживание производственных сооружений могло быть осуществлено силами собственных крепостных крестьян, то есть бесплатно. Свои крестьяне привлекались и для доставки сырья на завод, и для перевозки вина на казенные склады. В-пятых, некоторые отходы производства использовались как сырье в других технологических цепочках. Так, барда (остатки солода) шла на корм скоту, а зола служила основой для производства поташа. Фактически винокурение было безотходным и исключительно прибыльным производством.

Не чуралось дворянство и таких "неблагородных" (но приносящих большие доходы) видов деятельности, каковыми являлись винные и иные откупа. В середине XVIII века торговля рядом товаров - табаком, смолой, лесом и т. д. - сосредоточилась в руках небольшой группы

придворных сановников (Шувалова, Воронцова, Глебова), которые за немалые деньги продавали свои права крупным купцам, например Евреинову, Яковлеву, а последние затем перепродавали эти права более мелким. Часть прибыли купцы-откупщики обязаны были отдавать знатным держателям откупов. Так, Евреинов, купивший у Воронцова и Глебова право на вывоз льняного семени за границу, платил им по 50 копеек с каждой вывезенной четверти. За четыре года - с 1759-го по 1762-й - он передал держателям откупа 62,7 тыс. рублей. Петербургский купец Горбылев платил по договору за табачный откуп Шувалову 47,7 тыс. рублей ежегодно.

Таким образом, попытка Петра I подтолкнуть дворянство к предпринимательской деятельности не принесла желаемых результатов. Помимо некоторых царедворцев (князя А. Меншикова, графов П. Толстого и П. Шафирова), а также отдельных представителей дворянской элиты (князей П. Черкасского, П. Дашкова, П. Голицына, графов П. Шувалова, Н. Шереметева и др.) массового перехода дворян в эту сферу не произошло. Причины кроются, видимо, в том, что у дворян, прежде всего не было очевидных экономических стимулов (государственная служба или землевладение обеспечивали им вполне безбедную жизнь), к тому же в российском дворянстве прочно утвердилось высокомерно-презрительное отношение к "плебейским" занятиям, особенно к торговле (что, впрочем, было характерно не только для России).

В отличие от Европы, где процесс "обуржуазивания" дворянства набрал силу уже в XVIII веке, широкого включения российского благородного сословия в предпринимательство вплоть до отмены крепостного права в 1861 году так и не произошло.

Григорий Иванович Шелихов

Григорі́й Ива́нович
Ше́лихов (Ше́лехов)
1747, Рыльск —
20 [31] июля 1795, Иркутск).

Исследователь, мореплаватель, промышленник и купец из рода Шелеховых, с 1775 года занимавшийся обустройством коммерческого торгового судоходства между Курильской и Алеутской островными грядами. В 1783—86 годах возглавлял экспедицию в Русскую Америку, в ходе которой были основаны первые русские поселения в Северной Америке. Основатель Северо-Восточной компании.

Родился в городе Рыльске Курской губернии в зажиточной купеческой семье. Шелехов был смышленным и бойким мальчиком, еще в ранней молодости по поручению отца он начал торговые отношения с

сибирскими хозяйственниками. Родители умерли к его 28 годам, и он принял решение переселиться в Сибирь навсегда.

Компаньоны Шелехова, купцы, торговавшие в Сибири, налаживали уже пути к островам в Тихом океане, где водился в изобилии морской бобр. Некоторым удавалось счастливо привести суда с промысла пушного зверя на островах и получить значительную прибыль. Их опыт вдохновил Григория Ивановича, и он отправился на Камчатку, где с местным купцом снарядил своё первое судно за шкурами бобров, песцов и морских котиков, которое вернулось в 1780 году с большим грузом мехов.

В 1777 году Шелехов направил с этой же целью корабль на Курилы и к берегам Японии. Следующую экспедицию он отправил к Алеутским островам. В ходе последней его штурман Прибылов открыл неизвестные до того острова, которые были названы именем штурмана.

В середине августа 1783 года Шелихов вошел в компаньонство с братьями Голиковыми, с которыми отправился к берегам Аляски на трех кораблях, численность команды которых составляла 192 человека. Спустя месяц, пройдя Берингов остров, прибыли в Новый Свет, потеряв один из кораблей («Св. Михаила»), сделали остановку на острове Уналашка.

22 июля 1784 года экспедиция пристала к острову Кадьяк (Кыктак) в гавани, которую Шелехов назвал Трехсвятительской. Здесь он основал первое поселение. Русские пушные промышленники, которые уже посещали эти места, отговаривали Шелихова от основания здесь поселений, так как незадолго до этого местные жители убили целую группу русских охотников. Однако Шелихов не послушался их и основал первое

поселение на острове Кадьяк. Колонизация материка по соображениям безопасности откладывалась.

Шелихов контролировал строительство с 1790 года. В 1791 году Шелихов основал «Северо-Восточную компанию», которая в 1799 году была преобразована в Русско-Американскую торговую компанию. В 1788 году был награждён золотой медалью и серебряной шпагой «за открытие островов в Восточном океане».

Скончался 20 (31) июля 1795 в Иркутске, похоронен на территории Знаменского монастыря. После смерти Шелихова его значительное состояние и место во главе Северо-Восточной компании унаследовал зять — Николай Петрович Резанов.

Именем Шелехова названы:

- залив в Охотском море;
- бухта на острове Парамушир;
- между Аляской и островом Кодьяк;
- город в Иркутской области;

Николай Петрович Резанов

Никола́й Петро́вич Реза́нов (28 марта (8 апреля) 1764, Санкт-Петербург — 17 февраля (1 марта) 1807, Красноярск) — русский дипломат, путешественник, предприниматель. Вместе со своим тестем Г. И. Шелиховым стоял у истоков Российско-американской компании. Один из руководителей первого русского кругосветного плавания. Первый официальный посол России в Японии, составитель одного из первых русско-японских словарей.

Родился в Санкт-Петербурге в бедной семье коллежского советника Петра Гавриловича Резанова (1735-после 1794) и Александры, дочери генерал-майора Г. А. Окунева. После его рождения отца назначили председателем гражданской палаты губернского суда в Иркутске.

В детстве получил очень хорошее домашнее образование. Знал пять иностранных языков. В четырнадцать лет в 1778 году поступил на военную

службу в артиллерию. Затем за статность, сноровистость и красоту перевели в Измайловский лейб-гвардии полк.

Существует мнение, что этому поспособствовала Екатерина II. В 1780 году во время её поездки по Крыму Николай лично отвечал за её безопасность, когда ему было всего 16 лет.

В середине 1780-х Николай оставил военную службу и надолго исчез из окружения императрицы (причину отставки история не сохранила). Поступил ассессором в Псковскую палату гражданского суда, где прослужил около пяти лет с жалованием 300 руб. в год, после чего был переведён в Санкт-Петербургскую Казённую палату.

Затем — новый резкий скачок карьеры. Его вызвали в Петербург и дали место начальника канцелярии у вице-президента Адмиралтейств-коллегии графа И. Г. Чернышёва, а затем — экзекутора Адмиралтейств-коллегии. В 1791—93 годах — он становится правителем канцелярии Гавриила Романовича Державина, кабинет-секретаря Екатерины II.

В 1794 году Резанов по поручению Платона Зубова отправляется в Иркутск. Там он участвует в инспекции деятельности компании основателя первых русских поселений в Америке Григория Ивановича Шелихова.

Резанов женился 24 января 1795 года на пятнадцатилетней дочери Шелихова — Анне Григорьевне. Она получает дворянский титул, а он — хорошее приданое. Через полгода Шелихов умирает и Николай становится совладельцем его капитала. Сразу после смерти Екатерины II и падения графа Зубова Резанов возвращается в Петербург.

Император Павел принял его хорошо и согласился с его просьбой о создании на основе промыслов покойного Шелихова Российско-американской компании.

Представительство этой компании учреждалось в Петербурге, пайщиками стали и члены императорской семьи. Главой компании назначили Резанова, и немного позднее его сделали обер-секретарём Правительствующего сената.

18 июля 1801 года в семье Резанова родился сын Пётр, а 6 октября 1802 года — дочь Ольга. Через двенадцать дней после рождения дочери жена Резанова, Анна Григорьевна, умерла от родовой горячки.

Новый император Александр I, не желая отпускать Резанова в отставку, назначает его в 1803 году первым российским посланником в Японию для налаживания торговли между странами. Это было достаточно проблематичное поручение, так как Япония в течение предыдущих 150 лет вела политику жёсткого изоляционизма.

Посольство решено было совместить с первой русской кругосветной экспедицией на кораблях «Надежда» и «Нева» под командованием Крузенштерна (1803—1806). Указом императора Резанов наравне с Крузенштерном был назначен главой экспедиции.

За месяц до отправления в поход, 10 июля 1803 года, Резанов был награждён орденом Св. Анны I степени, и ему был присвоен титул камергера двора Его Величества.

Взяв у генерал-губернатора почётный караул (2 офицера, барабанщик, 5 солдат) для посла, «Надежда» поплыла в Японию («Нева» — на Аляску). Корабль прибыл в город Нагасаки 26 сентября 1804 года. Остров Дэдзима служил в то время единственным окном для взаимодействия японцев с западным миром. Русским в гавань японцы запретили входить, и Крузенштерн бросил якорь в заливе. Самому Резанову разрешили сойти на берег, предоставили отличное жильё, но за его пределы выходить было нельзя, и никого к нему не пускали.

Велели ждать ответа от императора. Любую еду доставляли по первому требованию, денег не брали. Так продолжалось полгода. В марте прибыл сановник с ответом императора. В ответе было сказано, что посольство он принять не может и торговать с Россией не желает. Вернул назад все подарки и потребовал, чтобы корабль покинул Японию.

Резанов не сдержался, наговорил сановнику дерзостей и потребовал всё это перевести. Договор с Японией заключить не удалось, и экспедиция вернулась в Петропавловск.

В Петропавловске Резанов узнал, что его освободили от дальнейшего участия в первой кругосветной экспедиции, приказав провести инспекцию русских поселений на Аляске.

Прибыв в Ново-Архангельск, Резанов застал русскую колонию в ужасном состоянии. Поселенцы просто вымирали с голоду, так как продукты им доставлялись через всю Сибирь в Охотск, далее морем. На это уходили месяцы, и они приходили испорченными.

Резанов купил у купца Джона Вульфа судно «Юнона», полное продуктов и отдал их поселенцам. Но до весны этих продуктов не хватило бы, поэтому Резанов приказал построить ещё одно судно, «Авось». После постройки отправил эти два судна на юг, в Калифорнию, за продуктами и чтобы установить торговые отношения с испанцами, которым в то время принадлежала Калифорния.

В марте 1806 года «Юнона» пришвартовалась в заливе Сан-Франциско. Испания была союзницей Наполеона, и поэтому отношения с русскими не приветствовались. Но Резанов за шесть недель пребывания совершенно покорила губернатора Верхней

Калифорнии Хосе Арильягу и коменданта крепости Хосе Дарио Аргуэльо.

В это время он познакомился с пятнадцатилетней Консепсьон Аргуэльо (Кончитой) — дочерью коменданта Сан-Франциско², Через некоторое время он сделал ей предложение руки и сердца. Ему было 42 года.

Кончита вопреки воле родителей мечтала стать женой Резанова. Родителям пришлось помолвить молодых, но окончательное решение о возможности брака они оставили за римским престолом.

После этого на «Юнону» стали привозить продукты в таком количестве, что некуда было уже грузить.

Сразу после обручения Резанов отправился назад. Он рассчитывал просить ходатайства императора перед папой Римским о согласии на брак. По его расчётам на это должно было уйти два года. Кончита заверила его, что будет ждать.

11 июня 1806 года Резанов покинул Калифорнию, увозя для русской колонии на Аляске 2156 пудов пшеницы, 351 пуд ячменя, 560 пудов бобовых. Через месяц корабли прибыли в Ново-Архангельск.

Перед отъездом в Петербург Резанов оставил инструкцию Главному правителю русских колоний в Америке А. А. Баранову с идеей создания аграрного поселения в Северной Калифорнии для снабжения Аляски продовольствием. Такое поселение, Росс, было основано в 1812 году и просуществовало до 1841 года.

В сентябре 1806 года Резанов добрался до Охотска. Начиналась осенняя распутица, и ехать дальше было нельзя. Но он отправился по «многотрудному пути

² это стало основой сюжета поэмы А. А. Вознесенского и поставленного по ней музыкального спектакля А.Л.Рыбникова.

верховую езду». Перебираясь через реки, из-за тонкого льда несколько раз падал в воду. Несколько ночей пришлось провести прямо на снегу. В итоге страшно простудился и пролежал в горячке и беспамятстве 12 дней. Как только очнулся, снова пустился в путь.

По дороге потерял сознание, упал с лошади и сильно ударился головой. Его довели до Красноярска, где 1 марта 1807 года он и умер. Резанов был похоронен 13 марта на кладбище Воскресенского собора.

Кончита осталась верна Резанову. Согласно легенде, она чуть больше года ходила каждое утро на мыс, садилась на камни и смотрела на океан. Сейчас на этом месте опора моста «Золотые ворота». В 1808 году она узнала о смерти Резанова из письма А. А. Баранова, посланного её отцу. Однако, выйти замуж она больше не пыталась. В конце жизни она ушла в монастырь, где умерла в 1857 году. Похоронена недалеко от Сан-Франциско, в Бениша (Benicia), на кладбище ордена доминиканцев.

Петр Иванович Рычков

Петр Иванович
Рычков (1712–1777
гг.).

XVIII век стал для нашей страны временем «закрепления окраин». Одним из моментов, оказавших значительное влияние на дальнейшую историю России в этом процессе явилось освоение и «закрепление» Оренбургского края. Именно с целью скорейшего вхождения края в состав Российской империи была создана Оренбургская экспедиция, по словам историков - «для XVIII в. отправной и самый яркий по своему драматизму эпизод расширения пределов Российского государства и продвижения его населения в юго-восточном направлении». Усилиями, главным образом, основателя и первого начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова, его преемников на этом посту В. Н. Татищева, В. А. Урусова, первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева «дикий и непокорный» до

этого край был приведен «под власть скипетра Российского». Но этот перечень «устроителей и радетелей края Оренбургского» не был бы полным без заслуженного упоминания еще одной, несомненно, выдающейся для своего времени личности — Петра Ивановича Рычкова.

Сын почти разорившегося из-за ряда неудачных сделок вологодского купца, П. И. Рычков, по направленному в Сенат представлению И. К. Кирилова, был определен за свои «изрядные познания» в бухгалтерском деле и немецком языке бухгалтером тогда только создававшейся Оренбургской экспедиции. Прибыв вместе с экспедицией в край, Рычков находился в нем уже постоянно до самой смерти, т. е. прожил здесь около 43 лет, лишь наездами бывая в Санкт-Петербурге и Москве.

С самого начала своей деятельности в составе Оренбургской экспедиции способный и энергичный юноша привлек к себе внимание начальства, оказавшись чрезвычайно полезным и нужным: «Они (руководство экспедиции), по тогдашним Башкирским безпокойствам, о том, как бы счетные книги по регуле булгалтерской установить, почти и думать уже перестали; но усмотря, что я в таких строгих случаях к управлению канцелярских других был способнее, все канцелярское правление на меня одного положили» писал он потом в воспоминаниях. В дальнейшем начинается стремительный карьерный рост П. И. Рычкова, характеризующийся возрастающей сложностью поручаемых ему задач и расширением сферы его деятельности в Оренбургском крае. С 1743 г. он получил официальное назначение заниматься «секретными и заграничными делами» в администрации края. С 1752 по 1759 гг. Рычков занимал высокую должность товарища при губернаторе, а затем после примерно 11-летнего перерыва, вызванного ухудшившимся состоянием здоровья и дел «домашней экономии», вновь вернулся на

службу в качестве правителя Главного Оренбургского соляных дел правления. Почти одновременно с этим, в 1775 г. главнокомандующий в Оренбургской, Казанской и Нижегородской губерниях, граф П. И. Панин в соответствии с указом Сената определил Рычкова «сверх порученного... соляных дел правления... в учрежденную от него при Оренбургской губернии иноверческую и пограничную экспедицию сочленом губернаторским». Наконец, в марте 1777 г., незадолго до своей смерти, Рычков был назначен главным командиром Екатеринбургского заводского правления.

Таким образом, Петр Иванович Рычков на протяжении долгого времени (больше 30 лет) находился у организации управления Оренбургским краем, действуя на первых порах, как талантливый исполнитель, «под началом» И. К. Кирилова и В. Н. Татищева, а затем проявив себя и как не менее талантливый руководитель, чьи заслуги были признаны и отмечены самодержавной властью. Однако, в силу сложившихся обстоятельств, современным читателям он известен, прежде всего, как ученый, исследователь истории, этнографии, экономики Оренбургского края, как автор прославивших его «Истории Оренбургской» и «Топографии Оренбургской губернии», как активный участник Вольного Экономического Общества и первый член-корреспондент Академии Наук. Вместе с этим мы помним его еще и только как помощника, «сотоварища» других выдающихся деятелей, как успешного и расторопного исполнителя чужой воли, что, несомненно, умаляет значимость его собственных заслуг. Такое отношение и оценка П. И. Рычкова были вольно или невольно заложены еще одним из самых первых серьезных исследователей его деятельности, П. П. Пекарским: «...он (Рычков) служил в Оренбургском крае в те времена, когда в нем совершались

в высшей степени любопытные для историка изменения в отношениях тамошних инородцев к русским и притом при таких замечательных правителях, каковыми были Кирилов, Татищев и Неплюев. В современной историографии, посвященной П. И. Рычкову, делаются попытки исправить этот недостаток. Тем не менее, самостоятельная деятельность Рычкова, мероприятия, проводившиеся по его инициативе и под его контролем для скорого освоения и «закрепления» Оренбургского края, по-прежнему остаются недостаточно исследованными. А между тем Пётр Иванович Рычков проявил себя как талантливый предприниматель, глава Оренбургского соляных дел правления.

В самом конце 1769 г., Петр Иванович Рычков, по его собственным воспоминаниям, «вступил в приготовление соляных учреждений». Главной задачей нового правителя было определено «отправление Илецкой соли внутрь Империи перед прежними годами в наибольшем количестве».

Интересы государства требовали для получения максимально высокого дохода постоянного увеличения вывоза соли за пределы Оренбургского края. Только бесперебойный, непрерывный ход соляной операции на всех ее этапах мог обеспечить значительный приток денежных средств в казну. Малейшие сбои и сложности, связанные с организацией добычи или поставки соли, влекли за собой огромные убытки, «урон казенному интересу». Однако если с добычей соли на месторождении администрация края еще справлялась, то поставки ее всегда проходили со значительными затруднениями: нехваткой рабочих рук, вызванной малой численностью жителей края, их нежеланием «ставить» соль в отдаленные «жительства» края. Парадокс ситуации заключался в том, что наиболее доходным являлся вывоз соли в «волжские

города», — Нижний Новгород, Кострому, Ярославль, — но именно его осуществление проходило сложнее всего. Для улучшения создавшегося положения руководство тогда еще Оренбургского соляного комиссарства заключило в 1766 г. подряд с бывшим симбирским купцом, коллежским советником С. Тетюшевым, одним из условий которого являлась постройка соляной пристани на р. Белой для ежегодного отправления в Нижний Новгород «по миллиону пудов илецкой соли». Условия договора выполнены не были: построенная подрядчиком пристань не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий. Таким образом, требуемая центральными властями организация постоянных соляных поставок за пределы Оренбургского края осуществлялась нерегулярно, от случая к случаю.

Разобраться с создавшейся ситуацией, найти возможность каким-то образом исправить ее должен был новый глава Оренбургского соляных дел правления, Петр Иванович Рычков. Сразу после вступления в должность, Рычков отправился в поездку по краю, «для избрания пристани и способнейших мест». Зима 1769–1770 г. прошла в постоянных разъездах. Кропотливый труд и прилагаемые усилия оказали самое положительное влияние: уже в феврале 1770 г. вновь начала действовать до этого заброшенная Бугульчанская пристань, «...дабы ею соляные поставки от верховья Белой реки до города Нижняго умножены были...». С лета 1770 г. началось отправление соли с еще одной пристани, также находившейся на р. Белой, с Уфимской. На р. Каме велось строительство соляной пристани и «соляных магазейнов» в «экономическом селе Бетки» (или Бежки), местонахождение которых было определено П. И. Рычковым в январе 1770 г. Несмотря на большую занятость, связанную с необходимостью регулярно «иметь присутствие» в Оренбурге для проведения заседаний

правления, Рычков старался по возможности чаще совершать поездки на соляные пристани, контролируя их работу и «ревизуя» находившихся там командиров. Результатом постройки и организации интенсивного режима работ пристаней явилось увеличение объемов вывозимой соли и, соответственно, увеличение доходов казны.

П. И. Рычковым не были оставлены без внимания и проблемы усовершенствования поставок соли с месторождения, как на пристани, так и в отдельные крепости и «жительства» Оренбургского края. По его инициативе все служащие, отвечавшие за организацию развозов соли в Оренбурге и на местах, получили строжайшее предписание «...с соляными повозщиками и со всеми работными людьми... поступать справедливо и безпристрастно, особливо же с башкирцами, приласкивая их по их свойству и нравам, чтоб они к соляным повозкам время от времени наиболее и не свыше прежних цен приохочивались, а обид и притеснений не только не чинить, но и всячески их от того защищать...». Другой важной мерой было ужесточение контроля за тептярями — выходцами главным образом из Среднего Поволжья, поселившихся в здешнем крае после завоевания Иваном Грозным Казанского царства. По проекту С. Тетюшева тептяри были привлечены к поставкам соли на Ашкадарскую пристань, а позднее, при оренбургском губернаторе И. А. Рейнсдорпе, их решено было использовать при перевозках соли и на другие соляные пристани. Однако тептяри, не желая выполнять возложенные на них поставки, всячески старались избежать их, нанимая вместо себя других местных жителей, чаще всего башкир. Такие действия приносили убытки «казенному интересу», в связи с чем в 1770 г. Рычков отправил письмо в Уфимскую провинциальную

канцелярию с предложением самым внимательным образом следить, «...дабы тептери и бобыли положенную на них соль впредь сами за себя ставили, а буде кто вместо себя нанять похочет, то б нанимали они из своей братьи, тептерей и бобылей, а других, особливо же башкирцов, к тому не нанимали...». И. А. Рейнсдорп, неприязненно относившийся к Рычкову, сначала не соглашался с данным предложением, и только непосредственное вмешательство директора Главной Соляной Конторы П. Д. Еропкина позволило реализовать его.

Тщательно отлаживаемая, годами создававшаяся система добычи и поставок соли с илецкого месторождения рухнула почти в одночасье, в результате событий Крестьянской войны 1773–1775 гг.: многие соляные магазины (склады) и лавки были разграблены или сожжены, также пострадали и соляные пристани, работавшие на вывоз соли в другие районы. В феврале 1774 г. пугачевским атаманом Хлопушей была захвачена построенная при месторождении крепость, Илецкая Защита. Уходя из крепости, Хлопуша забрал всех находившихся там «у рубки соли» ссыльных «в армию к государю Петру Федоровичу». Даже в конце 1776 г. Оренбургское соляных дел правление получало «доношения» от командования Илецкой Защиты, что находившиеся в крепости ссыльные в большинстве своем «...стары, дряхлы и как к рубке соли, так и ни к каким работам неспособны...». Тем не менее, усилиями правления и в первую очередь его главы, П. И. Рычкова, уже в 1774 г. разрушения на месторождении были исправлены, а к 1775 г. опять начала свою работу восстановленная Стерлитамакская (бывшая Ашкадарская) пристань на р. Белой.

Тревожная и нестабильная после «пугачевского замешательства» обстановка в крае вынудила П. И. Панина

осенью 1774 г. создать при Оренбургской губернской канцелярии «Особую иноверческих дел экспедицию». К участию в ее работе был привлечен и П. И. Рычков, и уже в январе 1775 г. им по приказу П. И. Панина был составлен «Проект инструкции учрежденной при Оренбургской губернской канцелярии иноверческой и пограничной экспедиции». Реально оценивая положение дел в Оренбургском крае, Рычков предлагал целый комплекс мер для восстановления «спокойства и тишины здешних пограничных мест».

Чайное дело дома Перловых

**Василий Алексеевич
Перлов³**

Династия московских чаоторговцев Перловых восходит к 1700 году, когда в Москве появился на свет основатель рода — Иван Михайлов сын (1700-1759), еще не носивший фамилию Перлов. В материалах первой ревизии (1725) он числился тяглецом Сретенской сотни, имевшим собственные торги, а в 1752 году упоминался в исповедной ведомости церкви Алексия Митрополита в Рогожской слободе как московский купец. Правда, к торговле чаем Иван Михайлович не имел никакого отношения, но именно он накопил капитал, который впоследствии так удачно пустили в дело его потомки.

Его сын Алексей в 1787 году открыл в Москве розничные чайные лавки, а в 1807 году распоряжением

³ http://trojza.blogspot.ru/2014/03/blog-post_29.html

Сената ему было позволено принять фамильное прозвище «Перлов» в качестве официальной фамилии. Прозвище происходило от слова «перл» — жемчуг. Согласно семейной легенде Перловых, в древности вода в реке Яузе была достаточно чиста, и в районе Алексеевской слободы, где проживал Иван Михайлович, можно было выловить раковины с жемчугом. Возможно, предки Перловых занимались таким ремеслом, как добыча и переработка жемчуга.

Исторической заслугой купцов Перловых была популяризация чая в России и его широкое распространение среди простого народа. Утром, наливая к завтраку свежезаваренный чай, как-то не задумываешься, сколько трудов было положено на то, чтобы чай стал привычным, доступным, естественным каждому русскому человеку. Немалая роль принадлежит Перловым в том, что этот дорогой аристократический, очень полезный напиток стал, не только известен простому населению, но и превратился в «православный», истинно национальный символ, который в дореволюционной России намеренно противопоставлялся водке.

Чай попал в Россию только в XVII веке. Раньше о нем знали понаслышке, когда служивые люди, побывавшие в Китае во времена Ивана Грозного, рассказывали на родине о любимом напитке китайцев. А в 1638 году монгольский Алтын-хан подарил царю Михаилу Федоровичу через посла три пуда чая, — это и было первое появление чая в России, с которым тогда и не знали, что делать. Потом ученый лекарь вылечил чаем больной кишечник государя Алексея Михайловича — и чай был признан на Руси навсегда, но поначалу только при дворе, как «пользительная трава» — то есть как лекарство.

Единственным в ту пору импортером чая был Китай, и чай направлялся к нам с Востока через забайкальскую

Кяхту. К концу XVIII века его поставки в Россию возросли с изначальных 3 тысяч пудов до 30 тысяч, однако чай был очень дорог и малознаком русичам, которые еще пили дедов мед, квас и сбитень. Цены на него колебались без ограничений, чай везли цыбиками (ящиками) без разбору сортов и качества, обращаться с ним по сути никто не умел. Именно тогда и началось чайное дело Перловых.

Чайная торговля в России являлась в то время рискованным экспериментом, поскольку простые москвичи еще не извели чай, и было неизвестно — примут ли они чай на свой стол, или он останется «пользительной травой» в аптеках. Алексей Перлов решился на смелый шаг и принялся торговать чаем в розницу. Дела А. И. Перлова шли успешно. По объявленному капиталу — пять тысяч 20 рублей — купец состоял во второй гильдии. Это давало ему право оптовой и розничной торговли по всей России. Как уже говорилось, в 1787 году он открыл первые чайные лавки в Торговых рядах на Красной площади и стал приучать простых москвичей к чаю, торгуя только в розницу, в небольших количествах, и, главное недорого, — за счет умелых коммерческих решений. Например, он отказался от услуг посредников и открыл в Кяхте собственную контору по закупке чая у китайцев, что сказалось на цене его розничного чая. Эксперимент оказался удачным — москвичи распробовали чай. В 1812 году перловские лавки в Москве не работали всего три с небольшим месяца, настолько они оказались популярными.

Семейное дело Алексей Иванович передал своим сыновьям. Василию Алексеевичу Перлову пришлось проявить немалый талант ради успешной и качественной чайной торговли в России, в результате чего была создана фирма «В.Перлов с сыновьями». В 1823 году в Москве было открыто сразу несколько фирменных магазинов

Перловых, первый из них — на Ильинке. В 1830 году Василий Перлов перешел в первую, высшую, купеческую гильдию. Это дало ему возможность вести оптовую торговлю не только по России, но и за границей. А в 1836 году он вместе с братом Иваном был удостоен звания потомственного почетного гражданина. В 1845 году китайские товары, шедшие к нам через Кяхту, были освобождены от уплаты пошлин, и в Россию посыпалось огромное количество фальшивого, недоброкачественного чая. В то же время власти Китая ввели ограничение на экспорт хорошего чая, дабы не разбазаривать по дешевке свое национальное достояние.

В этой ситуации купец Василий Перлов старался заботиться о качестве продаваемого им чая и в то же время привлечь к себе как можно больше широких потребителей за счет уменьшения его розничной цены. Задача была не из легких, но именно из-за ее умелого решения Перловы вышли на мировой уровень чаесторговли. Во-первых, он использовал и развил прием конкурента-чаесторговца А. Губкина — нормировку чая. Теперь приказчики в лавках продавали чай только по сортам, что улучшило качество чая, и только по установленным для каждого сорта ценам. У Перлова розничного чая можно было купить столько, сколько захочет покупатель: приказчикам велели отвешивать чай в любых, даже самых мизерных количествах. Так Перловы добились широкого выбора на любой вкус и расфасовок на любые финансовые возможности. Для популяризации чая как полезного для здоровья напитка Перловы сделали искусный рекламный ход. Расписные жестяные и алюминиевые чайницы, которые, кстати, делали в опекаемом Перловыми Шамординском монастыре, содержали поучительные изречения о чае. Вроде: «Свойство сему напитку —

осаждать пары, освежать и очищать кровь». Или проще: «Чай не пьешь — откуда силы?»

Во-вторых, Василий Перлов отдавал много сил борьбе с подделками, наводнявшими чайный рынок. В ходу было даже использование спитого чая, подкрашенного жженым сахаром, чем особенно промышляли в родной для Перловых Рогожской заставе. А потом мошенники стали работать и под Перловых, когда их фирма добилась успеха и известности. В конце XIX века под нажимом Перловых был принят закон, обязывающий чаоторговцев продавать чай только в пачках, с указанием фирмы и даты упаковки.

И в 1860 году незадолго до смерти Василия Алексеевича была учреждена фамильная фирма — Товарищество чайной торговли «В.Перлов с сыновьями». За более, чем столетнюю торговлю они стали «чайными королями» России, сопоставимыми по уровню с Рябушинскими, Морозовыми, Прохоровыми, Боткиными, Абрикосовыми. Одна из причин популярности чая Перловых состояла в том, что в качестве основного метода доставки чая из Китая Перловы использовали сухопутный метод. Это позволяло сохранить все ароматические и вкусовые свойства чайного листа. Другой, гораздо более распространенный метод доставки чая, используемый в основном англичанами, — перевозка морским путем был плох тем, что большая часть полезных свойств продукта утрачивалась. Из России в Европу Перловы доставляли чай через территорию Царства Польского, где было открыто несколько магазинов фирмы «Василий Перлов с сыновьями». В конце XIX века Перловы имели 88 магазинов в России и Европе (в Вене, Берлине, Париже и Варшаве), а в одной только Москве — 14 магазинов на центральных улицах, где торговали еще сахаром и кофе. Ныне из всего этого могущества остался только легендарный магазин на Мясницкой.

В 1835 году в семье Перловых состоялся семейный раздел. Отчий дом у Рогожской слободы достался старшему Михаилу Алексеевичу, а его братья, Василий и Иван, купили дом на 1-й Мещанской улице, 5, близ Сухаревой башни в приходе несохранившейся церкви Адриана и Натальи. Потом владение на Мещанской осталось за Василием, главой фирмы, и его сыновьями-преемниками Семеном и Сергеем: там и развивалось фамильное дело Перловых. В конце XIX века архитектор Р.И.Клейн перестроил усадьбу в пятиэтажный доходный дом, где расположились и фирменный магазин, и контора, и чаеразвесочная фабрика, и жилые апартаменты.

После смерти Василия Алексеевича в 1869 году произошел новый семейный раздел. Фирма «Василий Перлов с сыновьями» отошла его старшему сыну Семену Васильевичу вместе с домом на Мещанской. А младший сын Сергей Васильевич получил дом на Мясницкой, 19, купленный его отцом еще в середине XIX века. Выделившись, он основал собственную фирму — Товарищество чайной торговли «Сергей Васильевич Перлов и Ко». Она и обосновалась в доме на Мясницкой, с собственной чаеразвесочной фабрикой. В 1890 году его заново отстроил тот же архитектор Клейн. Так в Москве появились две фирмы Перловых, отныне конкурирующих между собой.

По указу Александра III в год столетия фирмы Перловых им было пожаловано дворянство — «во внимание к 100-летней деятельности рода московских купцов Перловых на поприще торговли и в воздаяние их заслуг». Фамильным символом стал чайный куст, украсивший нашлемник герба, шесть крупных жемчужин ознакомили фамилию, а девиз был избран «Честь в труде». Перловы получили и звание Поставщиков Двора с правом изображения государственного герба на этикетках

и надписи «придворный поставщик». Свои фирменные вывески они украшали невероятно красивыми лепными двуглавыми орлами, воспринимавшимися частью архитектурного оформления здания. А кроме Российского двора, Перловы удостоились почетного звания поставщика двора императора Австрийского, короля Румынского, князя Черногорского и Великого Герцога Нассауского.

Поистине всемосковские торжества 1 января 1887 году, когда отмечали столетие чайной фирмы Перловых, проходили на 1-й Мещанской при огромном стечении народа. Они начались праздничным богослужением в приходской церкви Адриана и Натальи. Пел лучший в старой Москве Чудовский хор. А затем в помещении главного магазина был отслужен соборне благодарственный молебен перед образом Спасителя, Иверской иконой и образом св. Пантелеймона. Протоиерей Петр Казанский в своем слове обратился к Перловым: «Столетние юбилеи частных дел — явление слишком редкое в нашем Отечестве. И ваш юбилей, конечно, мог совершиться не без особенного благословения Божия. Столетие вашего дела могло быть только плодом ревностного служения этому делу, служения честного, соединенного с исполнением обязанностей общественных, заповедей Божиих.... И вот вы ...начинаете второе столетие дела молитвою, испрашивая благословение от Господа. Да благословит же всеблагий Господь ваши добрые начинания, да благословит вашу ревность и честность в деле, да ущедрит благами земными, а более всего да преумножит в вас служение Господу в исполнении Его святых заповедей, и чрез то да продолжит ваш дом и род на многие и многие годы». Не каждая фирма в России удостоивалась такой похвалы.

Служение Господу, о котором говорил пастырь, выражалось у Перловых в широчайшей семейной благотворительности, как социальной, так и церковной. Она началась с деятельности создателя фирмы Василия Алексеевича, который помимо прочего занимал пост председателя Приказа общественного призрения, члена-благотворителя Московского коммерческого училища, и еще в 1856 году удостоился Высочайшей благодарности за пожертвование на устройство памятников и храма на Севастопольском кладбище. Семен Васильевич на протяжении 27 лет был ктиторм церкви Адриана и Натальи на 1-й Мещанской. Старший сын Семёна Васильевича - Василий Семенович Перлов 21 января 1871 года заключил договор с Удельным Округом на аренду 73 десятин оброчной статьи № 206- 230 2-го Измайловского имения Московской губернии и уезда. На этой земле он и построил дачный поселок, который стал называться Перловкой. В 1878, 1879 годах он прикупил ещё рядом немного земли, где появилась платформа «Перловская», летний театр. А в 1895-1897 годах младшие сыновья Семёна Васильевича Иван и Николай Семеновичи возвели в родовом имении Перловка деревянный храм Донской иконы Божией Матери с колокольной. Храм был освящен 6 мая 1897-го, в день рождения Николая II, о чем было немедленно сообщено императору. Кроме того братья Перловы создавали приюты, учреждали именные стипендии для нуждавшихся сирот, открывали бесплатные народные столовые, убежища для престарелых и раненых воинов, финансировали комиссии по устройству народных чтений, опекали нищих, гимназисток. Их благотворительность развивалась под патронажем св. великой княгини Елизаветы Федоровны и Императорского Человеколюбивого общества.

В те же 1890-е годы Сергей Васильевич совершил гораздо более масштабное благое деяние, о котором, впрочем, не спешил распространяться — добрый христианин С. В. Перлов точно следовал заповеди: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне» (Мф. 6:3). Но прежде, чем достичь этой высоты, Сергей Васильевич прошел долгую дорогу.

Судя по дошедшим до наших дней документам, благотворительная деятельность С. В. Перлова велика и разнообразна. В 1870-1877 годах он состоял агентом Московского комитета о просящих милостыни, то есть занимался приисканием рабочих мест для нищих и неимущих. По-видимому, эта должность в наибольшей мере отвечала отличительной черте характера С. В. Перлова — его уважению к труду, как своему, так и чужому. Перлов всегда старался помогать окружающим, если это было в его силах, но людей праздных не любил. Везде, где мог — в своих имениях, в торговых домах, а позже и в Шамордино — Перлов старался пристроить к делу как можно больше народа, иногда даже специально придумывая особые «общественные» работы. Сергея Васильевича часто попрекали тем, что он набирает рабочих больше, чем требуется для дела. В разговоре с людьми посторонними он отшучивался, а на попреки близких отвечал: «Как вы не хотите понять, что я стараюсь бедным людям дать кусок хлеба».

С 1880 года Сергей Васильевич Перлов числился почетным членом благотворительного Санкт-Петербургского Дома милосердия — учреждения, оказывавшего материальную и психологическую помощь «жертвам распутства» и раскаявшимся «публичным женщинам», в том числе несовершеннолетним; средствами их исправления были религиозно-нравственные беседы,

занятия домохозяйством и рукоделием, обучение грамоте и общеобразовательным предметам.

Начиная, по крайней мере, с 1884 года и до конца жизни, Сергей Васильевич ежегодно жертвовал по 25 рублей на нужды существовавшего в Москве Арнольдо-Третьяковского училища для глухонемых детей. Вероятно, в действительности его вклад был более серьезным: в отчете о деятельности этого учебного заведения за 1899 год Перлов числится как член попечительного комитета при училище, обладающий правом голоса. Список благих деяний коммерсанта можно было бы продолжить, но, думается, в этом нет нужды. Пусть они были регулярными, но все же лишь отдельными ступенями, ведущими его к главному деянию жизни.

Сергей Васильевич пожертвовал колоссальные средства на строительство монастырского комплекса — Казанской Амвросиевской женской пустыни. На его средства был достроен центральный храм монастыря — 15-главый собор Казанской иконы Божией Матери, а также трапезная палата, храм в честь преподобного Амвросия Оптинского, богаделенный и больничный корпуса, водонапорная башня... Кроме того, потомственный купец обеспечил монастырю хозяйственную независимость: обучил монахинь различным ремеслам и завел здесь целый ряд мастерских — живописную, чеканную, переплетную, коверную, а также фотографию и типографию. Фактически, усилиями одного только Сергея Васильевича Шамординская обитель менее чем за четверть века превратилась из малозаметной пустыньки неподалеку от старинного города Козельска (ныне Калужская область) в значительный по размерам хозяйства монастырь и крупный духовный центр. Здесь к началу XX века

подвизалось около 800 сестер разного звания и происхождения.

С. В. Перлов не просто помог однажды избранному монастырю и на том успокоился. Нет, он трудился на благо Шамординской обители на протяжении двух десятилетий — с конца 1891 года вплоть до своей кончины в 1911 году. По словам шамординских монахинь, помощь обители Перлов совершал с поистине христианским смирением, не афишируя ни своих трат, ни самого участия в судьбах обители. На слезы умиления и благодарственные слова игуменьи Сергей Васильевич отвечал следующим образом: «Что вы, матушка, я вас должен благодарить, что вы принимаете мою жертву». В память о С.В. Перлове после его кончины монахини обители издали небольшую книжечку под названием «Венок на могилу дорогого и незабвенного благодетеля Сергея Васильевича Перлова от любимых и благодарных сестер Казанской Амвросиевской пустыни».

Основной ареной, в которой проявлялось соперничество двух ветвей одной династии, являлась, конечно, торговля. Вернее — рынок колониальных товаров. Главы фирм сделали ставку на разные категории потребителей. Сыновья Семена Васильевича рассчитывали на массового покупателя, продавая чай в бумажных или картонных упаковках. В отличие от племянников, Сергей Васильевич Перлов держал марку за счет состоятельной части городского населения: гильдейского купечества и аристократии. В его магазинах впервые стали продавать чай в красиво оформленных жестяных баночках с надписями, сообщающими о пользе чайного напитка. Для наиболее состоятельных покупателей выпускались хрустальные чайницы. Ставка на зажиточные слои общества выручила Сергея Васильевича в начале XX века, когда фирма «В. Перлов с сыновьями» переживала

продолжительный кризис, закончившийся лишь к 1917 году. Но соперничество двух ветвей династии выходило далеко за пределы собственно торговой сферы, затрагивая и другие области жизни.

Сергей Васильевич Перлов получил лишь домашнее образование, представлявшее собой суммированный жизненный и деловой опыт их дедов и отцов. Тем не менее, купец на протяжении всей жизни ощущал искреннюю тягу к культуре. Он коллекционировал китайскую живопись и фарфор, являлся членом Московского художественно-фотографического общества, но главное — в его доме на Мясницкой имелся собственный театр. Это был один из наиболее ранних любительских театров, возникших по инициативе коммерсанта. Судя по дневнику купеческой дочери В. А. Хлудовой (в замужестве — Морозовой, крупной меценатки), перловский театр существовал уже в 1861 году, т. е. за полтора десятилетия до того, как в купеческой среде распространилась мода на частные театры. На его сцене выступали артисты-любители, а также устраивались музыкальные вечера: Сергей Васильевич очень любил музыку, как светскую (особенно произведения П. И. Чайковского), так и церковную.

Племянники Сергея Васильевича также стремились проявить себя в культурной сфере. Впрочем, им далеко не всегда удавалось достичь сколько-нибудь высокого уровня. Так, Николай Семенович, как и его дядя, занимался коллекционированием. Купец П. И. Щукин отмечал, что тот был завсегдатаем рынка у Сухаревой башни, «...где покупал всевозможные вещи, старые и новые». Другой купец, Сергей Александрович Попов, оценивал страсть Н. С. Перлова к собирательству с нескрываемой иронией: «Это был... одетый по-европейски кавалер, по-видимому, малокультурный,

любивший как будто коллекционировать, а попросту он постоянно посещал Сухаревский рынок и покупал всякую дрянь. У него до того доходила страсть отправляться в воскресенье «на Сухаревку», что он даже летом из Перловки считал долгом каждое воскресенье ездить туда».

Перловка — дачный поселок по Ярославской железной дороге, принадлежавший племянникам Сергея Васильевича, к началу 1880-х годов считался одним из самых модных дачных мест. Сюда каждое лето съезжались богатые коммерсанты со своими семьями. В русле охватившей купеческий мир «театральной моды», здесь был устроен летний театр для отдыхающих. По словам С. А. Попова, «в 1882 году театр... представлял собою здание, с боков открытое, с деревянным полом и небольшой сценой. Дачники-любители ставили там спектакли и устраивали танцевальные вечера». Позднее братья Перловы стали приглашать профессиональных артистов. Как бы то ни было, в культурной сфере Сергей Васильевич ненамного обогнал своих племянников: коллекции в доме на Мясницкой включали множество ценных экспонатов, зато его «театральная» деятельность так и не поднялась над уровнем любительских спектаклей.

В 1896 году соперничество двух ветвей семейства, двух фирм предельно обострилось. Москва готовилась к коронации будущего императора Николая II. Ожидали приезда множества почетных гостей, в том числе чрезвычайного посла и канцлера Китайской империи Ли-Хунь-Чжана. Целью визита китайского сановника было подписание союзного оборонительного договора между Китаем и Россией. Кроме того, министр финансов С. Ю. Витте провел с Ли-Хун-Чжаном успешные переговоры, добившись согласия Китая на сооружение

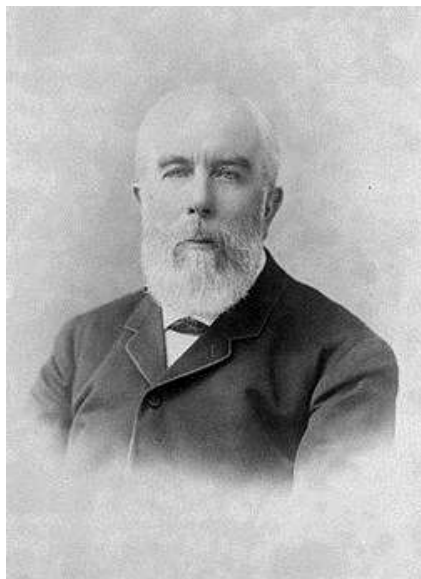
в Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Что касается чаоторговцев, то для них приезд китайского посла таил в себе возможность заключения новых выгодных контрактов на поставки чая из Китая. Поэтому каждый стремился принять посла в своем доме.

Ждали его и на Мещанской, и на Мясницкой — семейная конкуренция Перловых достигла своего апогея. Именно тогда и была возведена китайская «пагода» на Мясницкой, для чего Сергей Перлов пригласил архитектора Карла Гиппиуса, сотворившего это московское чудо. Внешний вид дома, как и интерьер магазина, был отделан в китайском стиле: башенка, витые дракончики, китайские фонарики, змейки, зонтики. Хозяин ожидал, что китайский гость будет тронут таким знаком внимания и остановится у него.

А на Мещанской здание не перестраивали, лишь украсили его в китайском стиле, как декорациями. Там-то дорогой гость и остановился 5 мая 1896 года — у главы фирмы «В.Перлов с сыновьями». Канцлера встречали порусски, хлебом-солью, после чего поднесли в дар серебряное блюдо с гравюрой дома Перловых и фигурную солонку.

В конечном счёте Сергей Перлов остался в историческом выигрыше — именно его дом пережил и конкурентов, и революцию, и стал самым любимым чайным магазином в Москве. Особенность его в том, что постоянными посетителями оказались и истинные ценители чая, и обыкновенные москвичи, не мыслящие свой день без этого напитка. Вдова С.В.Перлова прожила в этом доме до самой кончины в феврале 1918 года. Дом сразу же «уплотнили» в коммуналки — число комнат соответствовало числу окон. А магазин «Чай-Кофе» получил главный номер 1: по статусу чайно-кофейной торговли он равнялся Елисейевскому гастроному.

Алексей Иванович Абрикосов

Алексей Иванович Абрикосов, (20 февраля 1824г.— 31 января 1904) — русский предприниматель, фабрикант, основавший во второй половине XIX века кондитерскую фабрику «Товарищества А. И. Абрикосова Сыновей» (ныне концерн «Бабаевский»), а также владевший кондитерскими и чайными магазинами в Москве, Поставщик Двора Его Императорского Величества, председатель совета Учётного Банка, действительный статский советник.

На Новый, 1880 год в газетах Москвы появилось сообщение о том, что в одном абрикосовском магазине продавщицами работают только блондинки, а в другом - только брюнетки. Обыватели, уже привыкшие к тому, что "шоколадный король" вечно что-нибудь придумывает, отправились проверить, так ли это на самом деле. Ну и пока присматривались, заедали свой интерес знаменитыми абрикосовскими сладостями. А там было что выбирать - глазированные фрукты, пастила, конфеты для балов и свадеб, а также и специальные конфеты вроде "Утиный

нос от кашля", шоколад "Древнегреческий", кофе, какао, пироги фигурные, торты, пряники, печенье, бисквиты, мармелад "Лилипут" и "Царский", варенье. И все такого качества, и так пахнет, и в такой упаковке, и предлагается такими блондинками и брюнетками, что, как написала одна из газет, "и Медный Всадник не удержался бы и прискакал бы к нам из Петербурга на дни проведения этой очередной оригинальной рекламной акции "А.И. Абрикосова сыновей фабрично-торгового товарищества".

Алексей Иванович в семейной и общественной жизни держался старых строгих правил, но в своем бизнесе считался по своей чуткости и открытости ко всему новому одним из самых, как сейчас сказали бы, продвинутых профессионалов. К примеру, работа с покупателем. Тут с Алексеем Ивановичем вообще почти никто в России тягаться не мог. Красочные плакатики с улыбающимися детьми, предлагающими конфеты, пастилу и шоколад, открытки-вкладыши в коробках конфет с загадками и головоломками в рождественских и пасхальных наборах. Существовали даже целые серии вкладышей и этикеток, посвященных знаменитым артистам, деятелям культуры и науки. Товарищество дважды побеждало на Всероссийских художественно-промышленных выставках в Москве. Эти успехи Абрикосовы отметили особыми открытками. Одна изображала нарядного мальчика, символизировавшего год первого официального признания - 1882-й. Другая - красивую девочку, олицетворявшую 1896 год, когда была получена вторая награда. Эти карточки - один из первых примеров использования детских фотографий в рекламе, ведь дети - главные потребители всяческих сладостей, и радость, с какой они демонстрировали памятные даты истории предприятия, заставляла их родителей связывать свои воспоминания о счастливом детстве именно с фабрикой

Абрикосовых. Важно еще и то, что на самой открытке не изображались конфеты, а значит, продукция не навязывалась покупателю, но реклама была обращена к тому лучшему, что есть в каждом человеке, - к его родительским чувствам, а уж после этого, конечно, и к его покупательским возможностям.

Съев конфету, люди потом долго (некоторые до сегодняшнего дня) хранили такие красочные открытки, не решаясь их выбросить, и, стало быть, держали у себя в доме своеобразную рекламу когда-то съеденных шоколадных чудес. А это побуждало снова что-нибудь купить у Абрикосовых в надежде повторить удовольствие и найти новый красочный сувенир. Через много лет рекламный ход Товарищества "Поставщика Двора Его Императорского Величества", действительного статского советника Абрикосова Алексея Ивановича будет использован в известном ныне "киндер-сюрпризе". Вот только начинка у "киндера" будет уже не та. Ведь Абрикосовы создавали сладости по старинным русским рецептам.

Основоположителем будущей шоколадной империи Абрикосовых считается крепостной Степан Николаев. Известно, что Степан с детства увлекался кулинарным ремеслом, особенно удавались ему варенье и мармелад из яблок и ягод. В 1804 году 64-летний Степан, видимо, порадовав старую барыню каким-то особенным угощением, уговорил старуху дать ему вольную и отправился искать экономического счастья в Москве. Нашел его в Китай-городе, где вместе с сыновьями Иваном и Василием организовал скромное кустарное производство и мелкую торговлю джемом и конфетами. Вскоре появилась своя постоянная клиентура, заказывавшая изделия мастерской для званых вечеров и свадеб. Качество продукции было таково, что, как

утверждает семейная легенда, игумен ближнего Новоспасского монастыря за пастилу и мармелад даже благословил Степана древней иконой. Эта икона потом оберегала Абрикосовых до 1917 года. А пастила та самая - из зернистых абрикосов - и послужила впоследствии основой для возникновения фамилии знаменитого купеческого рода, которая утвердилась официально за ними в 1814 году, а до того, в 1812-м, сын Степана Николаевича - Иван - получил дозволение открыть "торговый дом".

Женился Иван Степанович на 15-летней крепостной фрейлины Орловой-Чесменской, и 20 февраля 1824 года у него родился сын Алексей Иванович, вот он-то и станет в будущем "шоколадным королем России". Но то в будущем. А в 1838 году, когда наследнику было только 14 лет, доходы "торгового дома" Абрикосовых упали, и отец был вынужден забрать его из престижной Практической академии коммерческих наук. Недоучившийся ученик четвертого класса оказался вынужден сам зарабатывать себе на жизнь, для чего его устроили на службу в торговую комиссионерскую контору Гофмана, занимавшегося в основном продажей сахара. Здесь Алеша и прошел свои "университеты". Старательный мальчик работал привратником и счетоводом, бегал на почту и разносил покупки, а попутно много и охотно учился. Не только коммерции, но и бухгалтерскому учету, так что в "мальчишках" надолго не задержался, дослужился до главного бухгалтера, и наконец в 1847 году Алексей Иванович уже смог уйти от хозяина и открыть свое, пусть и небольшое, "кондитерское заведение в городской части". Наладился кое-какой собственный бизнес, пришло время подумать и о личной жизни. А в те времена это означало только одно: пора жениться.

На каком-то очередном семейном празднестве добрые люди, а точнее свахи, прямо как в пьесах Островского, познакомили Абрикосова с Агриппиной Александровной Мусатовой, дочерью известного парфюмерного и табачного фабриканта. Молодой человек медлить не стал, и в 1849 году состоялась скромная свадьба. В приданое от отца Агриппина Александровна, избранница и верная спутница Абрикосова на всю жизнь, получила 5 тысяч рублей, которые тоже немало поспособствовали развитию семейного дела. Первое время молодые жили в маленьком домике на Варварке. Трудились все: Алексей Иванович ежедневно занимался заготовкой ягод и фруктов, для чего лично ездил на Болотный базар, эту операцию он никому не доверял, кроме того, он вел бухгалтерию, а любимая жена и старшие дети, Николай и Анна, помогали заворачивать готовую карамель в обертки. Жили дружно. У счастливых супругов родилось 22 ребенка - 10 мальчиков и 12 девочек, семнадцать из которых, как и их родители, были здоровы, крепки верой, успешны в своем деле, счастливы в семье и дожили до преклонных лет. Работали честно и с выдумкой. Вскоре собственное кондитерское производство имело "40 очагов для варки сладостей", которые выпускали более 30 пудов продукции в год. В списке фабрик и заводов Москвы, составленном в 1850 году, Абрикосовы лишь бегло упоминались - так, дескать, "кондитерское заведение в городской части". А уже в 1877 году "кондитерское заведение" было преобразовано в "Фабричное торговое Товарищество А.И. Абрикосова сыновей". И было оно действительно Товариществом - с заглавной буквы, содружеством и общим делом всей семьи. Вскоре, благодаря упорному труду, оно стало крупнейшим московским механизированным предприятием, выпускающим более 500 тонн продукции в год на общую

сумму 325 тысяч рублей (что сегодня составило бы не менее 5 миллионов долларов). Весной 1879 года в Сокольниках, на Малой Красносельской, был приобретен земельный участок в четыре гектара под постройку новой фабрики. Появились в Москве и новые магазины Товарищества - на Тверской, Кузнецком мосту, в Пассаже Солодовниковых, - одни из самых ярких и интересных в столице по богатству отделки. Открыли Абрикосовы лавку и прямо на фабрике, где сладости продавались с большой скидкой. Когда настало время приобщать к бизнесу старших детей, Алексей Иванович направил московскому генерал-губернатору прошение: "Желаю передать принадлежащую мне фабрику в полном ее составе своим сыновьям Николаю и Ивану Алексеевичам Абрикосовым". Далее шла очень характерная для того времени приписка: "Мы, нижеподписавшиеся, желаем приобрести фабрику А.И. Абрикосова, желаем содержать и производить работу под фирмой "А.И. Абрикосова сыновья". К началу XX века Товарищество выросло в огромную, по тогдашним представлениям, корпорацию, выпускавшую четыре тысячи тонн карамели, конфет, шоколада и бисквитов в год. 1900 человек обеспечивала работой "шоколадная империя" Абрикосовых. Производство, как и всякое успешное дело, постоянно расширялось и перестраивалось.

В 1902 году Абрикосовы известили Московскую городскую управу, что все прежние фабричные строения Товарищества следует исключить из оценочных налоговых ведомостей как "сломанные с 1 апреля сего года". А уже через полгода в Сокольниках появляется новое, суперсовременное по оснащению кондитерское предприятие. На первом этаже трехэтажного каменного здания располагались шоколадная, яблочная, варенная мастерские; на втором - пастилочная; на третьем -

конфетная и карамельная. В другом, тоже трехэтажном, но поменьше, находились бисквитная мастерская и помещения для укладки продукции. Так было организовано производство. А для работников выстроили здесь же прекрасное благоустроенное общежитие, где каждый имел свою комнату (в то время как на других предприятиях Москвы обычно устраивались рабочие спальни на 40-50 кроватей в два яруса). В фирме, созданной высокими профессионалами в своем деле, разумеется, особо ценились квалифицированные кадры. Известно, например, что помимо легендарной пастилы Абрикосов славился еще и глазированными фруктами. Рецепт изготовления этих чудес знали только иностранные кондитеры. Тогда Абрикосов оборудовал на фабрике специальную лабораторию, нанял первоклассных специалистов, отрядил на это дело своих лучших рабочих, и вкусный секрет был раскрыт! Монополия заморских глазированных сладостей закончилась. Абрикосовские арбузы в шоколаде (которые по размерам не уступали астраханским настоящим!), сливы и вишни стали с тех пор самой сладкой частью воспоминаний о прошлой России. Но осуществляли-то все это люди. Поэтому для "шоколадного короля России", человека верующего, привыкшего с детства уважать свой и чужой труд, было само собой разумеющимся, что на его фабрике рабочих обеспечивали бесплатным питанием на фабрике, вручали подарки по праздникам (а праздников тогда было до тридцати дней в году!), предоставляли возможность покупать кондитерские изделия собственного производства в 10 раз дешевле, чем в магазинах. Еще в 1898 году на фабрике было проведено электричество, новшество по тем временам очень недешевое, зато решительно облегчавшее условия труда. Заботились и о досуге людей. И уже через год по выходным дням

столовая для рабочих превращалась в зрительный зал, как тогда говорили, "электротeatра", где для рабочих, ставших одними из первых в Москве зрителей, демонстрировали всевозможные "туманные картины с волшебного фонаря". А еще еженедельно устраивался День открытых дверей, когда все желающие могли ознакомиться с условиями работы на предприятии. Экскурсия начиналась с трехэтажного особняка, сохранившегося и сегодня, где тогда размещалась контора. Именно это здание можно рассмотреть на логотипе нынешнего АО "Бабаевский", преемника абрикосовского производства.

Как известно, благотворительность была одной из самых устойчивых традиций русского предпринимательства. Не нарушили ее и супруги Абрикосовы. Начали они со скромных ежегодных 100-рублевых пожертвований госпиталю и ополчению во время Крымской войны. Позднее Алексей Иванович стал членом комитета по оказанию помощи семьям убитых и раненых в войне с Турцией 1877 года, а в 1880 году вошел в Совет Дома московского купеческого общества, занимавшегося строительством бесплатных квартир (?) для участников той войны. Не уступала супругу в своем стремлении совершать благие дела и Агриппина Александровна Абрикосова. Будучи многодетной матерью, она хорошо понимала заботы и потребности работающих женщин. По ее инициативе при фабрике был открыт бесплатный детский сад (один из первых в России), куда могли отдавать своих детей 150 матерей-работниц. Затем она организовала "бесплатный родильный приют и женскую лечебницу с постоянными кроватями", где были собраны лучшие в России акушеры. За год через приют проходило более двухсот рожениц, а детская смертность и смерть при родах составляли здесь небывалую цифру - один процент. После смерти

Агриппины Александровны в 1901 году согласно ее завещанию муж передал 100 тысяч рублей на расширение родильного приюта. По решению Московской городской управы он стал так и называться: "Городской бесплатный родильный приют имени А.А. Абрикосовой". После революции это образцовое заведение переименовали в роддом №6 имени Крупской. В 1994 году знаменитому родильному дому вернули имя его основательницы.

Алексей Иванович ненадолго пережил супругу - 31 января 1904 года его не стало... Всю жизнь родители представляли для своих детей живой образец семейного счастья. Они прожили вместе более пятидесяти лет. На поминках вспоминали празднование в 1899 году золотой свадьбы одной из самых знаменитых семейных пар России. Вот как рассказывали об этом событии потомки: "В храме было парадно, везде постланы ковры, красное сукно. Алексей Иванович во фраке, Агриппина Александровна в золотом парчовом платье, все присутствующие в нарядных белых платьях. От церкви до дома дорога была устлана коврами. Агриппина Александровна, сидя в своем платье в "позолоченной" карете, все повторяла: "Я совсем как царица!". "Молодожены" были буквально засыпаны цветами. Первое приветствие было сделано от детей, которые поднесли родителям чеканного золота венцы, осыпанные бриллиантами, и адрес, где выражалось пожелание, чтобы эти венцы были родовыми и венчали членов семьи Абрикосовых. Затем последовало поздравление от внучат, поднесших... живописное родословное дерево. А далее чету приветствовали правнуки, подарившие свою огромную групповую фотографию..."

В 1870 году Алексей Иванович Абрикосов был причислен к сословию потомственных почётных граждан. В 1879 году получил звание коммерции советника. В

последние годы жизни был награждён чином действительного статского советника, дававшего право потомственного дворянства. Из наград имел золотую медаль «За усердие» на Андреевской ленте (1876), ордена Св. Анны и Св. Станислава 2-й степени.

Алексей Иванович и Агриппина Александровна были похоронены на кладбище Ново-Алексеевского монастыря в Москве. В 1926 году монастырь был закрыт, а кладбище уничтожено.

Николай Александрович Алексеев

Никола́й
Алекса́ндрович
Алексее́в (15 [27]
октября 1852, Москва —
11 [23] марта 1893, там
же) — московский
предприниматель,
благотворитель,
политик, организатор
городского хозяйства,
происходит из
купеческой династии
Алексеевых. В 1885—
1893 годах — городской
голова Москвы.
Алексееву Москва
обязана строительством
современных
систем водопровода, кан
ализации, школ и
больниц.

Николай Александрович родился в купеческом роду Алексеевых, из которого также вышел К. С. Станиславский — его двоюродный брат. Со времен пожара 1812 года Алексеевы базировались у Рогожской заставы, в Алексеевских улицах (позже переименованных в Коммунистические). Мать, урождённая Бостанжогло — из греческого купеческого рода. «Он соединил в себе хитрость и утонченность грека

с разнузданностью русской природы» говорил об Алексееве Б. Н. Чичерин.

К тридцати годам Николай стал главой Правления торгового и промышленного Товарищества «Владимир Алексеев». Управлял крупными предприятиями в Пушкине, Харькове и Подмоскowie. Семейство владело большой «канительной» фабрикой (производство золотых и серебряных нитей). Одновременно он начал заниматься городскими делами: с 1881 Алексеев — гласный Московской городской думы. В ноябре 1885 года тридцатитрехлетний Алексеев был избран городским головой Москвы. Современники описывали его так: высокий, плечистый, могучего сложения, с быстрыми движениями, с необычайно громким, звонким голосом, изобиловавшим бодрыми, мажорными нотами, был весь — быстрота, решимость и энергия.

Алексеев повернул хозяйство города на путь независимого от имперской власти, муниципального развития. Для этого были нужны собственные источники доходов (налоговые поступления составляли не более трети бюджета), и Алексеев проявил талант управленца в создании таких источников, в управлении муниципальной собственностью. По его инициативе город создавал коммерческие муниципальные предприятия, которые строились на заёмные деньги, начиная с 1887 года. В 1892 город выпустил облигационный займ на сумму, примерно равную годовому доходу города (7 млн.руб.). Муниципальные предприятия в целом вышли на прибыль только во второй половине 1890-х гг, после гибели Алексеева, а к 1913 году их вклад в бюджет достиг 55 % доходной части.

При Алексееве вышел закон, запрещающий в черте Садового кольца возведение или ремонт деревянных

построек, что ускорило обновление их на каменные. Приехав вместе с обер-полицмейстером Власовским на пожар деревянного дома ветеринарного врача С. Г. Гаврилова по Афанасьевскому переулку городской голова сказал собравшейся толпе москвичей: «Ну, слава богу, еще одним деревянным домом в Москве меньше!»

Николай Александрович консолидировал воедино инициативы московских благотворителей, начиная с самого себя, и направлял их на первоочередные нужды города. Принимал энергичное участие в совещании генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича по сбору пожертвований на организацию помощи голодающим в результате крупного неурожая 1892 года в восточных губерниях страны. После этого даже возникли слухи, что он займет пост министра торговли. От жалованья (12000 рублей в год) он отказался. За десятилетие (1887—1897), доходы Москвы выросли с 4.7 до 10.8 млн.руб., а дефицит сократился с 1.3 млн.руб. до нуля. Прирост доходов позволил приступить к давно необходимой модернизации коммунального хозяйства.

Важнейшей инициативой Алексеева стала постройка московского водопровода и канализация. Ранее вода из Мытищинского водопровода поступала самотёком к водоразборным фонтанам. В 1883 Дума передала строительство водопровода концессионерам, но этот проект провалился. При Алексееве город самостоятельно выстроил насосные станции, позволившие довести водопровод до каждого дома, и реконструировал магистральные водоводы. Две напорные башни у Крестовской заставы (впоследствии уничтоженные) были оплачены Алексеевым лично.

По инициативе Алексеева все скотобойни были выведены из города и сконцентрированы в Калитниках (нынешний Микояновский мясокомбинат).

Была завершена постройка Исторического музея (архитектор В. О.Шервуд) и построено здание Городской Думы по проекту архитектора Д. Н. Чичагова (впоследствии Музей Ленина).

Рис.1. Водонапорные башни у Крестовской заставы (не сохранились)⁴.

Рис.2. Канализационно-насосная станция в Крутицах — сегодня музей Мосводоканала⁵

⁴ Автор: Max Hoepfner, 1848-1924 - "Builders of Russia. Moscow at the turn of century" ("Строители России. Москва в начале века", М, 2001, ISBN 5-9207-0001-7, Общественное достояние, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=2082417>

Николай Александрович являлся попечителем нескольких начальных учебных заведений, директором Попечительного о тюрьмах комитета, директором Русского музыкального общества, почетным членом Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета, казначеем Дамского комитета Общества Красного Креста. При нём в городе было выстроено 30 городских училищ. Именно при Алексееве (1892) П. М. Третьяков передал в дар городу коллекцию своей галереи

Алексееву принадлежит инициатива строительства московской психиатрической больницы №1. Деньги собирались по подписке с московских благотворителей. Существует легенда, что один из купцов (предположительно, Ермаков) заявил Алексееву: «Поклонись при всех в ноги — дам миллион (по другим источникам — триста тысяч) на больницу». Алексеев так и сделал — и получил деньги. Для строительства был приобретён земельный участок за Серпуховской заставой у купца Канатчикова (отсюда «Канатчикова дача»), а на деньги Ермакова был позже выстроен Ермаковский корпус.

Именно душевнобольной застрелил Алексеева 9 марта 1893 в его думском кабинете выстрелом в живот. Более суток врачи боролись за жизнь московского градоначальника. Умирая, Н. А. Алексеев завещал 300000 рублей на содержание больницы. Две первые очереди Алексеевской больницы открылись после его гибели — в

⁵ Автор: Architect: Max Hoenpener, 1848-1924. Anonymous photographer for P. P. Pavlov print house - "Builders of Russia. Moscow at the turn of century" ("Строители России. Москва в начале века", М, 2001, ISBN 5-9207-0001-7 First publication: photo plate 142 in Альбомъ зданий, принадлежащихъ Московскому Городскому Общественному Управленію. Т. I. (Album des bâtimens municipaux de Moscou. T. I.) 1913., Общественное достояние, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=2082422>

1894 и 1896. Алексеев был похоронен в Новоспасском монастыре; в советские времена его могилу, как и всё монастырское кладбище, уничтожили.

Александра Владимировна, вдова Николая Александровича, унаследовала его место в руководстве предприятиями Алексеевых и также выделяла средства на благотворительность, входила в попечительские советы московских школ и больниц. Всего супруги Алексеевы передали на благотворительность свыше двух миллионов рублей.

В память об Алексееве названы:

Московская клиническая психиатрическая больница имени Н. А. Алексеева (она же «Канатчикова дача», она же — в 1922—1994 — Больница имени П. П. Кашенко)

Музыкальная школа имени Н. А. Алексеева на Николоямской улице, 42 — построена на деньги Алексеева

Савва Тимофеевич Морозов

Савва Тимофеевич Морозов
(3 (15) февраля 1862, Зуево, Богородский уезд, Московская губерния, Российская империя —
13 (26) мая 1905, Канн, Франция).
Русский предприниматель, меценат и благотворитель.

Савва Морозов происходил из старообрядческой купеческой семьи Морозовых, был потомственным почётным гражданином.

Детство его прошло в усадьбе в Трёхсвятительском переулке. Окончил 4-ю московскую гимназию у Покровских ворот (1881).

В 1881 году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского императорского университета, который закончил в 1887 году с дипломом химика. В эти годы написал значительную работу — исследование о красителях, а позднее общался с Менделеевым.

В 1885—1887 годах изучал химию в Кембриджском университете (Великобритания), одновременно знакомился с организацией текстильного дела на английских фабриках в Манчестере.

С 1886 г. директор-распорядитель Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и Ко».

Никольской мануфактурой было завоёвано множество всевозможных дипломов и медалей за отличное качество продукции. Русская пресса окрестила Савву Морозова «купеческим воеводой». На Всероссийской промышленной выставке и ярмарке в Нижнем Новгороде как председатель ярмарочного комитета Морозов подносил царю хлеб-соль. А позже у «Макария» произнёс программную речь. В ней Савва Тимофеевич сказал такие мудрые слова, что они и сейчас звучат как завещание потомкам: «Богато наделённой русской земле и щедро одарённому русскому народу не пристало быть данниками чужой казны и чужого народа... Россия, благодаря своим естественным богатствам, благодаря исключительной сметливости своего населения, благодаря редкой выносливости своего рабочего, может и должна быть одной из первых по промышленности стран Европы». Эту речь нашего великого земляка резко критиковал Суворин, но видные представители промышленности и торговли всецело поддержали Савву Тимофеевича.

Для обеспечения непрерывного снабжения мануфактуры сырьём Морозов купил хлопковые поля в Туркестане. Это было одним из первых проявлений диверсификации капитала и кооперации производства такого уровня в России.

Савва Тимофеевич очень любил работу и не раз говорил: «Не согласен я с Декартом в его формулировке «Я мыслю - значит существую». Мышление — процесс, замкнутый в самом себе. Он может не перейти вовне, оставаясь бесплодным и неведомым для людей. Мы не знаем, что такое мышление в таинственной своей сущности, но знаем, где его границы... Я говорю: работаю, значит, существую. Для меня очевидно: только работа расширяет, обогащает мир и мое сознание».

На своих фабриках Морозов ввёл оплату по беременности женщинам-работницам. Имел своих стипендиатов в технических вузах страны, а некоторые из его стипендиатов обучались за границей. Морозовские рабочие были более грамотны, чем рабочие других российских промышленных предприятий.

Был также директором Трёхгорного пивоваренного товарищества в Москве.

В 1888 году, 24 июня, состоялось венчание Саввы Тимофеевича Морозова и бывшей жены его двоюродного племянника Сергея Викуловича — Зинаиды Григорьевны Морозовой; вскоре у них родился первый сын Тимофей.

В 1890 году Морозов приобрёл имение на Урале в посёлке Всеволодо-Вильва Пермской губернии. Основной целью было наличие леса, как сырья для производства химических реактивов. Реактивы были необходимы для создания новых красителей, используемых в мануфактурном производстве. Во Всеволодо-Вильве Савва Морозов преобразовал бывший железодельный завод в химический. Открыл ещё один завод такого же профиля на реке Иваке. Главным инженером обоих был Б. И. Збарский.

В 1893 году Морозов купил у А. Н. Аксакова дом на Спиридоновке, сломал его и по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля построил для своей жены роскошный дом.

Здесь он принимал гостей и устраивал балы, на которых можно было встретить Мамонтова, Боткина, Шаляпина, Горького, Чехова, Станиславского, Боборыкина и других видных людей России. Об одном из таких балов вспоминала Книппер-Чехова: «Мне пришлось побывать на балу у Морозова. Я никогда в жизни не видела такой роскоши и богатства». Да, богатство и могущество С. Т. Морозова, пожалуй, не имели себе

равных в стране. Ещё один случай рассказывает об этом. Однажды Зинаида Григорьевна была приглашена к Великой княгине Ксении Александровне. Букет у гостьи был такой красоты и роскоши, что высочайшая особа от зависти закусил губы. Лучшие морозовские садовники составляли этот букет, превзошедший по искусству царский.

В 1905 году учредил Акционерное общество соединённых химических заводов «С. Т. Морозов, Крель и Оттман». Пользовался влиянием в предпринимательских кругах: возглавлял комитет Нижегородской ярмарки, был членом московского отделения Совета торговли и мануфактур и Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности.

Оказал большую помощь Московскому художественному театру: в 1898 году вошёл в состав Товарищества для учреждения в Москве Общедоступного театра, регулярно вносил пожертвования на строительство и развитие МХТ, заведовал его финансовой частью (1901—1904), был инициатором и председателем правления паевого товарищества по эксплуатации МХТ (1901) и строительства нового театрального здания в Камергерском переулке.

Станиславский сказал, обращаясь к Савве Тимофеевичу: «...внесённый Вами труд мне представляется ПОДВИГОМ, а изящное здание, выросшее на развалинах притона, кажется сбывшимся наяву сном... Я радуюсь, что русский театр нашёл своего Морозова подобно тому, как искусство дождалось своего Третьякова...».

Был почётным членом Общества пособия нуждающимся студентам Московского университета.

Лучшие в России рысаки «Ташкент» и «Неяда», принадлежавшие С. Т. Морозову, выигрывали почти все престижные скачки на московских ипподромах.

В начале XX века поддерживал отношения с лидерами либерального движения, в его особняке на Спиридоновке, построенном в 1893—1898 гг. для его жены З. Г. Морозовой, проходили полулегальные заседания земцев-конституционалистов.

Морозов был связан также с революционным движением. Финансировал издание социал-демократической газеты «Искра», на его средства учреждены первые большевистские легальные газеты «Новая жизнь» и «Борьба». Морозов нелегально провозил на свою фабрику запрещённую литературу и типографские шрифты, в 1905 году прятал от полиции одного из лидеров большевиков Н. Э. Баумана. Дружил с М. Горьким, был близко знаком с Л. Б. Красиным.

Савва Тимофеевич Морозов всегда внимательно следил за состоянием рабочих на своей фабрике. Он лично просматривал списки принятых и уволенных с предприятия рабочих. В случае, если он обнаруживал нарушения и отступления, то требовал от своих управляющих объяснений. Интересно, что в 1903 году он обнаружил, как один из подчиненных ему директоров уволил двух работников, прослуживших на предприятии 18 и 19 лет. За это руководитель был подвергнут строгому взысканию. Как следствие, подобный управленческий подход обеспечивал длительный и устойчивый мир на предприятии. При приеме на работу Савва Тимофеевич отдавал предпочтение семейным. Когда однажды он увидел в списках вновь поступивших на работу много холостяков, то сделал предупреждение директору отбельно-красильной фабрики С. А. Назарову за это. Подростки могли поступить на фабрику только после

окончания курса народного училища, старший предельно допустимый возраст приема на работу был 45 лет. Увольняли в основном за серьезные нарушения — так, на Никольской Морозовской мануфактуре 40,4 % уволенных были взяты с поличным при попытке вынести товар с фабрики, 13,7 % — больные венерическими заболеваниями, 10,1 %- склонные к дракам и буйству, 9,7 % — прогульщики и пьяницы.

Через несколько дней после 9 января 1905 года, Морозов составил записку «О причинах забастовочного движения. Требования введения демократических свобод» с требованиями свободы слова, печати и союзов, всеобщего равноправия, неприкосновенности личности и жилища, обязательного школьного образования, общественного контроля за государственным бюджетом и другое. В Записке указывалось, что «рабочему сословию должно быть представлено полное право собраний, право организовывать всякого рода союзы и другие общества для самопомощи и защиты своих интересов. В такой же мере все означенные права должны быть распространены и на сословие промышленников». Забастовки, по мнению Морозова, представляющие собой мирное оставление работы, не сопровождаемое ни убийством, ни угрозами, ни насилиями, ни уничтожением или порчей имущества, не должны быть караемы ни административным, ни уголовным порядком. Ход записке не был дан, поскольку правление Никольской мануфактуры, во главе с М. Ф. Морозовой не поддержали её. «...Мать действительно грозила Савве Тимофеевичу отстранением от дел, но формально это сделано не было. 17 марта 1905 года на очередном собрании пайщиков Никольской мануфактуры М. Ф. Морозова была переизбрана на должность директора-распорядителя, а Савва Тимофеевич — заступающим место директора-

распорядителя. То, что Савву Морозова, вопреки многолетним утверждениям советских историков, не отстраняли от дел, подтверждает и изучение журналов заседаний правления Никольской мануфактуры. Это, безусловно, важное открытие принадлежит правнучке Саввы Тимофеевича Т. П. Морозовой и исследователю Морозовской мануфактуры И. В. Поткиной».

Морозов тяжело переживал свою беспомощность, невозможность что-либо изменить. Он стал много времени проводить в одиночестве, не желал никого видеть. По Москве начали распространяться слухи о его сумасшествии. По настоянию жены и матери Морозова 15 апреля 1905 года был созван консилиум, в котором участвовали врачи Г. И. Россолимо, Ф. А. Гриневский и Н. Н. Селивановский. Консилиум пришел к выводу, что у Саввы Морозова «тяжёлое общее нервное расстройство, выразившееся то в чрезмерном возбуждении, беспокойстве, бессоннице, то в подавленном состоянии, приступах тоски и прочее». Рекомендовалось направить Морозова для лечения в Европу.

В сопровождении жены и доктора Селивановского Савва Морозов выехал в Берлин, а затем в Канны. Здесь 13 (26) мая 1905 года он был найден в гостиничном номере мёртвым, с простреленной грудью.

Руки Саввы Тимофеевича были сложены на животе, пальцы левой были опалены, правая рука была разжата и около неё лежал браунинг. На полу лежал листок:

«В смерти моей прошу никого не винить».

Согласно официальной версии Морозов покончил с собой, однако нельзя исключать и другую версию: его могли убить, инсценировав самоубийство.

Официальные власти проявили самое уважительное отношение к этому трагическому событию. А. А. Козлов, тогдашний генерал-губернатор Москвы, писал

градоначальнику графу П. П. Шувалову: «Ввиду имеющихся у меня документов, прошу Ваше сиятельство распорядиться о выдаче удостоверения об отсутствии со стороны администрации препятствий преданию земле по христианскому обряду тела мануфактур-советника Саввы Тимофеевича Морозова». На похоронах Морозова Козлов, подойдя к Зинаиде Григорьевне, которую он хорошо знал и в доме которой бывал, выразил ей соболезнование и прямо сказал: «Не верю я в разговоры о самоубийстве, слишком значимым и уважаемым человеком был Савва Тимофеевич. Потеря для всех — огромная».

Историк Ю. Г. Фельштинский подозревает в убийстве Морозова Л. Б. Красина.

Однако, по воспоминаниям Максима Горького, сам Савва Тимофеевич ещё задолго до своей смерти говорил ему, что в его смерти заинтересованы черносотенцы, которые неоднократно присылали ему письма с угрозами из-за его участия в революции. М. Горький также указывал: «После смерти Саввы Морозова среди рабочих его фабрики возникла легенда: Савва не помер, вместо него похоронили другого, а он „отказался от богатства и тайно ходит по фабрикам, поучая рабочих уму-разуму“».

Похоронен на старообрядческом Рогожском кладбище в Москве.

Фон Мекк Карл Федорович (Карл Оттон Георг)

Карл Фёдорович фон Мекк (нем. Carl Otto Georg von Meck, Карл Оттон Георг фон Мекк; 22 июня (5 июля) 1821, имение Шлампен[1] (Слампская волость), Туккумский уезд, Курляндская губерния, Российская империя — 26 января(7 февраля) 1876, Москва) — российский предприниматель, один из основоположников российского железнодорожного транспорта.

Семейство "железнодорожных королей" фон Мекк стремительно выдвинулось в ряды богатейших семей страны на волне "железнодорожной горячки" 2-й половины 1860-х - 1870-х гг. Начиная с этого времени и вплоть до 1917 г., многие представители династии занимали выдающееся место как в экономической, так и в общественной и в культурной жизни России. Но конечно более всего известно имя фон Мекков как выдающихся строителей железных дорог.

История строительства, посредством частной инициативы, первых железных дорог в России, развернувшегося вскоре после отмены крепостного права, может быть, впервые открывает перед нами такую драматическую, по-бальзаковски мощную картину человеческих судеб и страстей, столкновений и конфликтов на почве денежных интересов. Это было время внезапного появления крупных состояний и первых финансовых "олигархов" той поры - "железнодорожных королей". Это было время, когда Россия ценою больших материальных жертв, создавая у себя сеть железных дорог, впервые столкнулась с таким масштабом финансовых операций в этой области, с выходом на международный денежный рынок нового слоя частных лиц, которые на спекуляциях государственными средствами и с помощью государства в считанные месяцы превращались в богатейших людей страны.

С этого времени старое торговое купечество все больше отступает в тень, уступая дорогу новым дельцам. И промышленная буржуазия, в том числе московская, руководимая такими светлыми головами как Ф.В.Чижов, и отличавшаяся несколько большей независимостью от правительства, также уступает новым дельцам в этой новой сфере. И немалую роль в этом сыграло государство в лице своих сановных петербургских бюрократов. Железнодорожное дело переходит в руки небольшой группы тузов-миллионеров, ставших по существу монополистами, железнодорожными магнатами, своеобразными "олигархами", возвращенными на казенных деньгах. Возникает негласный союз между сановной бюрократией и зависимыми от нее "железнодорожными королями" - монополистами (концессионерами и оптовыми подрядчиками). Все это никак не могло способствовать развитию рыночной конкуренции и

экономической свободы в России. Внутренний денежный рынок не участвовал в формировании капиталов железнодорожных обществ. Как пишет исследователь, на многие годы "был преподан наглядный урок сметливости, ловкости в мошенничестве". Железнодорожные концессии "разожгли аппетиты к грабежу и разбазариванию государственных средств... в угоду союзу сановной бюрократии и олигархической буржуазии".

Первые десятилетия после "Великой реформы" вызвали к жизни появление целой группы предпринимателей-нуворишей, концессионеров и подрядчиков, в короткие сроки сумевших нажить баснословные богатства, главным образом, за счет казны. Из этой среды выдвинулся ряд крупных организаторов железнодорожного строительства в России, ставших затем владельцами построенных ими железных дорог и получивших прозвище "железнодорожных королей". Это были люди "с громадным влиянием и с громадным состоянием, пользовавшиеся громадным авторитетом благодаря своим железным дорогам и банкам". С.Ю.Витте писал о них: "Во главе частных обществ, стояли несколько лиц, про которых можно сказать, что они представляли собой железнодородных королей". К ним он относил в первую очередь Полякова, Губонина, Кокорева, Блиоха, Кроненберга, фон Дервиза и фон Мекка.

Характеризуя их личные качества, Витте писал: "Так как железные дороги имели значительную часть своих капиталов, гарантированную государством, а у иных дорог и весь капитал был гарантирован государством, то, в сущности говоря, эти железнодородные короли заняли такое положение в значительной степени благодаря случайностям, своему уму, хитрости, и в известной степени пройдошеству. В этом смысле каждый из них представлял собою довольно видный тип".

Колоритной фигурой, судя по всему, был и К.Ф. фон Мекк, один из пионеров частного железнодорожного строительства в России, положивший начало многомиллионному состоянию семьи. Однако, сведений, характеризующих его личность, немного. С.Ю.Витте в своих воспоминаниях ограничивается в отношении него одной фразой: "Фон Мекк, инженер путей сообщения, был очень корректный немец; он нажил порядочное состояние, но жил довольно скромно".

История семьи фон Мекк и судьбы ее представителей нашли отражение в воспоминаниях современников, в письмах, дневниках и произведениях самих членов семьи, в различных исследованиях, документальных и публицистических материалах и даже в художественной литературе. Интерес этот вызван выдающейся предпринимательской и меценатской деятельностью представителей династии.

Немногословная, загадочная фигура скромного инженера, сумевшего стать "железнодорожным королем", привлекала внимание не только исследователей, но и писателей, пытавшихся хотя бы в общих чертах обрисовать ускользающий облик этого человека. Родоначальник семьи железнодорожных магнатов характеризуется в этих произведениях как яркая, "сильная и подвижная", "необыкновенно значительная личность", как человек, отличавшийся "находчивостью, волей, сокрушительной энергией, верой в свою звезду", как "талантливейший практик", "богато одаренная", но совсем "не художественная" натура. Современники отмечали также его профессионализм и настойчивость в достижении цели. И конечно, не однажды упоминалось имя этого человека в переписке его вдовы, известной меценатки Надежды Филаретовны фон Мекк с П.И.Чайковским .

Карл Федорович (Карл Оттон Георг) фон Мекк (22.06.1821 - 26.01.1876) происходил из старинной остзейской дворянской семьи, предки которой переселились в Лифляндию из Силезии на исходе XVI в. К концу жизни он имел звание действительного статского советника. К.Ф. фон Мекк, как и другие члены семьи, был религиозным человеком, принадлежал к лютеранской церкви. "Мой муж был протестант, но очень религиозный" - отметит впоследствии его жена Надежда Филаретовна фон Мекк.

Родоначальником династии считается силезский канцлер Фридрих фон Мекк (род. 1493 г.). Его внук Яков, переселившийся в Лифляндию, стал каштеляном рижским. Многие представители династии фон Мекк находились на военной службе, вначале в шведской, а затем в российской армии. Род фон Мекк внесен в "матрикул Лифляндского дворянства и в VI часть книги Смоленской губернии", кроме того в книгу дворянского сословия Тульской губернии. Отец Карла Федоровича, также вначале избравший военную карьеру, позднее перешел на службу в Министерство финансов, чиновником таможенного округа. Умер он от холеры, не дослужив до пенсии и оставив вдову с малолетними детьми без всяких средств к существованию.

В 19 лет К.Ф. фон Мекк становится студентом Петербургского института путей сообщения и в 1844 г. успешно заканчивает его. Он поступает на службу в чине поручика в ведомство путей сообщения. Молодой инженер вскоре получает место начальника дистанции Московско-Варшавского шоссе. Дальнейшая его служба в государственном ведомстве связана с работой в качестве инженера и инспектора по строительству стратегических дорог в западной части России.

14 января 1848 г. в его жизни происходит важное событие: он вступает в брак с совсем юной, семнадцатилетней дочерью помещика Смоленской губернии Надеждой Филаретовной Фроловской, которая стала ему верной опорой и поддержкой на всем их совместном жизненном пути. Брак был счастливым. Свидетельством этому были и их одиннадцать детей, воспитанию которых Надежда Филаретовна отдавала все свои душевные силы и энергию.

Продвижение К.Ф. фон Мекка по службе шло медленно. Работа в казенном ведомстве, буквально сковывавшая чиновничью рутину по рукам и ногам любую инициативу, мало удовлетворяла талантливого и энергичного инженера, каким был Карл фон Мекк. Однако он вряд ли бы самостоятельно решился порвать с казенной службой, опасаясь, естественно, поставить семью в трудное положение, если бы сама Надежда Филаретовна не настояла решительно на его уходе. В 1860 г. К.Ф. фон Мекк по настоянию жены оставляет государственную службу, чтобы заняться предпринимательской деятельностью. Это был смелый, решительный и во многом рискованный шаг, сыгравший решающую роль в дальнейшей судьбе их семьи.

Уход Карла Федоровича со службы совпал с началом развертывания в стране широкого железнодорожного строительства. Уроки Крымской войны не прошли даром. Русская армия потерпела тяжелое поражение, во многом, из-за отсутствия железных дорог, по которым могли быть быстро перебросены подкрепления и обеспечено снабжение войск. Правительство осознавало необходимость срочной ликвидации глубокого отставания России в этой области и прилагало большие усилия, чтобы сдвинуть с мертвой точки процесс железнодорожного строительства.

Попытки постройки первых казенных железных дорог в России в 30-е - 40-е гг. XIX в. не были успешными. Строительство их шло крайне медленно, увязая в чиновничьей рутине. Для того, чтобы провести в жизнь программу широкого железнодорожного строительства, в стране было принято решение опереться на частную инициативу. Решающими в судьбе железнодорожного предпринимательства явились Указ Александра II от 27 января 1857 г. о создании в России сети железных дорог и высочайше утвержденные осенью 1857 г. договора о передаче казенной Варшавско-Венской железной дороги и прав на строительство связанных с ней ветвей и новых железных дорог в руки частной компании.

На первых порах, однако, этот новый курс правительства также не имел большого успеха. В предпринимательских кругах, по свидетельству С.Ю.Витте, в то время находилось немного "охотников получать концессии, потому что никто на железных дорогах тогда не наживался". К тому же, чтобы заниматься этим рискованным делом требовались большие капиталы. Однако к началу 1860-х гг. положение начало меняться. Стали появляться первые общества по строительству железных дорог с участием отечественных капиталистов.

Начало предпринимательской деятельности К.Ф.фон Мекка связано со строительством линии Москва - Коломна Обществом Саратовской железной дороги. Это было одно из первых обществ с широким участием представителей отечественного капитала. Образовано оно было в 1856 г. Инициатором создания общества стал генерал-адъютант С.А.Юрьевич. Акционерами общества были великие князья Александр, Владимир и Алексей, и даже наследник-цесаревич Николай Александрович, а также многие придворные лица. Проект железной дороги оказался настолько привлекательным, что вызвал интерес

и на западе. В состав учредителей вошел вице-президент Совета Бельгийских железных дорог, почт и телеграфа Брауэр де Гогендорп. Уже после утверждения 17 июля 1859 г. устава общества в число его учредителей были приглашены также московские коммерсанты К.Т.Солдатенков, Ф.М.Вогау, Г.А.Марк и представители фирмы "Братья Сапожниковы".

Главным директором был избран бельгиец Брауэр де Гогендорп, начальником счетной части К.Х.Таль, главным секретарем П.Г. фон Дервиз. Правление общества "помещалось в Москве, в Кривом переулке, в доме Мейера". Финансовую основу общества составил гарантированный правительством акционерный капитал в 45 млн. руб. серебром. Правительство предоставило страховую гарантию по акциям в 4,5%. Общество брало на себя обязательство построить в течение шести лет одноколейную дорогу от Москвы до Саратова через Коломну, Рязань, Моршанск длиной в 725 верст.

Строительство линии Москва - Коломна началось 11 июня 1860 г. Основным подрядчиком по работам на строительстве этого участка дороги правление выбрало известную фирму Дурова. Но "главным деятелем" в подрядах Дурова был, по свидетельству бар. А.И.Дельвига, К.Ф. фон Мекк. Он "вместе с другим контрагентом, Садовским, имел подряды на проведение земляных работ, полотна, искусственных сооружений дороги". По воспоминаниям того же Дельвига, хорошо знакомого с Карлом Федоровичем по совместной работе в ведомстве путей сообщения, тот в то же время являлся и "главным деятелем по подряду земляных работ на строительстве Троицкой железной дороги".

Первый участок дороги Москва - Коломна, протяженностью 117,2 верст был построен очень быстро, всего за два года. Большая заслуга в успешном окончании

строительства принадлежала фон Мекку. Здесь он впервые в полной мере проявил свои способности организатора и инженера, энергию, инициативу, умение заинтересовать людей, честность и обязательность в ведении дел и в расчетах. Он постоянно говорил, что "честность в расчетах - это тоже коммерция".

После ввода первого участка дороги дальнейшее ее строительство было приостановлено ввиду отсутствия средств. В 1863 г. обанкротившееся общество было ликвидировано. Вместо него в том же году возникло Общество Московско-Рязанской железной дороги. Председателем правления общества был избран бывший сенатский чиновник П.Г. фон Дервиз, занимавший до этого в Обществе Саратовской железной дороги должность главного секретаря. Ему принадлежит крупная роль в начале широкого железнодорожного строительства с помощью частной инициативы.

"Постройка частных железных дорог, - пишет один из авторов, - двинулась только, когда Дервиз, товарищ Рейтерна (министра финансов) по лицею и секретарь разорившейся Саратовской дороги, согласился на выпуск по 52 руб. за сто, акций Рязанской дороги". Бывший лицейский товарищ нового министра финансов, сумел получить концессию от правительства на постройку Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской железных дорог на чрезвычайно льготных условиях и даже приобрести через банкира Капгера за границей у берлинских банкиров первоначальный капитал для строительства линии Коломна - Рязань. И это, несмотря на господствовавшее тогда в России убеждение в невозможности найти нужный капитал даже при гарантии правительства.

. Небезынтересно в этой связи предположение о "сознательном моделировании образа удачливого

предпринимателя для раскручивания первого витка железнодорожного бума" в России. "Зная перемену отношения правительства к частному предпринимательству и оттого действовавший наверняка, без страха риска, - пишет современный исследователь, - фон Дервиз подал завораживающий окружающих пример мгновенного обогащения и послужил привлекательным образцом в деле поощрения и распространения предпринимательского духа. Расчетливо инспирированная правительством акция имела колоссальный успех..." Подобное же предположение можно сделать и в отношении К.Ф. фон Мекка, длительное время бывшего основным подрядчиком и компаньоном фон Дервиза.

Основной капитал нового общества был определен в 15 млн. руб. Он составлялся из 10 тыс. акций по 100 руб. каждая и выпуска облигаций на сумму в 5 млн. руб. Правительственная гарантия чистого дохода устанавливалась в размере 5% на капитал в 62 тыс. руб. за версту, а на 196 верст длины дороги - на сумму 12 млн. 152 тыс. руб., то есть на 3/4 всего капитала. Это был и первый пример реализации облигаций русского акционерного общества за границей, в Берлине. Впоследствии берлинская биржа вместе с франкфуртской стали играть главную роль в размещении российских железнодорожных облигаций, доходы от которых гарантировались царским правительством. По подсчетам немецких исследователей, в российские железные дороги до 1876 г. было вложено более 900 млн. рейхсмарок.

П.Г. Дервиз высоко оценивал профессионализм фон Мекка как специалиста и талантливого организатора. Кроме того, он близко сошелся с ним вскоре после вступления последнего в подряд по строительству дороги Москва - Коломна и не раз использовал широкие связи и знакомства фон Мекка в Министерстве путей сообщения.

Поэтому Дервиз предоставил именно Карлу Федоровичу оптовый подряд за 4,7 млн. руб. на строительство нового участка дороги от Коломны до Рязани, протяженностью в 79 верст 102 сажени.

К строительству второго участка дороги (Коломна - Рязань) приступили с весны 1863 г. Работы шли очень быстро и успешно благодаря энергии и распорядительности строителя - инженер-подполковника К.Ф. фон Мекка. Меньше чем через полтора года, 27 августа 1864 г., стало возможным открыть движение до Рязани, кроме моста через Оку. Преодолев все препятствия, строители сдали дорогу в эксплуатацию, соединив Москву с Рязанью. Остряки по этому поводу шутили, что если "Магомет нашел в Мекке свою погибель, то Дервиз - свое спасение".

Линия Москва - Коломна - Рязань стала одной из самых доходных в России. Фон Мекк приобрел на сооружении этой дороги репутацию высоко профессионального строителя и инженера. Строительство линии Коломна - Рязань знаменательно и тем, что оно положило начало баснословному состоянию, как фон Дервиза, так и фон Мекка. Оба компаньона заработали на строительстве железной дороги огромную сумму - 1,5 млн. руб.. По другим сведениям, оптовый подрядчик К.Ф. фон Мекк получил около 1,5 млн. "барыша", а еще больший "учредительский куртаж" остался в кармане концессионера фон Дервиза. Благодаря тому, что действительная стоимость строительства каждой версты дороги не превышала и 40 тыс. руб., вместо утвержденных по смете 62 тыс. руб., фон Дервиз и фон Мекк, используя эту разницу, сумели хорошо заработать на сделке. А за досрочное открытие моста через Оку Карл Федорович получил еще дополнительно 40 тыс. руб.

Своеобразным "рубиконом" в истории железнодорожного строительства в России в 60-х гг. XIX в. стало строительство Рязанско-Козловской железной дороги. Концессия на продолжение строительства Московско-Рязанской железной дороги до Козлова была сдана опять-таки статскому советнику фон Дервизу при покровительстве министра финансов Рейтерна. Устав нового общества утвержден 12 марта 1865 г. Оптовым подрядчиком строительства был выбран вновь Карл Федорович фон Мекк, руководивший всеми работами. Постройка ее была сдана ему за 6 млн. руб. (по 30 тыс. руб. серебром за каждую версту пути). Только "официальная" прибыль подрядчика по Козловской дороге составила 280,2 тыс. руб. А за счет "экономии" строительных средств он, по некоторым сведениям, нажил "миллионный барыш". Интересно отметить, что поставщиком рабочих и материалов при осуществлении части работ был у него знаменитый впоследствии железнодорожный строитель Самуил Поляков. Служба у инженера фон Мекка была хорошей школой деятельности для будущего предпринимателя.

Основной капитал общества был определен, согласно уставу, в 14 965 252 руб. (металлических), из которых акционерный капитал составлял 4 886 625 руб. (каждая акция выпускалась с номиналом в 100 ф. стерл.), а облигационный - 10 078 627 руб. (со стоимостью каждой облигации в 200 прусских талеров). Поверстная стоимость строительства определялась в 75 965 руб. 75 коп. (металлических), или 91 158 руб. (кредитных). По уставу обществу были даны крупные льготы, например, устройство земляного полотна дороги в один путь. На весь капитал давалась правительственная гарантия чистого дохода свыше 5%.

Обращает на себя внимание, что при таких крайне льготных технических условиях, стоимость строительства дороги была сильно и, по-видимому, искусственно завышена: по некоторым оценкам, чуть ли не вдвое. По существу, для постройки дороги был использован лишь облигационный капитал, а акционерный капитал оставался чистым "барышом" руководителей дела, причем гарантированным правительством. Более того, как свидетельствовал С.Ю.Вите, "нередко, за невозможностью разместить облигации в частные руки, правительство оставляло их за собой. Таким образом, фактически железные дороги строились на государственные средства, или средства, гарантированные государством, которое из-за этого вошло в громадные долги, управление же всем железнодорожным делом отдано было частным предпринимателям почти в бесконтрольное владение".

От Рязанско-Козловской железной дороги берут свое начало так называемые "фиктивные" акционерные компании. В результате получения концессии фон Дервиз впервые в практике железнодорожного строительства в России учредил фиктивное, хотя и оформленное "по букве устава" акционерное общество. Его ближайшее доверенное лицо и помощник по акционерному обществу И.Е.Ададуров публично признавал, что акции Дервиз оставил за собой и являлся, поэтому, полным хозяином всего дела. Фиктивное общество стало удобным орудием в руках Дервиза и идеальной ширмой для различных его манипуляций с капиталом и ценными бумагами. Он не только имел возможность присвоения большей части финансовых средств за счет удешевления строительства и с помощью других махинаций, но и становился фактически полным ее хозяином, собственником, после ее сдачи в эксплуатацию. Способ реализации концессии

Дервизом явился образцом для множества последующих фиктивных акционерных обществ. Широко использовал этот способ при реализации полученных им концессий и К.Ф. фон Мекк.

Протяженность Рязанско-Козловской железной дороги составляла 197 верст и построена она была с небывалою до того быстротой. Менее чем через 1,5 года, 5 сентября 1866 г., дорога была открыта для движения. Видный чиновник Министерства путей сообщения, бар. А.И.Дельвиг, вспоминая о своем инспектировании строительства дороги, указывает при этом на тщательность исполнения работ, производимых главным ее строителем К.Ф. фон Мекком..

"Нажива на Рязанской дороге и, особенно, на Козловской разожгла аппетиты". Развернулась самая настоящая концессионная горячка. Прибыли, полученные компаньонами, Дервизом и фон Мекком, при строительстве Рязанско-Козловской дороги, затем огромные барыши, вырученные в постройке дорог Поляковым, Башмаковым, Губониным и др., вызвали невиданный ажиотаж и убедили, что сооружение дорог частными средствами в России не только возможно, но даже очень выгодно. Слово "концессионер" стало чем-то увлекательным и на публику производило такое же одуряющее действие, как незадолго перед тем слово "откупщик". С этого времени, - отмечает исследователь, - "наше железнодорожное дело принимает другой характер. На нашем рынке появляется целая масса предпринимателей, которых раньше правительство искало, но не находило".

На начало "железнодорожной лихорадки" указывает и барон А.И.Дельвиг: "Несметное богатство, приобретенное фон Дервизом и фон Мекком при постройке Рязанско-Козловской железной дороги длиною

до 200 верст, которая была уступлена с правительственной гарантией 5% на весь капитал свыше 75 тыс. руб. на версту, побудило многих добиваться уступок разных линий. В это дело вмешались банкиры и разные аристократы, или лучше сказать люди, близкие к высочайшему двору и потому считающие себя аристократами, и вообще лица влиятельные при дворе; одни участвовали явно, другие тайно".

С конца 60-х гг. XIX в. царское правительство "становится на путь неограниченного покровительства частным железнодорожным обществам, гарантируя им не только высокие доходы, но в значительной степени и предоставление самого строительного капитала". Это десятилетие явилось "золотым веком" для учредителей и концессионеров, разбогатевших на выгодных железнодорожных подрядах в период "концессионной горячки" 60-х - 70-х гг. Среди них одним из наиболее удачливых был Карл Федорович фон Мекк.

Большую роль в его предпринимательской карьере сыграло получение концессии на строительство Курско-Киевской железной дороги. Новый курс правительства на еще большее финансовое покровительство частным железнодорожным обществам особенно ярко выразился при постройке этой линии. 24 декабря 1866 г. по решению специальной правительственной конкурсной комиссии предприятие было оставлено за фон Дервизом, фон Мекком и князем Долгоруким. Компаньоны получили концессию на строительство Курско-Киевской дороги на льготных условиях. Правительство практически взяло на себя всю реализацию основного капитала общества, а назначенная "поверстная стоимость" дороги была намного выше действительной стоимости.

Курско-Киевская железная дорога была выстроена в течение двух лет и открыта для движения 17 декабря 1868

г. Льготные условия концессии дали возможность учредителям-подрядчикам получить за счет казны около 6 млн. руб. Было образовано акционерное общество по эксплуатации железной дороги, которое фактически было фиктивным, хотя формально и считалось состоявшимся. Хотя 3/4 акций общества принадлежали правительству, а четвертую их часть оставили за собою учредители, правительство пользовалось лишь 1/4 частью голосов в общем собрании. Таким образом, управление дорогой, выстроенной исключительно на казенные средства, на деле находилось в распоряжении учредителей (фон Дервиза, фон Мекка, князя С.А.Долгорукого), имеющих при этом полную возможность уходить, в случае необходимости, от ответственности, прикрываясь постановлениями фиктивного общего собрания акционеров. Надо отметить также, что неправительственная часть акций с самого начала была присвоена учредителями и так и не появилась в продаже на бирже. Современники признавали, тем не менее, что управление дорогой осуществлялось безукоризненно, и сложившийся порядок не вредил делу. Более того, дорога приносила значительный доход. При валовом обороте, достигающем 8,5 тыс. руб. с версты, она давала 4376 руб. с версты чистого дохода.

К.Ф. фон Мекк и впоследствии участвовал в конкурсах на получение концессий на строительство железных дорог, но не всегда успешно. Конкуренция возрастала. С каждым годом получить выгодную концессию становилось все труднее. Вокруг железнодорожного дела все более сгущалась ядовитая атмосфера взяточничества и интриг. Слишком уж сильно поражали воображение примеры быстрого и фантастического обогащения в этой области.

С 1871 г. система конкуренции путем торгов была отменена: министру путей сообщения было предоставлено право единолично выбирать концессионера. Это только усилило позиции разных влиятельных групп и обострило борьбу за получение концессий. Наиболее ожесточенная борьба развернулась за концессии на Лозово-Севастопольскую и Ландварово-Роменскую железные дороги. На последнюю из них претендовал фон Мекк. Но здесь он встретил сильное противодействие. Широкий круг знакомств и умение использовать связи помогли К.Ф. фон Мекку победить в ожесточенной борьбе, развернувшейся за получение концессии на Ландварово-Роменскую дорогу, причем в почти безнадежно проигрышной ситуации.

Самым главным соперником Карла Федоровича был инженер Ефимович со своим компаньоном, пользовавшийся поддержкой фаворитки императора Александра II княжны Долгорукой (будущей княгини Юрьевской). Похожая на авантюрный роман история закулисных интриг, развернувшихся вокруг этой концессии, очень живо описана в известных записках Е.М.Феоктистова. Он со всеми подробностями передает рассказ об этом брата знаменитого фельдмаршала, генерал-адъютанта, князя А.И.Барятинского, принимавшего непосредственное участие в деле. Записки Феоктистова раскрывают перед нами поразительно откровенную по своему цинизму картину нравов, царивших в кругах высшего общества, охваченного лихорадкой наживы.

При реализации концессии фон Мекк столкнулся с не меньшими трудностями, чем при ее получении. Основной капитал дороги был утвержден в сумме 28 млн. руб., в том числе 21 млн. руб. в облигациях и 7 млн. руб. в акциях. Получив концессию, Карл Федорович пригласил

по старой памяти в компаньоны Дервиза, но тот наотрез отказался от сотрудничества. Как свидетельствует Витте, Дервиз заявил, что "он не такой дурак, чтобы, раз нажив состояние, стал им рисковать; что ему совершенно достаточно тех миллионов, которые он имеет, поэтому он предпочитает вести жизнь мецената, какую он и ведет". В отличие от Дервиза, проживавшего остаток жизни свое состояние за границей, К.Ф. фон Мекк до конца жизни не изменил своему профессиональному делу строительства железных дорог в России, даже в условиях все более ужесточавшихся требований со стороны правительства и ухудшения экономической конъюнктуры.

Несмотря на отказ Дервиза, Карл Федорович, благодаря финансовой поддержке правительства все-таки достроил дорогу, но ее эксплуатация оказалась убыточной, и ему вновь пришлось прибегнуть к помощи своих связей при дворе. Под акции дороги он получил правительственную ссуду в 2,5 млн. руб. После того как в 1872 г. Ландварово-Роменская железная дорога была слита с Либаво-Роменской дорогой, акции были возвращены уже наследникам фон Мекка.

Получая выгодные контракты и умело организуя дело, К.Ф. фон Мекк постепенно скопил огромное состояние. Свои многомиллионные капиталы он держал в акциях построенных им дорог: Ландварово-Роменской, Московско-Рязанской, Рязанско-Козловской, Курско-Киевской, Моршанской. Имел он и недвижимость, дом в Москве, на Мясницкой.

Скончался фон Мекк от тяжелого сердечного приступа. Отмечая его заслуги в развитии железнодорожного транспорта в России, газета "Московские ведомости" писала в 1876 г., что миллионы, полученные фон Мекком, "положили начало той

железнодорожной горячке, которая несколько лет сряду волновала все общество России".

После смерти мужа семейным железнодорожным и промышленным делом какое-то время пришлось заниматься его жене, Надежде Филаретовне фон Мекк, вступившей по завещанию в права наследования. "После мужа, - писала она П.И.Чайковскому в 1878 г., - мне остались очень запутанные и затруднительные дела, так что без всякой помощи я не могла бы справиться с ними. Поэтому я выбрала соопекунами к себе моего сына Володю и брата Александра, но главные распоряжения потому сосредоточиваются во мне, что я и опекунша малолетних детей моих и участница во всех делах, оставленных моим мужем".

Нужно сказать, что в трудных и неблагоприятных для владельцев частных железных дорог условиях, наступивших в 1880-х - начале 1890-х гг., Надежде Филаретовне удалось, благодаря своей твердости и энергии, сохранить семейное дело от разорения и отстоять его от поползновений со стороны разных "алчных хищников". Особенную активность в попытках перехватить контроль над принадлежащими фон Меккам железнодорожными компаниями и оттеснить их от управления и владения ими, проявляли наследники П.Г. фон Дервиза, их бывшего компаньона. Несмотря на определенные потери (так, например, акции Либаво-Роменской ж.д. пришлось передать немецким кредиторам, что вызвало обвинения в прессе против Мекков о забвении ими национальных интересов страны) и откровенно слабое умение вести дела, проявленное ее помощниками, сыном Владимиром и братом Александром Филаретовичем Фроловским, ей все же удалось избежать больших потерь и уберечь семейное состояние для своих многочисленных подрастающих детей.

Н.Ф. фон Мекк скончалась в Ницце 14 января 1894 г. Оставшееся после ее кончины имущество оценивалось, за вычетом долгов, в сумму 5 млн. 252, 2 тыс. руб., из которых на недвижимость приходилось 240 тыс. руб. (дом в Москве - на Рождественском бульваре, дача, земельные владения в Звенигородском и Подольском уездах Московской губернии, в том числе имение Плещеево под Подольском). Наличные деньги и стоимость ценных бумаг исчислялись в размере 7 млн. 301, 6 тыс. руб., в том числе акции общества Московско-Казанской железной дороги - 5 млн. 694, 7 тыс. руб., акции Волжско-Камского банка - 1 млн. 095 тыс. руб., акции пароходного общества "Ока" - 445 тыс. руб. Долги банкам по залогу акций составили 2 млн. 289, 4 тыс. руб., в том числе Московскому купеческому банку - 485 тыс. руб., Волжско-Камскому банку - 310 тыс. руб. Согласно духовному завещанию из детей Надежды Филаретовны наследниками были объявлены: сыновья - Николай, Александр, Максимилиан, Владимир, дочери - Александра, Юлия, Лидия, София и Людмила.

Старшим из сыновей Карла и Надежды фон Мекк был Владимир Карлович (1852-1893 гг.). Сведений о нем немного. Родился он 15 июня 1852 г. в городе Рославле. Еще при жизни отца, в возрасте 21 года, он помогал ему в железнодорожных делах. В 1876 г. В.К. фон Мекк женился на дочери крупного московского водочного фабриканта Михаила Андреевича Попова, Елизавете Михайловне (22 октября 1861 - 22 января 1892 г., Ницца). 14 июля 1877 г. у них родился сын Владимир. После кончины отца в 1876 г. Владимир Карлович стал, по выбору своей матери, соопекуном малолетних братьев и сестер по наследственному имуществу и взял на себя руководство коммерческими предприятиями семьи. В.К. фон Мекк был председателем правления Либаво-Роменской железной

дороги, входил в состав руководства других железных дорог и предприятий, контролировавшихся семейством фон Мекк. Как писала его мать в одном из писем Чайковскому, в феврале 1881 г., Владимир был "директором в трех правлениях и получал до 50 тысяч в год".

Однако, организаторские способности Владимира фон Мекка сильно уступали выдающимся деловым качествам его родителей. Не отличался он и твердостью характера. Мнения о нем противоречивы. С.Ю. Витте в своих воспоминаниях записывает коротко, что старший сын железнодорожного короля был "страшный кутила, который всю свою молодость в Москве провел между цыганами и цыганками; он находился постоянно в нетрезвом виде и преждевременно умер". Мать же его оправдывала. В письмах к Чайковскому она просила его не верить дурным слухам о своем старшем сыне и его жене. "Если Вам будет кто-нибудь говорить дурно про моего Володю, - писала она, - не верьте этому". Он один "помог мне выпутаться из бедственного положения, в котором я очутилась после смерти мужа.... Если кто-нибудь скажет, что ведь это моими акциями, то конечно, - потому что у Володи своих нет, - но ведь вынуть акции из сундука нетрудно, а хлопотать, устроить все дело и достигнуть цели - вот это потруднее".

Оценивая деловую сторону деятельности В.К. фон Мекка, справедливости ради следует сказать, что после смерти его отца обнаружилось, что коммерческие дела того были сильно запутанными и обременены множеством долгов. Положение осложнялось также новой политикой, которую правительство повело по отношению к частным железным дорогам и их владельцам с начала 1880-х гг., после восшествия на российский престол императора Александра III. С.Ю.Витте по этому поводу писал: "В

царствование Александра III установилась твердо идея о государственном значении железных дорог, которая в значительной степени исключает возможность построек и в особенности эксплуатации железных дорог частными обществами, которые в основе своей преследуют идеи не общегосударственные, а идеи характера частных интересов. Проведению ее в жизнь способствовало то, что, конечно, императора Александра III не могло не шокировать такое положение вещей, что в государстве создались как бы особые царства - железнодорожные, в которых царили маленькие железнодорожные короли...". Эта новая ситуация сказывалась и на делах семьи фон Мекков. Преемникам железнодорожного короля и, прежде всего, старшему сыну, пришлось не только распутывать его долговые обязательства, но и вести напряженную борьбу с министерствами финансов и путей сообщения за сохранение семейного дела.

Владимир Карлович был вхож в дворцовые сферы, имел звание камер-юнкера высочайшего двора и умел при случае использовать свои связи. Он был и крупным помещиком, имел имение под Можайском и был избран Можайским уездным предводителем дворянства. Именно Владимир помог своему младшему брату Николаю укрепить позиции семейства фон Мекк в руководстве их самой старой и доходной железной дорогой - Московско-Рязанской, введя его в состав правления и, тем самым, положив начало новому этапу истории предпринимательства фон Мекков. Благодаря старшему брату, Николай вначале вошел в состав правления в качестве кандидата, а позднее стал и членом правления дороги.

Н.К. фон Мекк (1863-1929 гг.) стал талантливым продолжателем дела своего отца, одним из крупнейших железнодорожных деятелей России конца XIX - начала XX

вв., видным промышленником дореволюционной России. Не имея специального инженерного образования, Николай на практике овладевает всеми тонкостями нового для себя дела, начав работать в этой области с самых низших ступеней: в депо, конторщиком на Николаевской железной дороге. Он последовательно и целеустремленно прокладывает свой путь в жизни.

К этому времени относится его женитьба на Анне Львовне Давыдовой (родилась 9 декабря 1864 г.) из известного дворянского рода декабристов, племяннице П.И.Чайковского. В том же 1884 г., когда состоялось бракосочетание, у Николая Карловича происходит и другое знаменательное событие. 29 апреля он избирается кандидатом в члены правления Общества Московско-Рязанской железной дороги. Начинается его активная деятельность в железнодорожном предпринимательстве.

С начала 1890-х гг. российское правительство вновь приступило к активному железнодорожному строительству. Инициатором его выступило Министерство финансов во главе с С.Ю.Витте. Для активизации строительства был взят курс на создание крупных железнодорожных монополий на базе тех частных железнодорожных обществ, которые успешно действовали и доказали свою жизнеспособность.

В ряде случаев, при организации железнодорожных монополий в это время министр финансов сам активно содействовал расширению железнодорожных предприятий. Так было и с укрупнением в 1891-1892 гг. Общества Рязанско-Козловской железной дороги, укрупненного в Общество Рязанско-Уральской дороги, и с Обществом Московско-Рязанской железной дороги, преобразованного в Общество Московско-Казанской дороги. В обоих случаях, как свидетельствуют официальные источники, инициатива принадлежала не

столько обществам, сколько лично С.Ю.Витте, "который в этом отношении оказал на компании прямое, им самим не отрицавшееся воздействие". Именно с этим воздействием была связана и смена руководства правления общества Казанской железной дороги, приведшая к приходу молодого и энергичного руководителя Николая Карловича фон Мекка, готового к реализации обширных планов нового железнодорожного строительства.

С приходом Николая Карловича фон Мекка к руководству компанией в ее истории наступил новый период. С его именем связано вступление компании на путь активного железнодорожного строительства, интенсивного расширения предприятия, превращение ее в одну из семи крупнейших железнодорожных монополий России начала XX в.. 1 ноября 1890 г. Николай Карлович становится членом правления общества вместо выбывшего из состава правления А.П.Вилимбахова. А уже в следующем, 1891 г., оно переименовывается в Общество Московско-Казанской железной дороги, и Н.К. фон Мекк еще совсем молодым человеком становится председателем правления нового общества.. В этом качестве он бессменно руководит им в течение 27 лет, вплоть до национализации компании после революции 1917 г. Все это время он с успехом управляет одной из самых крупных железных дорог России. Его отличают, по отзывам, чрезвычайная работоспособность, трезвость мышления, исключительная энергия в достижении цели. Став руководителем Казанской железной дороги, он весь свой ум, энергию, практический опыт, да и придворные связи направил на ее развитие.

За первые девять лет его управления протяженность Московско-Казанской железной дороги увеличилась в девять раз - с 233 верст до 2,1 тыс. верст. А за 50 лет существования Общества (с 1863 г.) протяженность его

линий увеличилась в 13 с лишним раз. Фактически, в Среднем и Нижнем Поволжье была создана новая разветвленная железнодорожная сеть: Рязань - Казань, Рузаевка - Пенза - Сызрань - Батраки, Инза - Симбирск, Тимирязево - Нижний Новгород.

Успех Николая Карловича фон Мекка основывался на высоком профессионализме, тщательности проведения изыскательных работ, проработки проектов. Получению концессий способствовали и связи фон Мекка с членами царской фамилии и придворными. Он пользовался поддержкой и покровительством сестры императрицы, великой княгини Елизаветы Федоровны, которая отзывалась о нем, как о "честнейшем слуге царю и отечеству". Она сблизила Николая Карловича с царским двором и многими петербургскими сановниками. Никто из владельцев других частных железных дорог не пользовался таким доброжелательством и расположением высшей власти, как он. Во многих государственных учреждениях, в частности, в Министерстве финансов, в Департаменте железнодорожных дел Министерства путей сообщения Николай Карлович имел друзей и покровителей, которые снабжали его информацией, давали советы, отстаивали его интересы, помогали устранить нежелательных конкурентов.

Быстрое развитие Общества Московско-Казанской железной дороги обеспечивало его акционерам высокий доход. Основной капитал общества в 1900 г. состоял из облигационного - на сумму 136,3 млн. руб. и акционерного, размером в 9,8 млн. руб., или около 7% основного капитала. Это соотношение капиталов обеспечивало акционерам дороги постоянный доход. В 1890-х гг. дивиденд на акции этого общества достигал 32%.

Надо отметить, вместе с тем, что качество выстроенных линий не было высоким. В целях "экономии" постройка дорог велась на "особо облегченных технических условиях". Металлические мосты строились только через судоходные реки, а в остальных случаях - деревянные. На вновь выстроенных линиях были уложены старые рельсы, снятые с главных путей Московско-Рязанской дороги, что впоследствии потребовало коренной "перешивки" железнодорожного полотна на всем протяжении Московско-Казанской железной дороги. Для этого правление общества потребовало от правительства новых дополнительных ассигнований.

Н.К. фон Мекку Общество Казанской железной дороги обязано не только чрезвычайным расширением масштабов предприятия, но и коренным улучшением его технической оснащённости, модернизацией оборудования. Он пригласил в свою компанию талантливых инженеров Нольтейна, Красовского, Белоцерковца. Московско-Казанская железная дорога стала своего рода экспериментальной площадкой по разработке и испытанию новых типов паровозов. В предвоенные годы на ней появились мощные паровозы, созданные по проекту Е.Е.Нольтейна, а также товарные вагоны повышенной грузоподъёмности. По инициативе Нольтейна на Казанской дороге появились вагоны-холодильники для перевозки сибирского масла, был построен первый в Москве холодильный склад, оснащенный немецкой фирмой "Борзиг".

Ввод в эксплуатацию новых мощных паровозов и товарных вагонов требовал незамедлительной реконструкции железнодорожных путей. На основных магистралях железнодорожное полотно не обновлялось 30 и более лет. Однако, несмотря на критическое состояние железнодорожных линий, фон Мекк не спешил с их

реконструкцией. В предвоенные годы приближался срок выкупа Московско-Казанской железной дороги в казну. Размер выкупной суммы зависел от величины дивиденда на акции в годы предшествующие выкупу. Поэтому фон Мекк, как и другие владельцы частных железных дорог, добивался повышения доходов в этот период за счет резкого сокращения расходов, в том числе и на техническое оборудование дороги.

Николай Карлович стремился преобразовать и коммерческую сторону деятельности компании. Как отмечают исследователи, сооружая под его руководством "все новые линии Общество старалось развить их не сразу, а постепенно, сообразуясь с экономическим и коммерческим ростом обслуживания района, дабы несообразными с действительными потребностями движения расходами не пошатнуть финансовой прочности предприятия и не стать обузой для государства". К чести фон Мекков нужно сказать, что за 50 лет существования (начиная с 1863 г.) Общества Рязанской, а затем Казанской железной дороги, оно "несмотря на иногда бывшие тяжелые обстоятельства никогда не прибегало к правительственной гарантии, а наоборот из своей чистой прибыли выплатило казне за все время своего существования свыше 12 млн. руб."

О том, каких успехов достигло Общество Казанской дороги под управлением Н.К. фон Мекка свидетельствуют сравнительные данные развития деятельности предприятия за 50 лет. За это время Общество вложило на его улучшение и оборудование свыше 80 млн. руб. К концу 1912 г. подвижной состав дороги насчитывал: паровозов - 517 (в 1865 - 31), пассажирских вагонов - 685 (в 1865 - 69), товарных вагонов - 14858 (в 1865 - 768), в том числе 107 вагонов-ледников, сооруженных специально

для перевозки сливочного масла из Сибири к Балтийским портам.

Для развития хлебной торговли в районе дороги устроены зернохранилища и громадные механизированные элеваторы в Москве, Коломне, Зарайске и Рязани, а также ряд станционных хлебных амбаров в Пензенской, Казанской, Тамбовской и Симбирской губерниях. В 1913 г. при Московской пассажирской станции построен "Холодный склад" из железобетона, с машинным охлаждением для скоропортящихся продуктов. В том же году началось сооружение на участке от Москвы до Раменского (42 версты) третьего и четвертого путей, приспособленных для движения по ним "электрических трамваев" (электричек.) для обслуживания дачного и пригородного движения, достигшего на этом участке большой интенсивности. В том же 1913 г., одновременно с празднованием 50-летия Московско-Казанской железной дороги, было положено начало сооружению, на месте старого, нового грандиозного московского вокзала для пассажиров по проекту академика архитектуры Щусева.

События 1905 г. и возросшая конкуренция заставили Н.К. фон Мекка искать пути привлечения на его предприятия рабочих и служащих. Численность их перед войной достигала 30 тыс. чел. Потребовалось решать и социальные проблемы. По инициативе Николая Карловича была создана потребительская кооперация, которая обеспечивала железнодорожников дешевыми продуктами: мукой, растительным маслом, солью, крупой. В 1913 г. были открыты магазины в Москве, Перово, Голутвино, Рузаевке, Сызрани, Казани, Симбирске, Пензе, Арзамасе, Нижнем Новгороде. На линии Арзамас - Муром курсировал вагон-магазин для железнодорожников.

Были построены дешевые многоквартирные дома в Москве и при станции Москва-Сортировочная для рабочих. А близ платформы Прозоровская (в 32 верстах от Москвы) Обществом был приобретен более чем за 1 млн. руб. участок лесной площади в 677 дес. И на этом участке, расположенном в сухой, с песчаной почвой местности, с прекрасным хвойным лесом, устроен поселок, или вернее "город-сад", для постройки и сдачи жилых домов в наем служащим дороги. В поселке устроены бульвары, мостовые, канализация, курсируют трамваи, проведены электрическая и телефонная сеть, водопровод. Проектировались также больница, туберкулезный и общий санатории, церковь, здание для общественных собраний с театром, читальней и библиотекой и целый небольшой квартал с общежитием для детей служащих, не живущих в поселке. Общая смета строительства поселка составляла 6 млн. руб. Поселок задумывался как памятник 50-летию существования Московско-Казанской железной дороги. Кроме того, для подготовки железнодорожных кадров были открыты технические училища, телеграфная школа.

В годы первой мировой войны Н.К. фон Мекк занимался снабжением армии хлебом. Для этой цели железнодорожные станции были оборудованы дополнительными пакгаузами и амбарами.

Революция круто изменила жизнь "железнодорожного короля". В годы нэпа Николай Карлович занимался вопросами планирования, работал постоянным представителем в Госплане от Наркомата путей сообщения. Наряду с ежедневной практической работой он размышлял над перспективами развития железных дорог в стране. Именно в это время вышли его книги по истории и экономике железнодорожного транспорта России: "Экономика транспорта и ее

перспективы в нашем отечестве", "Будущее путей сообщения Западной Сибири" и др.

Но судьба его уже была предрешена. Ни лояльность к новой власти, ни сорокалетний опыт работы на благо России не смогли уберечь его от гибели. В 1928 г. Николай Карлович фон Мекк вновь был арестован, когда ОГПУ попыталось сразу после "Шахтинского процесса" создать "дело" о некоей "вредительской" инженерной организации, "объемлющей всю страну". Аресты в Москве захватили работников Наркомата путей сообщения. 2 июня 1929 г. в "Известиях" появилась статья, в которой утверждалось, что фон Мекк "усиленно охранял имущество частных железных дорог и стремился всеми мерами увеличить его в ущерб бывшим казенным железным дорогам". ОГПУ не удалось, однако, обвиняемых "подготовить" к открытому процессу, и они были расстреляны весной 1929 г. Приговоры были вынесены "тройкой" ОГПУ, закрытым порядком. А.Солженицын в своей книге "Архипелаг ГУЛАГ" отмечал стойкость Н.К. фон Мекка и его товарищей, проходивших по этому делу, на следствии. "В пытках ли они погибли или расстреляны - этого мы пока не знаем, - писал он, - но они доказали, что можно сопротивляться и можно устоять...".

Семейство "железнодорожных королей" фон Мекк на протяжении длительного времени было тесно связано с происходившими в России непростыми процессами экономической и технической модернизации. В судьбе его ярко выразилось и своеобразие путей развития одной из важных групп российского предпринимательства в этот переходный, крайне сложный, неустойчивый, вобравший в себя столько противоречий и факторов риска, период.

Поразительно быстрое обогащение с помощью казны, тесная корпоративная связь с крупным

петербургским чиновничеством, при несомненном профессионализме и динамизме этой новой группы предпринимателей - вот лишь некоторые слагаемые ее бурного, но недолгого успеха. В тоже время, ее "верхушечность", "особость", неприемлемые для многих "европеизм", новые нравственные императивы и методы ведения дела, ее видимая оторванность от основной массы традиционного российского купечества, внесли свой вклад в конечный результат - общую трагедию российского предпринимательства, постигшую его на взлете. Можно говорить в этой связи о некоторых общих характерных чертах, отличавших подобные фон Меккам новые династии российских предпринимателей конца XIX - начала XX вв.

Судьба этой выдающейся предпринимательской династии, вклад которой в экономическое развитие России несомненен, и с именами представителей которой связано столько интереснейших страниц новейшей русской истории, еще ждет своих исследователей.

Гастрономическое дело Елисеевых

Григорий Петрович
Елисеев (1804 — 1892)

Степан Петрович Елисеев
(1806 — 1879)

Григорий Григорьевич
Елисеев (21 августа 1864,
Санкт-Петербург —

Четвёртое поколение
Елисеевых: Николай,
Сергей, Александр, Пётр,

11 января 1949, Париж) Григорий и Маша

Магазин "Гастроном" на Тверской улице в Москве пользуется особой популярностью у жителей столицы. Такой же магазин есть и на Невском проспекте в Петербурге. Три четверти века эти магазины держат бесспорное первенство среди остальных торговых предприятий того же профиля по ассортименту и качеству товаров. За стеклами в их отделах весьма аппетитно выставлены многочисленные колбасы, сыры, разнообразные сорта вин, множество видов конфет и другие вкусные вещи. Москвичи и петербуржцы всегда с удовольствием стремились за товарами в эти магазины с украшенными росписью стенами и высокими зеркалами.

А ведь знаменитый на всю Россию "Елисеевский" магазин вполне мог бы называться иначе - "Касаткинский", если бы не сыновняя любовь двух рослых молодых красавцев к своему батюшке, который своим примером и наставлениями научил сыновей трудолюбию и тем вывел их в люди. В прославление не подлинной своей фамилии - Касаткины, а имени батюшки они назвали основанное ими дело по общему отчеству: "Товарищество братьев Елисеевых". А внуки закрепили дедово имя в памяти России, передав через полвека это название двум магазинам, самым роскошным во всем государстве и похожим, как братья-близнецы, - в Санкт-Петербурге и Москве. А затем и третьему - в Киеве... Даже когда после революции в торговом деле не осталось ни одного Елисеева, их магазины в народе оставались "Елисеевскими" - видимо, стены тоже имеют память.

Все началось с графа Шереметева. Его крепостными были Касаткины, а также их родня - Кузнецовы, Красильщиковы, Ковалевы. Жизнь многих из них сложилась на удивление необычно. Дочь Ивана Ковалева, Прасковья, красавица, которую Бог одарил дивным

голосом, стала супругой графа обер-гофмаршала Николая Петровича Шереметева. Он удивил весь Петербург, женившись на своей крестьянке, а был властен подарить, продать или обменять ее. В театре Шереметева она носила сценическое имя - Жемчугова, с ним и прославилась в обеих столицах.

Хозяин гордился своей актрисой, тайно любил ее. Впрочем, вся дворня знала об этом - несколько лет барин и крепостная артистка жили невенчанно. Но когда она стала вдруг увядать, назвал ее перед Богом и людьми законной женой. Было тогда Параше тридцать лет, а в тридцать четыре она умерла.

Граф и крепостная актриса обвенчались накануне Рождества 1801 года. С тех пор перед каждым новым годом Шереметев приезжал на родину Прасковьи Жемчуговой в свое рыбинское имение, где все местные ее знали и помнили. С большой компанией друзей и поклонников покойной жены приехал он сюда праздновать очередное Рождество. Этот приезд графа в свое любимое имение первые Елисеевы вспоминали всю жизнь, а последующие во всех подробностях передавали рассказ о давнем событии из поколения в поколение...

В праздничный вечер граф Николай Петрович и его гости уже сидели при свечах в Зеркальном зале за столом, когда с загадочным выражением на лице неожиданно вошел садовник Петр Касаткин. Он нес в вытянутой руке нечто такое, что у каждого взглянувшего вызывало восторг: в лютый рождественский мороз он держал на блюдечке, словно бы только что вернулся из леса... землянику, которая поспевает после Троицы! И поставил перед графом на стол.

Первым пришел в себя граф Николай Петрович:

- Петр Елисеевич, да как же ты сохранил такую красоту?

Касаткин отшутился:

- Да вот собрал. У нас, знамо, места земляничные.

Первую ягодку взяла самая почетная гостья, княгиня Варвара Долгорукая, и сказала с удивлением:

- Настоящая! А вот и зеленый листок! Настоящая лесная земляника... А я сперва подумала, что конфета. (Тогда говорили: "конфета".)

Потом попробовал граф Шереметев, блюдечко пустили по кругу. Мужчины передавали его друг другу, а те подносили сначала своим дамам. Все брали по яголке, восхищались графским садовником. Очень он угодил барину! И тот опрометчиво воскликнул:

- Угодил, Петр Елисеевич! Проси, чего пожелаешь. Все дам за такое уважение!

Касаткин не смел взглянуть на барина, хотя к вопросу готовился заранее, но ответил внятно, чтобы услышали все присутствующие:

- Дай, граф, вольную...

Конечно, это была неслыханная дерзость: в присутствии почтенных гостей поймать графа на слове. Но обер-гофмаршал виду не подал, что жалеет о своей опрометчивости (потерять такого садовника!). Только потом, при расставании, выказал обиду, но сейчас ответил радушно, щедро:

- Отпускаю тебя, Петр Елисеевич. Конечно, с женой.

Восторженной княгине Варваре Владимировне Долгорукой этого показалось мало. Гостья добавила:

- Граф, наверное, даст в придачу и сто рублей. На обзаведение.

Шереметев тут же вызвал управляющего и велел при всех отсчитать сто рублей - огромные по тем временам деньги!

Боясь, что граф может одуматься, Касаткин, как только выправил бумаги, быстро собрался и уехал с женой в санном обозе, который хозяин по зимнику отправлял в Петербург за "колониальным товаром".

Через два дня Касаткины уже в Петербурге. Петр Елисеевич и Мария Гавриловна остановились у своих деревенских, следивших за городским дворцом Шереметевых: в нем всегда должно быть чисто и тепло на случай неожиданного приезда хозяина. Наутро купили мешок апельсинов, деревянный лоток на голову и вышли на людный Невский проспект. Мария Гавриловна встала на перекрестке с Садовой (сторожить фрукты в мешке, пока они не понадобятся), а Петр Елисеевич с лотком на голове, наполненным апельсинами, пошел, улыбаясь, навстречу прогуливающейся благородной публике, предлагая свой неожиданный в зимнюю пору штучный товар. Сначала стеснялся, но к концу дня научился бойко выкрикивать, как будто сам был очень рад: "Кто хочет угостить даму апельсином? Копейка - что за деньги! Кто не пожалеет копейку, чтобы порадовать даму апельсином?"

Кавалеры, проявляя галантность, открывали кошельки. У некоторых в руках оказывался пятак, а поскольку у предупредительного продавца тут же находилась сдача, они проявляли щедрость: дескать, давай апельсинов на две копейки... Но, изумляя покупателей, Петр Елисеевич протягивал им на две копейки три апельсина. Дома жена выговаривала. Зачем наносить себе урон? Сказано ведь, апельсин стоит копейку, а если дал две копейки, то и получай два апельсина. Однако убытка

не оказалось. К концу первого дня супруги пересчитали свой капитал: утром было сто рублей, к вечеру - сто один.

Все меньше приходилось Марии Гавриловне стоять на холодном сквозняке: Петра Елисеевича узнавали, выходили на Невский специально, чтобы удивить спутницу столь красивым белой зимой оранжевым фруктом. Все чаще с пустым лотком в руке Петр Елисеевич возвращался к Садовой, где томилась в ожидании жена. Да и она, преодолев смущение, стала не только стоять с товаром, но понемногу и приторговывать. Тогда купили второй лоток - для жены. И Мария Гавриловна пошла с ним, тоже улыбаясь, по другой стороне Невского проспекта...

Летом в Петербург прибыли с попугайчиками их малые сыновья - Сергей, Григорий и Степан, остававшиеся до того в деревне с бабкой Пелагеей. Попривыкнув к петербургской жизни, Мария Гавриловна теперь настояла вызвать детей. Да они и не мешали. Особенно старший, Сергей, которому шел уже тринадцатый год. Он вместо матери подносил отцу апельсины, глядел за младшими, а потом, когда сняли помещение для лавки в доме Котомина на Невском же проспекте (по-нынешнему - в доме № 18), убирал с младшими братьями в нем, сбивал ящики для фруктов. Все шло к тому, чтобы завести собственное дело.

Об успехах Петра Елисеевича граф Шереметев узнал от своей дворни: барский садовник разбогател, открывает собственное дело, стал петербургской знаменитостью. О занятом человеке, получившем свободу благодаря землянике, поспевшей в оранжерее к Рождеству, действительно судачили в богатых домах, восхищались: вот славно придумал продавать апельсины зимой с лотка на голове!

Целый год семья жила экономно. В уголке, который сняли для лавки, отвели небольшое место для

самих себя. Ничего лишнего не покупали - берегли деньги. Как-то раз после Рождества у перекрестка с Садовой, который они с женой с самого начала облюбовали, Петр Елисеевич нежданно встретился со своим бывшим хозяином-благодетелем. Граф искренне обрадовался, стал расспрашивать, что это у Петра Елисеевича на голове. Недавний крепостной все рассказал и, не снимая с головы деревянного лотка, добавил, что собирает хорошие деньги, чтобы откупить у графа своего брата, Григория Елисеевича Касаткина.

- И сколько собрал? - спросил Шереметев.

- Сто сорок рублей и тридцать копеек, - ответил бывший садовник.

Граф думал всего мгновение:

- Полагаю, этого вполне достаточно.

Петр Елисеевич не сразу сообразил, что слова графа означают согласие, а когда понял, пал, к удивлению прохожих, на колени, стал искать руку барина, чтобы поцеловать. Только тут он заметил, что Шереметев не один. В карете, которая остановилась на Невском возле Садовой и ждала графа, сидела укрытая меховой полостью и смотрела на происходящее Варвара Владимировна Долгорукая, год назад первая отдававшая счастливую рождественскую землянику. Не потому ли граф и сегодня не чинился, не дал себя уговаривать - хотел сыграть роль благодетеля до конца?

Всего через месяц как-то поздним вечером в Петербурге появился Григорий Елисеевич. Одет он был по-крестьянски, и Петр первым делом повел брата к новому своему знакомому - портному. Вторым делом отправились к стряпчему, чтобы тот сочинил и красиво написал прошение об учреждении "Товарищества братьев Елисеевых".

Потом историки Санкт-Петербурга спорили с родней преуспевающих Елисеевых, когда, в какой год было создано "Товарищество" и в каком поколении, считая, что вовсе не Петром и Григорием оно основано, а тремя сыновьями Петра Елисеевича, и только в 1857 году. Потомки в ответ спрашивали: почему же тогда столетнюю годовщину "Товарищества братьев Елисеевых" отмечали именно в 1913 году?

Хотя Петр Елисеевич, преданно глядя на своего благодетеля, и назвал точную сумму в рублях с копейками, денег у него водилось гораздо больше. Как-то, дождавшись утра, он вынул ассигнации и серебро и вместе с братом дважды пересчитали их (вечером ассигнации не листают: какой-нибудь недобрый человек может ненароком увидеть в окно и польститься на чужие деньги).

Братья были не безграмотными, еще в деревне священник выучил обоих считать и писать. В Петербурге же они первым делом овладели географией: хотели точно знать, где произрастают благородные фрукты - апельсины, фиги, бананы и как получается из винограда барское горячительное вино. Оставив Григория Елисеевича в Петербурге торговать (непрерывно без перебоев, даже по воскресеньям и в праздники) и подробно наказав брату, как поступать, если встретится какое-нибудь затруднение - с полицией ли, с хозяином ли тротуара (братья уже не ходили сами вдоль улицы, а наняли бойких разносчиков), сам Петр Елисеевич отправился парусным судном туда, где апельсины растут на деревьях, как в России яблоки.

Он намеревался попасть на юг благодатной Испании, где, по слухам, петербургские купцы - главным образом из немцев и французов - закупили колониальные товары. Но корабль по какой-то надобности сначала остановился на острове Мадейра. И покрытый лесом остров (в переводе на русский Мадейра - "страна лесов"), и

город Фуншал очень понравились нашему путешественнику. Оценил он тамошние вина - мадеру, мальвазию и верделью. В Петербурге - холодная слякотная осень, а на Мадейре буйно цветет вечное лето. Увидел он сады, которых от роду не встречал: неведомые плоды прятались в тени листьев, а папайя росла прямо из голых серых стволов. Общаться с местными людьми ему помогали моряки, которые немного знали португальский, но им предстояло плыть дальше. А Петр Елисеевич отважно решил остаться в Фуншале один, договорившись, что на обратном пути корабль возьмет его домой.

Он ездил и ходил по острову, разглядывал растительность и странные аккуратные круглые зеленые холмы; подобные морским волнам, они были похожи один на другой, словно бы сделанные одной рукой. В первый же день он узнал, что действительно это не творение Божье, а сооружение человеческих рук: прохладные даже в самую сильную жару винные погреба со сводами, выложенными кирпичом. В них созревало и хранилось вино, за которым присматривали смуглые, загорелые люди.

Постепенно начиная понимать португальскую речь, Петр Елисеевич и сам открыл многое, наблюдал, как мнут виноград, что делают с ним потом, в каких бочках содержат зреющее вино. Удивился, почему совершенно созревшие кисти винограда не снимают с лозы. Оказывается, то обязательная хитрость: из спелых ягод, остающихся еще какое-то время на кусте, получают замечательный изюм с тонкой, нежной кожицей. Местным виноделам очень понравилось, что исправно одетый и, видимо, небедный гость, поглядев на их работу, скинул башмаки, закатал штаны, обмыл ноги и весело присоединился к рабочим, которые топтали гроздь.

Ко времени прибытия корабля общительный, никогда не унывающий Петр Елисеевич уже коротко

познакомился со всеми видными виноделами острова. Капитан и моряки только удивлялись, как быстро он сошелся с ними. Они похлопывали друг друга по спине, местные виноделы матерились по-русски и при этом перемигивались, словно бы знали значение ругательств. Петр Елисеевич словами и жестами уже обо всем с ними договорился: когда он будет присылать корабль за бутылками и бочками с вином, как и почем станет расплачиваться. Поговорив с виноделами, капитан (он владел и португальским, и испанским) убедился, что Петр Елисеевич совершенно правильно понял торговцев, а они его, и взял на корабль первую партию вина. В Петербурге оно произвело фурор! Такого замечательного вина не видели даже в домах, знающих толк в питье.

Вернувшись из Португалии, в том же 1821 году Петр Елисеевич снял в петербургской таможне помещение для приема и хранения иностранных вин. Дело задумывалось большое - регулярно доставлять из-за границы иностранный товар. А спустя три года он уже открыл на Биржевой линии Васильевского острова постоянную винную торговлю, и она сразу же стала пользоваться успехом. У "Елисеевых" можно было купить самые лучшие вина, за которыми присылали даже французские аристократы, оставшиеся жить в России после революции во Франции, - а уж они-то толк в благородных напитках знали! Иных приманивали заморские бутылки затейливых форм, но особенно ценилось старое, выдержанное вино знаменитых фирм с выцветшими этикетками. Наконец, в 1824 году Петр Елисеевич заявил свой капитал в Купеческой управе и записался вместе со всем семейством в купеческое сословие. Но неожиданно заболел и в 1825 году, не дожив и до пятидесяти лет, скончался.

Петр Елисеевич поступил удивительно предусмотрительно, записав в купеческое звание всю семью: дело продолжила вдова, Мария Гавриловна, вместе с подростками сыновьями и Григорием Елисеевичем. Явно в батюшку деловыми качествами пошел старший сын, Сергей Петрович - ему уже было двадцать пять лет. Постепенно Мария Гавриловна доверила ему все сложное хозяйство, но и младшие сыновья старались. Особенно Григорий Петрович...

Торговый дом Елисеевых быстро стал одним из самых удачливых во всем Петербурге. В его лавках зимой всегда продавали изюм без косточек, фиги, свежий виноград и другие заморские фрукты, даже плоды папайи, которые первыми из богатых покупателей оценили люди пожилые. Хозяева магазинов "Колониальные товары" рекомендовали им начинать день именно с папайи, хотя она и выглядит невзрачно, и, казалось бы, не очень вкусна. Надо разрезать плод вдоль, выжать на него сок лимона и съесть ложечкой натошак - "бодрит желудок"... Так на Мадейре, бывало, рассказывал батюшка Петр Елисеевич, поступали даже бедные люди.

Самые неожиданные плоды, названия которым знали далеко не все покупатели, у "Елисеевых" выглядели такими свежими, будто их только сняли с куста или дерева. А все потому, что с самого начала было строго заведено: перед тем, как выставить для продажи фрукты или ягоды, обязательно убрать порченные - не обрезать пожелтевшее или подгнившее, а вовсе не выставлять. Пусть это съедят сами продавцы, но непременно - в лавке. Домой не относить, чтобы никто не увидел, что райского вида товар, привезенный морем, может испортиться. У "Елисеевых" товар - только отменный!

Сергей, Григорий, Степан, уже немного знавшие французский, стали расширять личное знакомство с

поставщиками. Каждый из них время от времени уезжал за границу: во Францию, потом в страны Пиренейского полуострова, в Англию - заключали сделки с крупнейшими поставщиками "колониальных товаров".

Григорий Петрович был прекрасным знатоком вин, и ни одна их партия не закупалась без дегустации лично им. Для хранения приобретаемой продукции были построены огромные винные склады в Петербурге. Их общая площадь составляла более 7 тысяч квадратных метров.

Степан Петрович также занимался делами фирмы, уделяя внимание торговле не только винами, но и фруктами, кофе, кондитерскими изделиями и сырами. Благодаря его инициативе было построено несколько собственных цехов по производству конфет, а также рыбных изделий, включающих в свой ассортимент икру разных сортов, балыки и другие рыбные деликатесы.

Дело у "Товарищества" шло так успешно, что еще старшие Елисеевы - Петр и Григорий - перестали нанимать парусники, ходившие в южные моря. Обзавелись своими. В Голландии купили "Архангела Михаила", "Святого Николая" и трехмачтовую красавицу "Конкордию". На них доставлялись плоды и ягоды с берегов Португалии, с островов Средиземного моря, из райских мест Африки, где фрукты были еще дешевле. Парусные суда добирались даже до Индии. За навигацию парусники успевали совершать по два рейса.

Собственная доставка обходилась сказочно дешево. Можно было снижать цены на товары и с каждым днем богатеть: капитаны, моряки, приказчики обходились недорого. Завистники с насмешкой говорили: "Больше всего стоит ветер, что надувает паруса".

А между тем упоенные успехом братья Елисеевы не заметили, что внезапно просчитались. Не поняли, отчего дешевеет парусный флот, просмотрели появление

пароходов - судов несравненно более быстроходных и выгодных. А ведь много лет назад уже был повод приглядеться к новому и хорошенько подумать. Летом 1817 года, воскресным днем, всей семьей прокатились из Петербурга до Кронштадта на первом российском пароходе - на чудном, пышущем злым паром судне под названием "Елизавета". Российскому пароходу было тогда уже три года, но интерес к нему постепенно угас. Кто бы мог подумать, что у этого чудища большое будущее? Старшие Елисеевы - Петр и Григорий, как и все, тоже увидели в новшестве одно баловство, не имеющее никакого отношения к торговому делу.

Спохватились сыновья, да поздно. В их оправдание надобно сказать, что даже просвещенные люди того времени не предвидели огромных перемен, связанных с появлением парового двигателя. Это случилось во времена молодости Пушкина, однако ни в стихах, ни в письмах, ни в прозе он никак не откликнулся на событие, которое вскоре перевернуло жизнь всех народов Земли. Почти двадцать лет спустя отозвался лишь композитор Глинка. Он написал бодрую песню о том, как "веселится и ликует весь народ, пребывая в нетерпении", - в честь появления первой в России железной дороги между Санкт-Петербургом и Царским Селом. Их связал железными рельсами "пароход", который "мчится в чистом поле". Пароходом сначала называли и паровоз, одним новым словом связав транспорт речной, морской и совершенно необычный наземный. Слово очень точное в объяснении силы рвущегося на волю пара, благодаря которой "экипаж" несется с "немыслимой" скоростью вперед - по воде и по земле.

Да, молодые Елисеевы проглядели новинку, а конкуренты воспользовались изобретением, наняли быстроходные пароходы и первыми стали доставлять в

Россию с юга все, что поспело и не должно увянуть, испортиться дорогой. Капитаны груженных фруктами пароходов, всю дымящих в синее небо, старались в море подойти поближе к елисеевскому паруснику, а поравнявшись, неожиданно оглушительно загудеть и тут же прибавить скорость - так они унижали "морскую черепаху". Удаляясь, моряки насмешливо махали с палубы рукой. Однако младшие братья Елисеевы не долго кручинились. Они извлекли из поражения урок и отныне помнили его всегда: внимательно следить за всем новым, чтобы всегда быть впереди.

Средний, Григорий Петрович, постепенно становился во главе семейной фирмы. Два уцелевших парусника удалось продать тем, кто все еще не верил в наступление новой эры. Полученные деньги истратили на покупку винных погребов в Бордо, Опорте, Хересе и, конечно же, на Мадейре. Братья Елисеевы теперь больше надеялись на то, что не могло ни утонуть, ни устареть. В лучшее время года, когда фрукты стоили очень дешево, они скупали у крестьян их урожай, хранили нежный товар в каменной прохладе погребов и, наняв пароходы, везли его в Россию. Местные крестьяне рады были получить сразу всю выручку за урожай, а в Петербурге, где зима начиналась раньше, чем в остальной Европе, радовались экзотическим фруктам.

Много лет спустя первые советские туристы очень удивились, услышав от местного населения Мадейры про "елисеевские погреба" на острове. Оказывается, имя прежних владельцев уцелело вместе с некогда принадлежавшими им "кирпичными холмами" и во французском Бордо, где делают легкое вино, и в испанской Андалузии - Хересе-де-ла-Фронтере, где вызревает белое крепкое виноградное вино. Туристы привезли на родину первые запоздалые вести о том, как

хозяйствовали в свое время братья Елисеевы в этих землях. Сначала те снимали, а потом стали откупать надежные подвалы - прохладные огромные кирпичные залы со сводами и гигантскими деревянными емкостями. Подвалы и хранилища со временем приобрели новых владельцев, но по-прежнему назывались "елисеевскими", совсем как в Москве и Ленинграде, где новые покупатели упорно именовали самые красивые магазины не "Гастроном № 1", а так, как их называли предыдущие поколения москвичей и петербуржцев - "Елисеевский", иногда не зная точно, что это означает.

В 1873 году, когда во главе всех дел стоял Григорий Петрович (уже действительный статский советник и гласный городской Думы), он представил в Вене свою коллекцию вин и получил почетный диплом, в Лондоне - Золотую медаль. Его самый удачливый сын, Григорий Григорьевич Елисеев, еще при жизни батюшки отправил в 1892 году из Петербурга в Париж коллекцию старых французских вин, хранившихся в семейных подвалах. Качество вин, прибывших из северной страны, многие из которых на своей родине, казалось бы, исчезли навсегда, удивило знатоков. За годы хранения в России они не утратили ни вкуса, ни аромата, пожалуй, даже приобрели - благородство старого вина. Устроители выставки присудили русскому ее участнику Золотую медаль "За выдержку французских вин". На другой всемирной выставке в Париже, в 1900 году, Григорий Григорьевич представил публике "вне конкурса" самую лучшую свою коллекцию. Она называлась "Retour de Russie". Владелец ее получил высшую награду Франции - орден Почетного легиона (лишь через год специальным указом царя ему было дозволено принять награду чужого государства).

Ценили Елисеевых и на своей родине. Григорий Петрович на склоне дней своих (ему шел девятый десяток) удостоился сначала ордена Святой Анны третьей степени, через четыре года - того же ордена второй степени. Его сын, Григорий Григорьевич, ставший во главе торгового дома, был пожалован в 1896 году орденом Святого Владимира четвертой степени, а через четырнадцать лет - тем же орденом третьей степени. В 1910 году потомок крепостного крестьянина, его жена и младшая дочь Мария получили дворянство. Три года спустя, 14 марта 1913 года, Николай II даровал потомственное дворянство всем Елисеевым, целое столетие дружно поднимавшимся вверх.

Это торжественное событие произошло перед самой семейной катастрофой, которая разразилась совсем неожиданно и разбила на части сплоченную семью. В 1915 году она была внесена в первую часть Дворянской родословной. К недоумению взрослых сыновей, в царском указе кроме младшей дочери Марии называлось имя второй жены Григория Григорьевича - Веры Федоровны. Именно это ненавистное младшим Елисеевым имя послужило причиной сыновнего бунта.

Но мы забежали вперед, до этого еще далеко.

Известный в деловых кругах Григорий Григорьевич Елисеев задумал в конце XIX века поразить Москву и Санкт-Петербург невиданными магазинами колониальных и гастрономических товаров. Они должны были явить обеспеченной публике обеих столиц (а позднее и Киева) совершенно новый тип торговли - уважительный, почтительный, с богатейшим набором товаров.

Место в Петербурге определили легко - в центре Невского проспекта, где он пересекается с Садовой, - в память почтенных предков, некогда ходивших здесь с лотками на головах. В Москве найти место оказалось

труднее. Одни советовали Арбат - там живут семьи старых аристократов и самые богатые из купцов, купившие у разорившихся дворян их родовые особняки. Другие называли Тверскую, Большую Дмитровку, Петровку или бульвары, где обустроились новые хозяева жизни - удачливые купцы, адвокаты, врачи.

Встретив как-то в Купеческом клубе (в то время он снимал помещение с садом на углу Большой Дмитровки и Козицкого переулка) братьев Гучковых, Елисеев осторожно намекнул им, мол, Москву очень бы украсил новый магазин, будь он построен напротив дома генерал-губернатора. Александр Иванович Гучков, служивший в городской управе, только улыбнулся и по секрету сказал, что там готовят место для памятника генералу Скобелеву. Но указал подходящее место поблизости: запущенный старинный дворец, некогда принадлежавший княгине Белосельской-Белозерской. Главным фасадом он выходил на Тверскую, а боковым - в Козицкий переулок, где они и вели беседу.

Дворец княгини Белосельской-Белозерской находился во владении, в свое время принадлежавшем князьям Вяземским. В 1797 году его за бесценок купила вдова статс-секретаря Екатерины II Е. И. Козицкая. С тех пор переулок и получил свое название, хотя владение после смерти вдовы перешло к ее дочери - в замужестве княгине Белосельской-Белозерской. Она-то и повелела снести старые постройки и возвести величественное здание, заказав проект модному архитектору М. Ф. Казакову.

Возведенный дворец в 20-х годах XIX века прославился тем, что в нем у Зинаиды Волконской (дочери князя Белосельского-Белозерского) собиралась вся литературная Москва. Потом - на все времена - тем, что другая Волконская, Мария, жена декабриста, сосланного

на каторгу, провела во дворце последние сутки перед отъездом в Сибирь к мужу. Провожая родственницу к саням, стоявшим во дворе дома у внутреннего выхода на Козицкий переулок, Зинаида Волконская в последнюю минуту спохватилась и приказала немедленно остановить тронувшиеся было повозки. Она захотела послать в Сибирь свои клавикорды, на которых любила играть Мария Волконская. Обоз остановился, слуги вынесли музыкальный инструмент, поставили его, закрепили, чтобы не двигался даже на ухабах, - предстояло путешествие по бездорожью, длиной в тысячи верст.

За несколько лет до восстания декабристов в этом дворце часто бывал Пушкин. Его хозяйке, Зинаиде Волконской, поэт написал восторженные стихи:

Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется, и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани...

Скорее всего, Пушкин имел в виду знак дома: "двойной венок", украшавший фронтон дворца. Здесь же хозяйка дворца устроила торжественную встречу возвращенному из Михайловской ссылки поэту.

Прошло пятьдесят лет, и знаменитый дом стал собственностью преуспевающего купца Самуила Мироновича Малкиеля. Затеянная им перестройка пошла на пользу зданию. Новый владелец с разрешения управы убрал с фасада разрушающиеся колонны, устроил на втором этаже галерею. У парадного входа на Тверской появились четыре кариатиды. Дворец, ничего не потеряв из первоначального замысла знаменитого архитектора,

стал выглядеть строже и опрятней. Однако новый владелец вскоре почему-то покинул его. Потом дом переходил от одного владельца к другому, пока наконец его не купил Григорий Григорьевич Елисеев - 5 августа 1898 года.

Еще не были доведены до конца все формальности, а Елисеев уже обратился к известному архитектору Барановскому с письменной просьбой "принять на себя труд заведовать в качестве архитектора всеми строительными работами в занимаемом ныне помещении... составлять и подписывать планы, приобретать необходимые материалы, нанимать и удалять рабочих. Торговое товарищество верит Вам, спорить и прекословить не будет...".

И действительно, Григорий Григорьевич, доверившись архитектору, ни разу не усомнился в решениях Барановского. Проект будущего магазина был сделан всего за два месяца с небольшим, и уже 23 октября Елисеев донес городским властям, что желает "приступить к ремонтным работам и переделкам в доме моем". И представил чертежи. Однако ему очень хотелось, чтобы вид будущего магазина стал сюрпризом для всей Москвы, а потому приказал одеть здание в леса и обить со всех сторон досками, чтобы не было видно сквозь зеркальные окна, поставленные еще Малкиелем, над чем трудятся строители.

К этому времени энергичный и предприимчивый Григорий Григорьевич стал единственным наследником растущего дела. Дядя Сергей Петрович Елисеев давно умер, а родной брат и совладелец Александр Григорьевич добился почестей и больших должностей на государственной службе - стал действительным тайным советником, кавалером многих орденов. Его не привлекало беспокойное торговое дело.

Таинственная стройка, волновавшая московскую публику, продолжалась несколько лет. Охрана то и дело ловила любопытных, которые, оторвав с одного гвоздя доску, старались отодвинуть ее, чтобы взглянуть, что же творится внутри огромного деревянного ящика. Нескольким это удалось. Одни с восторгом, другие с ужасом рассказывали: неподалеку от Страстного монастыря возводится мавританский замок.

И вот наступил погожий летний день 1901 года, на который был назначен торжественный молебен в честь открытия "Магазина Елисеева и погреба русских и иностранных вин". К утру разобрали деревянный ящик, и преисполненная любопытства публика ахнула, увидав великолепный фасад, а через огромные блистающие чистотой окна - роскошную внутреннюю отделку магазина: высокий, в два этажа, зал, свисающие с потолка великолепные хрустальные люстры, потолок и стены, отделанные сказочным декором. Магазин действительно словно бы явился из "1001 ночи". Был создан крайне оригинальный торговый зал огромной высоты, стены которого были отделаны красочными лепными украшениями. В глубине зала вверху виднелась темная ниша, а рядом с ней были установлены английские часы с огромным маятником.

Перед входившими в магазин покупателями открывалось внушительное зрелище: горы заморских фруктов, пирамиды кокосовых орехов величиной с голову ребенка каждый, пудовыми кистями висели тропические бананы, перламутром отливали обитатели морских глубин. Сверкали и переливались в высоченных зеркалах батареи винных бутылок. Обслуживание посетителей было отменным. Продавцы прекрасно знали вкусы своих покупателей и умели отпускать товар так, что ни одной обмякшей ягодки винограда не попадало в их руки.

В. А. Гиляровский скромничал, когда привел стихи "неизвестного автора", посвященные открытию "храма обжорства", - их написал он сам. Свидетель и участник торжества, поэт-репортер подробно описал богатство прилавков, поразившее москвичей:

А на Тверской в дворце роскошном Елисеев

Привлек толпы несметные народа

Блестящей выставкой колбас, печений,

лакомств...

Приказчик Алексей Ильич старается

у фруктов,

Уложенных душистой пирамидой,

Наполнивших корзины в пестрых лентах...

Здесь все - от кальвиля французского с гербами

До ананасов и невиданных японских вишен...

Почетные гости, получившие роскошно напечатанные на верже, окаймленные золотой виньеткой пригласительные билеты, входили в магазин со двора - так свидетельствовал Гиляровский, описавший торжество в газете "Россия", а много лет спустя - в своей знаменитой книге о Москве.

Среди тех, кто вошел в царство гурманов через устланный коврами Козицкий переулок, была вся московская знать во главе с военным генерал-губернатором (сыном императора Александра II) Великим князем Сергеем Александровичем с супругой, гласные городской Думы. Разнообразие винных, гастрономических, колониальных товаров не поддавалось описанию. Обо всем можно было узнать у галантных приказчиков, почтительно отвечавших на всевозможные вопросы покупателей.

Сортов кофе было так много, что москвичи терялись, какой кофе покупать - аравийский или абиссинский, вест-индский или мексиканский. Приказчики

склонялись к тому, что ароматнее всего кофе из Южной Америки или, по крайней мере, из Центральной. Тогда в России кофе пили немногие. На одного жителя приходилось едва ли сто граммов в год, в Англии в ту пору пили в пять раз больше, но вот кто действительно тогда наслаждался ароматным напитком, так это голландцы - в 81 раз больше, чем россияне.

В России был популярен чай. И Елисеевский магазин предлагал богатейший выбор чаев из Китая, Японии, Индии, Цейлона. Тонкие знатоки предпочитали покупать у "Елисеева" чай с Явы.

Сложный букет ароматов Елисеевского магазина создавали пряности: в самом пахучем уголке его гнездились прекрасные склянки с ванилью, гвоздикой, кардамоном, шафраном, корицей, мускатным орехом...

Очень высоко ценили покупатели сырный отдел. В любое время года выбор разнообразных сыров казался безграничным. Твердые - швейцарский, честер, эментальский, эдамский и, конечно, итальянский "гранитный" пармезан. Еще более разнообразным предстал прилавок мягкого сыра: на непромокаемом пергаменте лежали в соседстве "жидкий" бри, невшатель, лимбургский, эдамер, шахтель... (Кстати, его заметил Гиляровский, и именно его предпочитала вся богатая Москва.)

Григорий Григорьевич Елисеев открыл москвичам "деревянное масло" (так тогда называлось оливковое). Оно из Прованса шло через Одессу и Таганрог.

В трех залах магазина было пять отделов: гастрономический, сверкавший всевозможными бутылками и хрусталем "баккара", колониальных товаров, бакалея, кондитерский и самый обширный - фруктовый. На редкость аппетитны были кондитерские изделия - большие и малые торты или маленькие "дамские

пирожные" (птифуры), которыми хорошо угостить спутницу, проезжая мимо Елисеевского. Этим незаметно завлекали в магазин будущую покупательницу: получив удовольствие от угощения, дама замечала и другие продукты, которые ей внезапно становились необходимыми к своему столу... Пирожные выпекались в собственной пекарне во дворе и словно хранили ее тепло. Их не коснулся холод ледника - он хорошо хранит, но вкуса не прибавляет. Десятки сортов колбас изготавливались в своей колбасной тоже во дворе, который когда-то расчистил Малкиель...

Москва оценила и новинку: грибы из Франции - трюфели. Они, конечно, стоили дорого, но оченьгодились для торжественного обеда. А анчоусы? Таким красивым словом называлась маленькая подкопченная, специального посола рыбка, бурая на спинке, с серебряным брюшком. Глядя на восторженных людей, по достоинству оценивших его вкус и размах, Григорий Григорьевич спокойно, но многозначительно улыбался, потому что готовился удивить публику чем-то еще более значительным.

Такой же фурор произвели магазины Елисеева в Петербурге, а позже - в Киеве. Они сделались самыми знаменитыми в России, все, что продавалось в них, годилось для радостного праздничного стола. Их внутренняя отделка и обслуживание покупателей вызывали восторг не только в России, но и за границей. Судя по прессе, нигде в Европе не было ничего подобного по размаху, комфорту и ассортименту товаров. При магазинах были созданы обширные склады, подвалы и ледники. На огромное хозяйство работали мастерские и транспортные предприятия, использовавшие, в частности, грузовые автомобили.

Можно сказать, что "Елисеевский" задавал тон всей торговой России. Лучшему российскому магазину стал

подражать молокоторговец Чичкин. Он тоже одел приказчиков в белое и крахмальное, а стены облицевал белейшей, под стать молоку, кафельной плиткой. Один из магазинов забытого теперь, а некогда известного всей Москве Чичкина еще сохранился - то "Молоко" на Большой Дмитровке. Но сегодня там не демонстрируют свежесть продуктов вечерним публичным выливанием в канализацию сегодняшнего молока: тогдашний хозяин считал, что молоко не может быть вчерашним, и сам следил, чтобы приказчики в белом выносили на улицу бидоны и у всех прохожих на виду медленно опорожняли их.

В обеих столицах шумно отпраздновали столетие фирмы. Прошло ровно сто лет, как крепостные крестьяне - один отпущенный, другой выкупленный, - имевшие сто подаренных барином рублей, отважно начали свое дело. Второе поколение Елисеевых получило неплохое образование, а внуки уже сами выглядели аристократами, говорили на иностранных языках. Старший из них, Сергей Григорьевич, владел многими языками - французским, немецким, китайским, корейским и японским (он учился в Токио, прожил там два года). Второй - бойкий, смысленный молодой человек, Николай, стал преуспевающим биржевым журналистом. Всего у Григория Григорьевича Елисеева было пятеро сыновей, и он гордился ими.

Григорий Григорьевич построил в Петербурге семнадцать многоэтажных доходных домов, открыл конный завод в Орловской губернии и развел огромные плантации винограда в Крыму. Даже семенную розь сорта «елисеевка» вывели в России благодаря финансированию Григорием Григорьевичем селекционных работ. В 1897 году он же был одним из учредителей в России автомобильного завода. Фирма ввозила продукты для

своей обширной торговли со всего света. За 1903–1913 гг. она уплатила государству пошлину в размере 11 миллионов рублей.

Елисеевы дорожили честью своей фирмы, не плутовали и не хищничали, хозяйничали разумно и активно занимались благотворительной деятельностью. Они считали ее святой обязанностью, направленной на развитие науки, искусства, образования, здравоохранения – всех тех сфер, которые способствовали развитию общественного прогресса. Елисеевы работали на благо общества, сознавая свою личную ответственность перед ним. Гласный Петроградской городской думы, член комитета виноделия и виноградарства министерства земледелия, в 1902 году Г.Г. Елисеев был инициатором открытия первых коммерческих общедоступных курсов. Григорий Петрович обучал детей своих служащих в училищах за свой счет, старых служащих пристраивал в приют. В Петербурге, на Большой Охте, было построено огромное здание благоустроенной богадельни, и воздвигнут великолепный храм “Во имя Казанской божьей матери”, в византийском стиле, снесенный при советской власти в 1929 г. И в других городах России Елисеевы возвели много церквей, больниц и школ для малоимущих слоев населения.

Елисеевское предприятие действовало столь успешно, что оно вполне могло стать крупной многонациональной фирмой. Ему было под силу вступить в соревнование с соответствующими предприятиями зарубежных стран: для этого хватало и денег, и опыта в технологии совершения торговых операций. Григорий Григорьевич планировал создать широкую сеть магазинов в США.

И вдруг в семье разразился скандал. О нем заговорили все, кто знал и не знал Елисеевых. Стряслось великое несчастье. Жена Григория Григорьевича,

пятидесятилетняя Мария Андреевна, из рода известных купцов Дурдиных, внезапно покончила жизнь самоубийством - повесилась на собственной косе...

Это случилось 1 октября 1914 года. И все сразу узнали причину: миллионер Елисеев давно тайно любил Веру Федоровну Васильеву, замужнюю молодую даму (она была моложе Григория Григорьевича почти на двадцать лет). Кто-то донес сыновьям, слух дошел до их матери, и она не перенесла позора.

Но это был лишь первый акт семейной трагедии. Когда сыновья Елисеева-старшего узнали, что отец отправился в далекий Бахмут (возле Екатеринослава) вовсе не по делам тамошнего имения, а встретиться с возлюбленной, из-за которой мать ушла из жизни, все тотчас покинули отчий дом. Выяснилось чудовищное для сыновей обстоятельство: 26 октября, всего через три недели после смерти жены, Григорий Григорьевич, только что отметивший свое пятидесятилетие, обвенчался в Бахмуте с виновницей семейной трагедии. На этом фоне высочайшее повеление внести в первую, самую почетную, часть Дворянской родословной книги новую жену - Веру Федоровну они восприняли как оскорбление покойной матери. Недавно еще дружная большая семья распалась. В доме отца осталась жить только младшая - дочь Машенька, которой шел пятнадцатый год. Братья поклялись отнять у отца Машу.

Григорий Григорьевич, зная твердый характер сыновей - у него самого был такой же, - нанял телохранителей. Они сопровождали девочку в гимназию, на прогулках с бонной, сидели в подъезде, прохаживались круглые сутки возле опустевшего роскошного дома на Биржевой линии, где жили теперь лишь хозяин с дочерью и новой женой (рядом с домом № 14, который занимал

Елисеев-старший, стояли принадлежавшие ему же дома № 12, 16, 18...).

Замкнувшаяся в себе после смерти матери Машенька вдруг резко переменилась - стала разговаривать с отцом, хотя в глаза все так же не глядела: она тайно через подругу по гимназии получила от брата Сергея записку, посоветовавшего ей стать добрее, ласковее и тем усыпить бдительность отца.

В это время братья составили хитрый план похищения и выполнили его успешно. На повороте улицы, когда Машенька с надоевшими ей телохранителями возвращалась в экипаже из гимназии домой, произошло столкновение: какой-то лихач, словно слепой, наехал прямо на карету. Охранники только на минуту выскочили из экипажа, чтобы разобраться с наглецом, как тут же из подъезда дома выскочили нанятые молодцы, подхватили девочку и заперли за собой дверь. Войти в дом никто не имел права - частная собственность. Явилась полиция, а вскоре прибыл и сам Григорий Григорьевич, но и ему, теперь потомственному дворянину, главе всех санкт-петербургских купцов, бессменному гласному городской Думы, человеку со связями в высшем свете, богатому и могущественному, не удалось вернуть свою дочь. Выглянув из окна, в присутствии адвоката, которым благоразумно запаслись братья, она крикнула: "Я сама убежала. Из-за мамы..."

До самой революции - три года! - длилось судебное разбирательство, которое кончилось в Сенате. Газеты регулярно писали о ходе жалобы Елисеева, у которого украли дочь. Владелец "Елисеевских магазинов" сломался: грустил, по сведениям, получаемым тайно от слуг, оставшихся верными покойной хозяйке и ее сыновьям, стал пить горькую, перестал заниматься делами, передав все заботы о "Товариществе" управляющим, на людях

показывался редко. Но потом все же преодолел себя, пробудился, стал опять энергичным, пожалуй, больше прежнего.

И тут разразилась революция. В 1918 году у него отобрали все имущество и, конечно, любимые магазины в Москве, Петрограде, Киеве, шоколадную фабрику "Новая Бавария"... Григорий Григорьевич уехал во Францию. Чем он там занимался, точно неизвестно, но прожил еще долго. Он умер в 1949 году в почтенном возрасте - 84-х лет.

Сыновья Григория Григорьевича выбрали различные профессии: Григорий стал врачом, окончив Военно-медицинскую академию; Николай выучился на юриста, впоследствии в эмиграции стал адвокатом; Сергей, окончивший историко-филологический факультет университета, продолжил образование в Берлине и в Токио, и зарекомендовал себя, как талантливейший специалист-востоковед; Петр становится инженером, а имя Александра, младшего пятого сына в литературе не упоминается.

После революции Сергей и Николай оказались за границей. Там они преуспели. Наиболее удачно сложилась жизнь Сергея Григорьевича. Уже к 1917 году он был известным ученым-японоведом, дипломатом и приват-доцентом Петроградского университета. В 1920 году ему удалось на лодке переплыть из Питера в Финляндию, откуда он перебрался сначала во Францию, а потом и в США. В Париже он был назначен директором отдела японоведения в Высшей школе практических знаний Парижского университета. В 1931 году читал лекции в Сорбонне, затем с 1935 года начал преподавать в Гарварде в США, где до 1957 г. возглавлял кафедру, после чего вернулся в Париж в Высшую школу. Сергей стал известным японистом. Он официально считается основателем американской школы японоведения и одним

из ведущих японоведов мира. Умер он в Париже на 87 году жизни и похоронен рядом с отцом. Его дети: Никита - профессор арабского языка в Лионском университете, Вадим - директор Музея китайского искусства в Париже. Николай тоже жил во Франции в Булонь-сюр-Сен, добился больших успехов на юридическом поприще, стал членом, а затем казначеем Союза русских адвокатов за границей. Скончался в 1968 г. в госпитале Сен-Антуан, похоронен также на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Николай Григорьевич после революции стал в Париже биржевым журналистом.

Ставший врачом старший сын Григорий, во время первой мировой войны был отправлен на фронт, вернувшись с которого, остался в России. Его примеру последовал и брат Петр. Хотя лучше бы они этого не делали и эмигрировали, как другие братья. И ведь уговаривали их во время гражданской войны уехать на Юг, к белым или за рубеж. За свое социальное происхождение Григорий Елисеев, хирург высочайшей квалификации и преподаватель мединститута, после 1917 г. подвергался постоянным гонениям. В 1934 г. Григория и Петра Елисеевых арестовали и выслали в Уфу по обвинению в принадлежности к роду купцов. В Уфе Григорий Григорьевич устроился в медицинский институт и приобрел популярность среди студентов, что насторожило начальство, которому от страха померещилось возникновение основы для заговора против советской власти. Поэтому-то Григория Григорьевича уволили, и он пошел работать хирургом в местную больницу. Оттуда его вскоре также уволили. В 1937 г., когда репрессии приобрели массовый характер, Григорий и Петр Елисеевы опять были арестованы и отправлены в лагерь, где и

погибли. Дочь Григория и внучка главы дома, Мариэта, осталась в Петрограде. Она прожила долгую жизнь и скончалась в конце шестидесятых годов. Ее первый муж штабс-капитан Глеб Николаевич Андреев-Твердов был расстрелян большевиками как заложник во второй половине 1918 года.

Закончить рассказ о династии Елисеевых хотелось бы одной известной легендой о «Елисеевской люстре».

В этой почти сказочной истории, глава знаменитой торговой фирмы "Братья Елисеевы", предвидя последствия революционного брожения в России, обратил свои несметные богатства в золото, из которого была отлита причудливая, огромной величины люстра для главного зала Торгового дома Елисеевых на Невском. Люстра должна была дожидаться возвращения владельцев из эмиграции после восстановления в стране монархии.

По городу ходили упорные слухи, будто сокровища замурованы и в стенах магазина. Наверное, поэтому, поселившиеся в доме Елисеевых сразу после революции, голодные литераторы по ночам простукивали стены в надежде отыскать "елисеевское" золото.

Увы! Никакой люстры и золота не было. Люстра появилась только после революции, в 1930-х годах. Она понадобилась для освещения касс, установленных тогда же посередине зала.

Самое странное, что впоследствии и эта якобы никому неинтересная люстра исчезла! Старейшие работники магазина утверждают, что в этом вопросе "замешано" крупное начальство... Факт в том, что люстры как и бронзового павлина с инкрустацией, когда-то стоявшего в овальном углублении винного отдела, не досчитались уже в 1988 году архитекторы, принимавшие участие в очередной реставрации "Елисеевского". После реставрации в магазине даже вспыхивали стихийные

митинги. Люди возмущались и спрашивали: "А где же люстра?" Другие предполагали: "Там же где и павлин?"

А ещё всё советское время гулял по стране опасный анекдот, якобы Елисей возвращается с того света — посмотреть на свой магазин и сокрушенно говорит: "Магазин вроде бы на месте, да вот только при мне у входа стояли бочки с красной и черной икрой, а сейчас не видно. Кому они, спрашивается, помешали?"

Николай Иванович Путилов

Никола́й Ива́нович Пути́лов⁶ (1820, Новгородская губерния — 18 (30) апреля 1880, Петербург) — русский инженер, предприниматель, учредитель Общества путиловских заводов в Санкт-Петербурге. Действительный статский советник. По оценкам современников — знаменитый металлург, имя которого стоит в одном ряду с владельцами крупнейших мировых металлургических предприятий, «замечательнейший деятель русской промышленности».

Все русские революции начинались на одном и том же заводе - Путиловском, ныне Кировском. Основал этот крупнейший в Петербурге завод Николай Иванович Путилов, любимец великих князей, министров, адмиралов. Человек, спасший Петербург от британского десанта,

⁶ Автор фото: П. Ф. Борель - Всемирная иллюстрация : журнал. — 1880. — Т. XXIII. — № 592. — С. 392., Общественное достояние, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=38515236>

создатель новой российской металлургии. Инженер, наладивший производство артиллерии для русских броненосцев и рельсов для российских железных дорог. Основатель петербургского порта. Международно признанный изобретатель. Гениальный менеджер, решавший задачи, кажущиеся неразрешимыми принципиально. Но только смерть спасла его в конце концов от долговой тюрьмы.

Весна 1854 года. Дворец "Коттедж" в Петергофе. Император Николай I часами не отходит от подозрительной трубы. Перед фортами Кронштадта, в нескольких верстах от столицы, крейсирует британский флот. Коварный Альбион поставил императора великой страны в унижительное положение. Государь, любивший сравнивать себя с Петром Великим, впервые в жизни чувствовал полную беспомощность.

Черноморский флот пришлось затопить у входа в Севастопольскую бухту, Балтийский неприятель загнал в Маркизову лужу. Петербургу угрожала опасность быть взятым с моря. Требовалось срочно организовать оборону от превосходящих сил противника.

У императора четверо сыновей: Александр - наследник, артиллерист Михаил, армеец Николай и моряк Константин.

Флотские офицеры отличались от армейских. В Морской корпус, единственное в стране учебное заведение, готовившее офицеров флота, принимали с разбором: лишь сыновей генералов, столбовых дворян и флотских офицеров. Лихие офицеры с парусников: у них невесты во всех портах от Рио до Нагасаки, они виртуозно сквернословят на десятках языках, они повидали мир, избавлены от бессмысленной сухопутной муштры и могут выдержать любой шторм. Недаром героями Крымской войны были именно - они Нахимов, Корнилов, Истомин.

Из всех великих князей Константин Николаевич был самым способным, образованным и волевым. Он вырос в дальних морских походах. Как и большинство флотских офицеров, был резок, порой жесток. Изысканно вежливый с дамами, он мог обложить нерадивого подчиненного большим петровским загибом. Амбициозный великий князь препятствий не боялся, к цели шел напролом. Многие полагали - именно Константину, а не Александру следовало бы наследовать престол отца. Одни поклонялись великому князю, другие - их при дворе было больше - ненавидели.

Константин вызвал к себе в Мраморный дворец Николая Путилова, тридцатичетырехлетнего чиновника морского ведомства. Тот закончил Морской корпус и был известен великому князю как отличный знаток кораблестроения. "Можешь ли ты, Путилов, сделать невозможное, построить до конца навигации флотилию винтовых канонерок для обороны Кронштадта? Денег в казне нет - вот тебе мои личные 200 тысяч".

Путилов происходил из славного, но обедневшего новгородского дворянского рода. Он осиротел в детстве и десятилетним был принят в морскую роту Александровского кадетского корпуса (сейчас мы бы сказали - Нахимовское училище), а оттуда как лучший ученик попал в Морской корпус - ныне знаменитое Военно-морское училище имени Фрунзе. Директором корпуса был русский Магеллан, организатор первой русской кругосветной экспедиции Иван Крузенштерн, математику преподавал академик Михаил Остроградский, странный одноглазый господин, один из немногих в тогдашней России ученых с мировым именем. Преподаватель он был преотвратный, потому что выделял только тех, кто почитал и понимал его предмет. Николай Путилов стал его любимцем и соавтором. По окончании

корпуса его оставили преподавать математику. Но молодому преподавателю было смертельно скучно объяснять гардемаринам теорему Пифагора... Путилов уходит в отставку, строит корабли на Черном море, возвращается в Петербург чиновником судостроительного департамента. Однако время и обстановка не способствовали людям энергичным, инициатива не поощрялась, морским министром служил балагур, светский лев, любимец государя князь Меншиков, никогда не управлявший и шлюпкой.

Маленький, подвижный, как ртуть, холерик, пузырящийся энергией и тщеславием, Путилов пропадал в канцелярской рутине. Поручение Константина Николаевича стало его звездным часом. Паровые двигатели в Россию ввозили из-за границы, война закрыла возможности импорта. Полагаться следовало на собственные силы... Военное судостроение с Петровского времени мало изменилось - на казенных верфях корабли по-прежнему строили крепостные под присмотром чиновников. Огромный бюрократический аппарат и работавшие из-под палки мастеровые воспринимали каждый новый заказ как постылую рутину.

Частные машиностроительные предприятия были маленькими и маломощными. Но они готовы были делать что угодно, брали на себя риск и ответственность. Николай Иванович, впервые используя в России метод сетевого планирования, организовал в механических мастерских Санкт-Петербурга производство паровых машин, котлов и материалов для винтовых канонерских лодок, корветов и клиперов. Он распределил заказ между двадцатью частными петербургскими заводами. Ему даже удалось тайно проникнуть в мастерскую, которая ремонтировала придворные экипажи - спрашивать разрешения у Министерства императорского двора было

просто некогда, ответ мог прийти к моменту окончания войны. Петербургские ткачи сидели в это время без работы: хлопок шел в Петербург из-за границы, порты блокировал неприятель. За три месяца Путилов превратил их в токарей и слесарей, а затем и в механиков на канонерках. Николай Иванович ни перед кем не отчитывался, платя "живыми" деньгами. Паровая канонерка - моторный баркас с несколькими орудиями небольшого калибра. Она была маневренна и пригодна для действий в мелководье Финского залива. Через четыре месяца в строй вошли первые 32 канонерки, в следующие восемь - еще 35 и 14 судов побольше - корветов. Французский адмирал Пэно писал по окончании войны: "Паровые канонерки, столь быстро построенные русскими, совершенно изменили наше положение". Неприятельский флот к Петербургу прорваться не смог.

По окончании всей эпопеи строительства заводчики подарили Путилову серебряный венок, на 81-м листке которого были названия построенных им кораблей. Николаю Ивановичу удалось сэкономить деньги Константина - он вернул великому князю 20 тысяч рублей. Путилов стал известен флоту и столице.

Современники говорили о нём: «В 1854 году ни мы, заводчики, и никто другой не сознавали возможности выполнить такое задание: изготовить для России к следующей же навигации в течение пяти месяцев канонерскую флотилию. Но Н. И. Путилов рассчитывал, что, слив петербургские заводы в одно целое, есть возможность в назначенный срок изготовить её. Он, Путилов, принял дело... и исполнил его на удивление всем... С первого дня знакомства нашего Путилов столько внушил доверие к нему, что каждый из нас, в свою очередь, желал найти доверие его, Путилова. Довольно сказать, что мы вели дело изготовления многих, новых для

нас, паровых машин и котлов без всяких формальных бумаг, а на чести. И по окончании дела у каждого из нас глубоко врезалось в душе искреннее уважение к уму и деятельности Николая Ивановича Путилова».

Между тем ситуация в стране решительно поменялась. Николай I умер, на престол вступил Александр II. История России движется проигранными войнами и сражениями. Россия, по определению Петра Великого, государство военное. Поражение означает необходимость изменений.

Самым решительным сторонником реформ в императорской семье был великий князь Константин Николаевич. Именно его окружение, так называемая партия Мраморного дворца, инициировало и проводило либеральные преобразования. Главным из них было освобождение крестьян от крепостной зависимости.

Преобразования, как нам всем хорошо известно, почти всегда поначалу не улучшают ситуацию, а ухудшают ее. Константин нажил множество новых врагов. Его называли временщиком, "красным", даже подозревали в желании свергнуть брата и царствовать самому. Но царь был на его стороне. Приверженцы "партии Мраморного дворца" в начале его царствования возглавили важнейшие министерства: Головин - народного просвещения, Рейтерн - финансов, Милютин - военное, Краббе - Адмиралтейство. Путилов был членом этой команды и оказался в центре преобразований.

9 марта 1862 года на Темплтонском рейде у Атлантического побережья Америки произошла первая в истории битва двух броненосцев: "Мерримак", принадлежавшего южанам, и "Монитора" северян. Целый день эти неповоротливые, бронированные бегемоты поливали друг друга огнем, без всякого успеха. В конце концов более подвижный "Монитор" просто забодал

соперника. Началась гонка между артиллерией и броней, защитой и нападением. Новые типы кораблей и орудий сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой.

Из войны Россия, по существу, вышла без флота. Надо было создавать его заново. Но в этом был неожиданный выигрыш. В середине 19-го века оказалось, что все военные флоты противник может без особого ущерба затопить. Появление разрывных снарядов сделало деревянные корпуса беззащитными перед артиллерией. Тысячелетняя история деревянного флота уходила в прошлое. Россия как морская держава должна была либо исчезнуть, либо поспеть за странами куда более экономически развитыми.

Николай Иванович, между тем, окончательно оставил государственную службу и стал заводчиком. Поступок рискованный, породивший много толков. Ведь при покровительстве великого князя Путилов мог рассчитывать на блестящую государственную карьеру, богатеть без особого риска. Большинство дворян считало предпринимательство делом малопочтенным. Дворянин служит, торгует - купец.

Крымская война доказала старую истину - у России нет постоянных союзников, есть постоянные интересы. Оборону следовало вести по всем азимутам. Необходимо было создавать военные заводы, не зависящие от импорта. Путилов получил кредиты от Морского министерства и построил три металлургических завода в Финляндии, позволивших обходиться без экспорта английского котельного железа. Кредит, взятый у Адмиралтейства, он вовремя возвратил.

Следующее начинание Путилова - создание в России судовой артиллерии нового типа: стальных нарезных орудий. На производстве таких пушек выросла династия Крупнов, монопольно поставлявшая артиллерию русским

броненосцам. Между тем на Урале полковник Обухов сумел создать сталь не хуже крупновской. Упругость ее, как писали тогда, превосходила всякую вероятность. Клинок для шпаги можно было свернуть в кольцо и он распрямлялся, не изменив формы. Шесть лет Обухов пытался внедрить свое изобретение, обивал пороги ведомств, награжден был даже орденом за свое изобретение, но толку так и не добился.

Так было, пока он не встретился с Путиловым. Тот выбил огромный двухмиллионный кредит из казны, привлек частных инвесторов, получил бесплатно участок земли под Петербургом и основал завод, получивший название Обуховского. Через год состоялась первая плавка обуховской стали. И хотя затея оказалась непростой, денег не хватило, расплатиться с казной не удалось и завод за долги перешел под контроль морского ведомства, в конце концов русская морская артиллерия перестала зависеть от поставок Круппа. Также по поручению российского правительства путилов разработал технологию изготовления чугунозакаленных снарядов и лишил тем самым немецких промышленников монополии на производство этого вида боеприпасов.

Если бы не близость к партии "Мраморного дворца", Путилову не дали бы такого большого кредита и он бы, скорее всего, разорился. Военные подряды просто так, за красивые глаза, не раздавались. Важна была близость к государю или его ближайшему окружению. Масштабы взяток и круг взяточников были огромными. А Путилов не давал взяток. С большинством реформаторов из окружения Константина его соединяли годы дружбы. Путилов мчался в своих деловых начинаниях, как парусник, которому способствует попутный ветер. Но в высших сферах направление ветров непостоянно. Константин, назначенный заместителем императора в

Польше, отказался прибегнуть к массовым казням, чтобы предотвратить неизбежное восстание. Когда оно произошло - ему пришлось бежать из Варшавы. Это было на руку его врагам. Они называли его "красным", обвинили во всех смертных грехах, вплоть до желания свергнуть брата и царствовать самому. Когда в царя стрелял нигилист Каракозов, при дворе говорили, что за ним стоит "партия Мраморного дворца". В отставку был отправлен либерал Головнин - правая рука великого князя, сам Константин Николаевич был перемещен на почетную, но не слишком важную должность Председателя Государственного совета. Он потерял былую власть, но личная близость к императору еще заставляла с ним считаться.

Открытая в 1851 году Николаевская железная дорога между Петербургом и Москвой уже к 1867 году оказалась на грани полной остановки. Рельсы, привезенные в свое время из-за границы, свое отслужили, навигация закончилась, уральские заводы изготавливали продукцию дорогую и низкого качества. Между тем Россию охватила лихорадка железнодорожного строительства, дело это считалось стратегически важным, пользовалось поддержкой государства. Путилов явился к министру путей сообщения Мельникову: "Дайте мне маломальский железодельный завод в долг, и я завалю Россию русскими рельсами, причем из русских материалов. И, конечно, русская рабочая сила. Дешево, быстро и надежно". Любимцу Константина отказать было невозможно. Завод получил право в счет будущих поставок монополично использовать отслужившие свой срок железнодорожные рельсы. Путилову выдали огромный кредит и передали заброшенный заводик на берегу Финского залива, пустить его требовалось за месяц.

Рабочих, по красочному описанию самого Путилова, набирали так: "Кинули клич по губерниям - ехать свободному народу по железным дорогам и на почтовых. Через несколько дней приехало до тысячи пятисот человек; сделали расписание - кому быть вальцовщиком, кому пудлинговщиком, кому идти к молоту, кому к прессу". Из Тулы привезли литейщиков. Новобранцев обучали на ходу опытные мастеровые с других путиловских заводов. Новичкам платили копейки, они ютились в лачугах, механизмов почти не было. Цеха строили так: на цементном фундаменте строили каркас из старых рельсов, покрывали его толем и досками. Зимой на заводе стоял лютой холод, летом - непереносимая жара... Через 18 дней завод стал катать по 5000 пудов рельсов в сутки... Через год он сделался крупнейшим металлургическим предприятием России.

Цена «путиловского рельса» была на 30 процентов меньше цены английского или немецкого. При строительстве завода по производству рельсов была отработана схема запуска производства в кратчайшие сроки (Путилов принял заказ на производство рельсов в начале января, а 20 января завод уже начал прокатку рельсов в 3 смены), получившая название «путиловская схема запуска производства», которой позже пользовались в годы Великой Отечественной войны при переброске заводов за Урал. С 1868 по 1875 год заводом было изготовлено рельсов на астрономическую по тем временам сумму — 27 млн. рублей.

На испытание продукции приехал великий князь. Чугунная баба весом в 32 пуда обрушилась на путиловский рельс с многометровой высоты. Рельс выдержал. "Давай английский", - скомандовал Путилов. Английский лопнул с первого удара. Прямо в цехах

накрыли столы для гостей и рабочих и долго пировали в честь победы над Англией. Константин был в восторге.

Путиловский завод стал производить все необходимое для бурно развивающегося железнодорожного транспорта - рельсы, вагоны, паровозы, мостовые фермы. Это было самое большое и современное машиностроительное предприятие России. Путилов управлял им, как хороший помещик имением, стариков он называл по имени-отчеству, жал руку при встрече, лодыря мог публично изматерить, крестил детей, пропившемуся мастеровому давал деньги на новые штаны и рубашку... Постепенно вокруг завода выросла целая деревня, где селились рабочие. Николай Иванович на бричке проезжал мимо, сняв картуз, раскланивался налево и направо.

Н. И. Путилов был автором многих технологических разработок и изобретений, в частности, рафинирования и обезуглероживания металла в бессемеровском аппарате, соединения чугуна со сталью, штамповки круглых стальных артиллерийских снарядов, а также использования старых рельсов при постройке зданий. Выдающиеся заслуги Н. И. Путилова нашли своё отражение в его перемещении по классам Табели о рангах: имея в 1869 году чин коллежского советника (VI класс), Николай Иванович уже через три года стал, согласно высочайшему соизволению, действительным статским советником (IV класс).

Зрела в голове у Путилова и новая, еще более амбициозная задача. Завод выходил на взморье. Морского порта как такового в Петербурге не было. Финский залив мелок. Грузы с океанских кораблей перегружали на барки в Кронштадте, а потом буксировали в Неву. Перегрузка и доставка удваивали стоимость фрахта. Путилов задумал создать на заводской земле настоящий морской порт, соединив его глубоководным каналом с Кронштадтом. К

порту нужно было протянуть специальную железную ветку, построить причалы. Денег и согласований требовалась уйма.

Вначале все складывалось как нельзя успешно. Сам государь обещал финансировать создание порта. Путиловский завод приносил огромный доход, и часть средств можно было вкладывать в новое строительство. Уже через два года к порту провели железнодорожную колею, а в 1876 году начали строить морской канал. Но у проекта было множество влиятельных противников. Придворный банкир Штиглиц желал строить порт на своей земле - в Ораниенбауме. Миллионер хлеботорговец Овсянников возглавлял могущественных оптовиков, наживших миллионы на перевалке грузов с барок на корабли и обратно, для них строительство порта было смерти подобно. Конкуренты интриговали, давали взятки, подкупали журналистов.

А "партия Мраморного дворца" двигалась тем временем к окончательному краху. Реформы Александровского царствования, с которыми ассоциировали партию, остановились на полпути. Большинство было ими недовольно: крестьяне нищали, помещики разорялись, студенты распространяли крамолу, бросали бомбы, грозили мужицким бунтом. Покровительство Константина было теперь не преимуществом, а обузой. Государство обещало Путилову 20 миллионов рублей: 18 - на порт, 2 миллиона - на железную дорогу. Но каждая выплата требовала отдельного согласования. Решения принимала специальная комиссия при Министерстве финансов. Враги Константина сумели настроить государя против Путилова: он-де авантюрист и расточитель казенных кредитов. Казна перестала финансировать строительство порта. В конце концов, из 20 обещанных миллионов Путилов получил

всего два. Правительственный заказ на паровозы, обещанный Путиловскому заводу, ушел в Коломну. Просьбы Путилова о новых займах в министерствах встречали с иронической улыбкой.

Путилов все больше и больше залезал в долги. Пришлось продать свою долю в Обуховском заводе и часть Путиловского. Кредит, взятый у московских миллионеров Чижова и Морозова, был потрачен. Отдавать долг стало нечем. На Путиловском начались задержки с выплатой жалованья, массовые сокращения рабочих. Кредиторы осадили дом Николая Ивановича на Большой Конюшенной. О нем шла дурная слава. Он был близок к банкротству. Над заводом назначили государственную опеку.

Не выдержав такого давления, Путилов умер от инфаркта 18 апреля 1880 года. Смерть спасла его от позора и долговой тюрьмы. Николая Ивановича отпели в Никольском морском соборе, как отпевали всех морских офицеров в столице. Согласно завещанию, его похоронили в часовне на берегу недостроенного Морского канала. На завещании Путилова, где он просил похоронить его не на кладбище, а на дамбе Морского порта, Александр II наложил резолюцию: «Если бы Путилов завещал похоронить себя в Петропавловском соборе, я и то согласился бы⁷» Гроб с телом Путилова рабочие завода пронесли весь путь на руках — это более 20 километров.

В 1881 году, когда народовольцы убили Александра II, Константин и его оставшиеся союзники были отправлены в отставку. А в 1885 году состоялось торжественное открытие Путиловского морского канала. Петербург стал крупнейшим портом России.

О восприятии современниками масштаба личности

⁷ Петропавловский собор — усыпальница императоров России.

Путилова свидетельствует тот факт, что местонахождение его могилы указывалось на планах Петербурга, издаваемых известным картографическим заведением А. Ильина (услугами этого заведения пользовались редакции практически всех петербургских справочников). Такой чести в то время не был удостоен больше ни один петербуржец. А набережная Морского канала на Канонерском острове названа Путиловской — в память о человеке, которому петербургский Морской канал обязан своим существованием.

Александр Васильевич Чичкин

Александр Васильевич Чичкин (1862, с. Коприно, Рыбинский уезд, Ярославская губерния — январь 1949, Москва) — крупный предприниматель, владелец всероссийской молочной компании, организатор российской, а затем и советской молочной промышленности.

Мало кто знает, что своим «экономическим чудом» японцы во многом обязаны этому русскому предпринимателю. Но начнём сначала....

Каждое утро зимой, летом и осенью 1913 года к летному полю московского аэродрома на Ходынке подъезжал солидный бородатый господин и пересаживался из собственного автомобиля в свой же собственный аэроплан модели «Фарман-7». Разумеется, и автомобиль, и самолет он водил сам – такова была жизненная установка этого человека. Сделав несколько кругов над аэродромом, освежившись в ту пору еще вполне чистым воздухом Москвы, Александр Васильевич Чичкин, известный на всю Россию миллионер, владелец гигантской молочной империи, в бодром настроении отправлялся на работу. Пребывать в бодром настроении тогда, в 1913-м, ему оставалось еще ровно четыре года.

Александр Васильевич родился через год после отмены крепостного права, в 1862-м, а умер в 1949-м, в год 70-летия Сталина, известного «любителя» частной инициативы и самостоятельных миллионеров, пусть даже и напоивших всю Россию – правда, не водкой, а собственным, российским, то есть настоящим, неразбавленным молоком. Ну а поскольку Александр Васильевич всю свою империю, знаменитую на весь мир качеством производимого молока, сметаны, сыра и творога, вместе со всеми своими миллионами безропотно отдал советской власти в целостности и сохранности, советская власть милостиво позволила бывшему миллионеру, а позже консультанту-пенсионеру союзного значения в продовольственном наркомате Анастаса Микояна тихо умереть своей смертью и даже разрешила похоронить его на Новодевичьем кладбище. Так он оказался единственным легальным миллионером, похороненным в советское время на советской половине столь престижного кладбища.

Видимо, было за что.

«Кому, как не русскому, надо как можно больше знать о большом и интереснейшем Человеке, – вспоминал один из земляков Чичкина. – Он не был, конечно, ни Ильей Муромцем, ни Добрыней Никитичем, но имел громадной силы “великорусскую упряжку”, был трудолюбив и требовал от других того же...»

А еще Александр Васильевич был удачливым человеком. Ему повезло родиться в большом селе Коприно Рыбинского уезда Ярославской губернии. Рядом находился известный в те годы на всю Россию монастырь Югской Дорофеевой пустыни, в котором хозяйственными делами ведал неутомимый отец Федор (Виноградов). Маленький Саша Чичкин все свободное время (а у сына волжского лоцмана только и было свободное время, что со

дня рождения и до семи лет) проводил у отца Федора. И вот что заметил для себя и потом вспоминал всю свою жизнь наблюдательный мальчик (помимо того, каким замечательным человеком был сам отец Федор). Он никогда не забывал то хозяйство, которым руководил отец Федор. Чтобы нам легче было понять маленького Сашу Чичкина, вкратце перечислим лишь несколько объектов хозяйствования отца Федора, возникавших на глазах сначала мальчика Сашеньки, затем студента Александра, а потом миллионера Александра Васильевича Чичкина.

Итак. Глухая, по теперешним понятиям, провинциальная «дыра». Но в этой – между прочим, красивейшей! – «дыре» был действующий монастырь, а в монастырском хозяйстве имелись: общая кухня, трапезная, братские корпуса, гостиница для приезжих, церковно-приходская школа, скотный двор, конюшня, зернохранилище, огромный сад, кузница, механическая прачечная, теплица, квасоварня, водяная мельница и – что особенно впечатлило ребенка -- кирпичный завод. Когда Саша подрос, его поразило уже другое: все это хозяйство обслуживали 23 человека! А питалось трудами этих людей, руководимых садоводом, коллекционером, пчеловодом и, как сейчас сказали бы, крепким хозяйственником, отцом Федором, восемь тысяч жителей родного Сашенькиного села Коприна. Казалось бы, ну чего еще не хватало отцу Федору? А вот чего. В 1900 году он соорудил для села пристань на Волге, в 1907-м основал в «глухой дыре» вольно-пожарную дружину Императорского пожарного общества, в 1908-м возвел для селян Копринский народный театр, в котором тогда не брезговали выступать артисты Императорского Малого театра. На восемь тысяч человек в этой «сельской глуши» было десять школ, две большие библиотеки, а в 1916 году отец Федор построил в Коприне первый в

Ярославской губернии кинотеатр. Так что молодому Чичкину было с кого брать пример.

Правда, когда в 30-е годы Чичкин хотел, как обычно, навестить родные места, выяснилось, что Коприно вкупе со всеми трудами отца Федора ушло на дно Рыбинского водохранилища. Однажды в каком-то случайном разговоре один из собеседников Александра Васильевича мельком упомянул, что в фантастическом романе он читал про поиски затонувшего континента под названием Атлантида. «А что его искать? – угрюмо пробурчал Чичкин. – Я только что с этого континента...» Все, кто знал, что Александр Васильевич на днях приехал со своей родины, в ужасе затихли. Но никто не донес. То ли потому, что сотрудники Чичкина воспитывались на молоке, а не на водке, то ли по какой другой причине, но..... не случилось.

Ладно, не будем о грустном. Потому что все-таки это чудо – монастырское хозяйствование в Югской Дорофеевой пустыни – Чичкин успел застать. А второе везение Чичкина было том, что в 1862 году два замечательных человека – ученый и философ, основатель русской молочной промышленности и один из первых российских кооператоров Николай Васильевич Верещагин (старший брат известного художника) и купец Владимир Иванович Бландов, владелец молочной фирмы -- организовали в селе Коприне первую в России крестьянскую артельную сыроварню. Отец Федор помог артельщикам своими советами, и дело оказалось успешным. Причем настолько, что в 1870 году Верещагин и Бландов в селе Единонове Тверской губернии открыли первую в России молочную школу -- учебное заведение, в котором детей помимо общеобразовательных предметов учили основам будущей профессии работника молочной промышленности. Вот в эту-то школу Владимир Иванович

Бландов за свой счет и определил пятерых мальчиков из Коприна. Да, вы угадали: среди них был и любознательный Саша Чичкин. Дальше была обычная по тем временам и непонятная, фантастическая – по нашим – жизнь. На деньги Владимира Ивановича Бландова способный ученик после окончания молочной школы в Едимонове отучился пять лет в Москве в реальном училище, потом получил высшее образование в Петровской сельскохозяйственной академии (ныне Тимирязевской), после чего был направлен благодетелем доучиваться не куда-нибудь, а в Париж. Здесь мальчик из глухого села Коприна стажировался три года в знаменитом Институте Пастера. И лишь после этого -- так было принято в те «ужасно отсталые времена» -- у молодого инженера появился шанс на основании своего собственного дела.

Александр Васильевич начал с небольшой молочной лавки своего отца, Василия Николаевича, скромно, хоть и без убытка, продававшего в Москве сыр и масло от фирмы «Братья В. и Н. Бландовы». Затем по велению сердца женился на дочери своего благодетеля, а уж зятю уважаемого Владимира Ивановича Бландова не отказали в льготном кредите. На него-то Чичкин построил на Петровке, 17, первую в Москве городскую молочную станцию (по-нынешнему -- специализированный магазин).

До этого в белокаменной молоком торговали только на базаре и на улицах, благо ходить за ним далеко не надо было, прямо в черте города мирно паслись семь тысяч коров. И никто тогда не интересовался ни качеством того сена, что поедали эти коровы, ни здоровьем той коровы, что поедала это сено, ни чистотой рук того продавца, что торговал молоком этой самой коровы. Все строилось на доверии: коровы -- к сену, продавца -- к корове, а

покупателя -- к продавцу. А тут вдруг появилось торговое заведение, поразившее не особо избалованных москвичей своей деловитостью, жестким контролем за качеством молока, продуманностью каждой мелочи в организации торговли таким нежным и деликатным товаром. Ну а слухи о царящей чистоте в помещении и о культуре работы продавцов, разнесенные стоустой молвой по всей первопрестольной, окончательно утвердили на ее молочном рынке нового игрока с философией победителя. Если к этому добавить, что именно в магазинах Чичкина впервые в России начали применяться кассовые аппараты, то каждому становилось понятно, какая мощная молодая щука завелась в старой доброй патриархальной московской молочной реке с кисельными берегами.

И первыми, кого вытеснил с этого рынка Александр Васильевич, оказались, как это часто случается ...его собственный тесть и благодетель Владимир Иванович Бландов с братьями. Увы. Это только в искусстве бывает, и то крайне редко (примерно раз в сто лет), что, допустим, появился у Василия Жуковского такой ученик, как Пушкин, вот Василий Андреевич и посылает ему свой портрет с такой смешной, по нынешнему разумению, надписью: дескать, победителю-ученику от побежденного учителя. В бизнесе же моды на подобные надписи нет. Не в ту, ни в сегодняшнюю эпоху, никто чужому успеху (а стало быть, своему убытку) радоваться не спешил. Не обрадовался, к сожалению, и Владимир Иванович Бландов, а, наоборот, почему-то обиделся. Дочь свою вернуть уже, конечно, не смог, а рабочих от Чичкина попытался сманить. Но и тут у него ничего не получилось. Какая-то такая особая «система» хозяйствования была у Чичкина, что от него никто не уходил. По своей воле. А если и уходил кто, то исключительно по воле самого Чичкина. А что это за «система» такая была у некогда

любимого зятя и ученика, о которой гудела вся Москва, этого Бландов не знал. А мы-то знаем и вскоре все о ней расскажем.

Но пока еще немного о бизнесе -- потому что Чичкин, невольно покончив с родственниками, своими и чужими, как всякий настоящий бизнесмен уже не мог остановиться. Добившись успеха на рынке, он первым из молочных торговцев одновременно занялся и выпуском продукта, то есть взял на себя весь цикл производства молока. И это простое, но грамотное решение сделало его молочным королем уже не только в Москве, но и во всей России.

Как-то Чичкин сказал: «Поэты поэтами, но ведь и бочкою масла, и головкою сыра, и бутылкою вкусного молока можно в равной степени славить свое Отечество, служить благу и расцвету родной земли». Вот из этого он и исходил, неустанно расширяя свое дело. К концу 1910 года фирма «А. В. Чичкин» завершила строительство лучшего в России, самого крупного в Европе и самого продуманного в мире по компоновке цехов молочного завода в Москве на Новорязанской улице, что неподалеку от Казанского вокзала. Мысленно прикиньте, дорогой читатель, это расстояние: от Петровки, 17, где располагался старый завод, до Новорязанской улицы. Прикинули? А теперь представьте себе, что перевозка всего оборудования со старого завода и освоение стотонной производственной мощности нового завода были осуществлены в течение одного дня. Москвичи даже не заметили этого переезда. Впрочем, тогдашние москвичи и не к таким чудесам привыкли! Если, к примеру, один человек, Савва Морозов, за два года выстроил лучшее в Европе театральное здание -- МХАТа (его потом все советское государство ремонтировало двадцать лет!), то почему бы и другому, тоже одному, человеку не организовать за один день переезд и запуск лучшего в

Европе молочного завода? Но в отличие от обывателей рачительный хозяин Александр Васильевич Чичкин все и всех замечал, а прежде всего тех, кто обеспечил такой не заметный для Москвы переезд. Автор проекта переезда и руководитель строительства нового производства А. А. Попов в тот же день получил от Чичкина премию в размере 5 тысяч рублей (50 тысяч долларов в пересчете на сегодняшний день). Тут все было по «системе Чичкина»: и то, что такая премия, и то, что непременно в тот же день!

Возможно, именно после этого неслыханного в мировой экономике события вспомнил Александр Васильевич свое детство и отца Федора. В одном черновике, который сравнительно недавно был обнаружен, он написал: «Ни о чем так не соскучился наш затырканный до предела, добрый и отзывчивый по натуре русский человек, как о простой человеческой ласке и внимании к себе, оттого и ценит он все это баснословно дорого и расплачивается, как правило, за это неслыханными процентами. Грех не использовать эту его щедрость души в интересах дела и во славу России». Ну и в интересах своего бизнеса, разумеется. Александр Васильевич и использовал. Да так, что в 1914 году в состав его империи входили: молочный завод и творожно-сметанный филиал, 91 молочный магазин, облицованный белой плиткой (ныне такой плиткой украшают «палаццо» новых русских) с непременной надписью «А. В. Чичкин» (в те времена эта вывеска была такой же непременной частью, символом, если хотите, Москвы, как Третьяковка), первые в Москве 36 грузовых авто, восемь легковых автомобилей и сотни ломовых лошадей обслуживали все это чичкинское хозяйство, а ведь были еще пять магазинов в Одессе, пять - в Тбилиси, магазины в Харькове, Баку, Киеве, Ялте, Ростове-на-Дону, маслозаготовительные станции по всей Сибири... И последняя цифра. На Чичкина работали три

тысячи сотрудников. Вот оно, принципиальное для Чичкина слово: со-трудники! А не работники и тем более не работяги. «Работяг» у Чичкина не было вовсе. Об этом позаботилась «система», придуманная Александром Васильевичем, по которой пролетарий гегемоном никогда не был, а уважаемым человеком был всегда.

Современники не стали дожидаться суда потомков и сами оценили работу Чичкина так: «Жизнь и деятельность Александра Чичкина в России – это подвиг! Это история, это наука, это практика. Это образец русской деловитости, это то, чему мы обязаны учиться сейчас все, от мала и до велика...»

Малоизвестен тот факт, что знаменитое японское «экономическое чудо» 60-х годов XX века во многом основано на идеях русского промышленника, высказанных, а главное – реализованных им в начале этого самого века. Это подтверждается самими японцами. Помимо многочисленных зарубежных статей и даже книг, посвященных Чичкину в Японии, существует и такая легенда, что будто бы в СССР в 1982 году приезжали некие люди из Японии, чтобы вручить премию в два с половиной миллиона долларов (!) наследникам человека, которого они считали одним из создателей своего «чуда». Но, как водится у нас, никто из наших чиновников не знал ни о том, кто такой Чичкин, ни зачем вручать каким-то наследникам совершенно ненужные им инвалютные деньги, когда они очень даже хорошо могут пригодиться самому государству. То есть ему, чиновнику. Посланцы Страны восходящего солнца на это будто бы молча (как у них в последние шесть тысяч лет заведено) вздохнули и, хотя сами японцы по части взяток никому в мире никогда не уступали, денег, составлявших, по их мнению, законную долю Чичкина и его потомков в миллиардах японского бума, государству, забывшему уроки своего

выдающегося сына, почему-то не передали. Уверен: Александр Васильевич японских коллег очень бы даже хорошо понял. Он и сам был не большой любитель попусту швырять деньги. А все «экономическое чудо» – знаменитая «система Чичкина» – родилось вот из каких размышлений, которые Александр Васильевич попытался сформулировать в виде некоего «манифеста» в 1907 году, готовясь выступить на собрании, посвященном памяти своего учителя Николая Владимировича Верещагина:

«Мир не раз уже имел честь убедиться, каким мощным многоцветьем талантов обладает русская нация, но есть у нас, к сожалению, совсем нераспаханное поле деятельности, где не только талантов, но и ростков их раздва и обчелся. Не думая, не наращивая их, не лелея их, мы ставим под удар все свои национальные сокровища, все, чем богата Россия. Больно и грустно смотреть, будучи русским, на круглогодное пиршество европейских коров на ухоженных до блеска полях и пастбищах Дании, Голландии, Франции, еще тяжелее сознавать, что мы, русские, не имеем всего этого только потому, что не умеем работать. Мы либо лежим, либо бежим. То на боку, то на скаку! Золотой середины нет, ритма нет. Зато равнодушия, упования на “авось”, обломовщины, маниловщины, любителей потешаться, зубоскалить и подставлять ножку тем, кто умеет и хочет работать, хоть отбавляй. Помешать работать всегда легче, чем помочь, и большинство наших чиновников занимаются именно этим...».

Из этих размышлений со временем выкристаллизовались три постулата, учитывающих сугубо национальные черты русского характера, на которых и построил сто лет назад свою легендарную «систему воспитания кадров для своего бизнеса» Александр Васильевич Чичкин.

Постулат первый. «Истинно культурные русские люди не падки до власти, и в этом трагедия не только их самих, но и власти, а значит, и всей России».

Постулат второй. «Талант легко раним и беззащитен».

Постулат третий, вытекающий из первых двух. «Чтобы его – талант! – в России защитить, мало быть патриотом своего Отечества, надо обладать наблюдательностью и мастерством артиллериста, а не пехотинца, собранностью и спокойствием капитана, а не горячностью влюбленного в свое детище гения. Иностранцам этого не понять. Это наше внутреннее дело. Но если мы его не решим, мы рискуем остаться на задворках истории, отстать от Европы и Америки не только в области молочного производства».

А теперь – наконец-то! – пора рассказать и о самой «системе» в подробностях. Ибо как раз подробности методики Чичкина и вошли в состав «экономического чуда». Но, к сожалению, не в России, а в Японии. Вся система воспитания кадров по Чичкину состояла из пяти этапов. И все сотрудники его фирмы были прекрасно о них осведомлены. Это не было некоей тайной инструкцией для руководства. Это была, если хотите, идейная платформа своеобразной партии патриотов развития русского бизнеса.

Первый этап так простодушно и назывался: «Рождение мечты и любви к профессии». Его суть составляла, говоря нашим современным суконным языком, профориентация на молочное дело. Причем с восьмилетнего возраста – именно так обстояло дело в Копринской школе, той самой, в которой когда-то учился сам Чичкин. Вот с какого возраста начинал присматриваться Александр Васильевич к своим будущим сотрудникам. «Ежегодно к новогодним праздникам из Москвы от Александра Васильевича, – вспоминала его

землячка из села, – приходили посылки с книгами, сладостями, орехами, украшениями для елки и подарками лучшим ученикам». Однако для дальнейшей работы в Москве отбирались не только самые лучшие ученики с математическими наклонностями. Особо ценились среди них те, что были детьми из «честных трудовых семейств». Александр Васильевич верил в семейное воспитание и детей из «подозрительных семейств» – а таковыми Чичкину казались все пьющие, бездельные и нечестные – близко не подпускал к своему бизнесу. Тринадцатичетырнадцатилетних подростков, которые были в свой положенный час удостоены чести вызова в Москву, Чичкин обычно напутствовал такими словами: «В Москве все пятиалтынные одинаковы, а вы должны блеснуть!»

В Москве все отобранные дети поступали на обеспечение к Чичкину. Он, помня о том образовании, которое получил когда-то сам, не жалел для своих будущих сотрудников ничего. Разумеется, было прекрасное общежитие, полный пансион, помимо общего образования, положенного для всех жителей империи, -- учеба у лучших мастеров молочного дела. А еще и непременно для этого возраста, как полагал Чичкин, посещения церквей, монастырей, походы в музей, театр, цирк, загородные экскурсии с пикниками возле памятных исторических и просто красивых мест, которых тогда в Москве было несметное множество, чтобы дети почувствовали главное, с точки зрения Александра Васильевича, – вам предстоит работать в великом городе! Все это воспитание, щедро вложенное в юные души, оказалось со временем одной из эффективнейших инвестиций в развитие молочной империи Чичкина.

Второй этап был рассчитан на молодежь от 20 до 24 лет и назывался, по терминологии автора системы «Энтузиазм». На этом этапе сотрудники испытывались

прежде всего на инициативность в работе и на умение трудиться спокойно, ритмично и деловито. Заодно им внушалась и следующая простая, но такая важная для каждого мысль: тебя заметят без тебя! То есть надбавка к жалованью и повышение в должности найдут тебя без твоих унижительных просьб. Это не твоя проблема, а твоих начальников, и они с этим непременно справятся. Это тебе я, Чичкин Александр Васильевич, гарантирую! Это моя забота. А твоя проблема, с которой должен справиться ты сам, – это честно и инициативно работать!

В возрасте от 25 до 30 лет сотрудники вступали в третий этап, называвшийся «Честолюбие». Здесь шла тонкая игра на здоровом, естественном и необходимом в любом деле человеческом тщеславии. Именно в этот период сотрудники должны были завоевать на фирме тот авторитет, который в последующем должен был работать уже на них самих. Делалось это, например, так. «В магазинах работники фирмы не имели постоянного места, – вспоминали потом ветераны, – зато за каждым велось постоянное наблюдение. Если работник того стоил, его переводили с повышением, а повышения были разные...» Допустим, вы работали где-то, прости Господи, у черта на рогах, – а тогда рога у него, проклятого, росли где-нибудь в районе метро «Сокол», – а вас переводили в центральный магазин на Тверской. «Помимо отдельных разовых переводов из магазина в магазин четыре раза в год были общие переводы помощников приказчиков, мальчиков, кассирш. Приказчики переводились раз в год». Для переводов были специальные типографские бланки, на которых указывалось, что господин, скажем, Андрей Кобяков с такого-то декабря переводится из магазина номер такой-то в магазин номер такой-то на должность... И подпись: А. В. Чичкин. О получении такого предписания становилось известно всем сотрудникам

необъятной империи Чичкина и означало такой успех по службе, после чего можно было и жениться (понятное дело, это касалось холостых). И все знали, что успеха добился действительно достойнейший. «Потому что контроль за работой каждого из нас был изумителен! Исключительно большое значение при этом играл отряд ревизоров. Обладая огромными полномочиями в перетасовке кадров по деловым качествам, ревизоры могли появиться в магазине в любую минуту. В их распоряжении находилось восемь легковых автомобилей, которыми они управляли непременно сами...» Чтобы ни один шофер не мог заранее никого предупредить о будущем маршруте. То есть от инспекторов Чичкина никакой сотрудник ничего худого не смог бы утаить! «...Безукоризненная чистота и порядок во всех молочных магазинах фирмы в немалой степени были заслугой того летучего всевидящего отряда ревизоров, комплектовавшегося из безукоризненно честных и добросовестных сотрудников фирмы». Так что на энтузиазм, конечно, надо рассчитывать (и Чичкин на него рассчитывал), но и без летучего отряда ревизоров вовсе обходиться не следует. Чтобы не искушать малых сих бесконтрольностью. Слишком, знаете ли, ценный и деликатный продукт – Их сиятельства Молоко, Творог, Сыр, Масло и Сметану – производим!..

На четвертом этапе – «Спокойное ожидание», обретя привычку к добросовестному труду, сотрудники в возрасте от 30 до 40 лет работали уже в обстановке завоеванных льгот. На фирме Чичкина ничего сразу не давалось. Люди жили в постоянном ожидании чего-то для них приятного. Причем если сотрудники переставали жить надеждой, а значит, и стараться заслужить это «приятное», их попросту увольняли. Считалось, что ожидание сильно приумножает силы сотрудников. Но и исполнение ожиданий тоже не

должно было затягиваться на долгие годы: ожидание – вечно, но жизнь человека, особенно трудовая – конечна! Чичкин учитывал этот важный психологический момент. И потому уже после пяти лет работы каждый сотрудник получал 50 рублей наградных и начинал пользоваться ежегодно оплачиваемым отпуском. В своем бизнесе Чичкин завел это правило еще в конце XIX века, одним из первых в России. После десяти лет сумма наградных повышалась до ста рублей (чтоб никого не смущала эта скромная цифра – 100, уточним, что она равнялась по своей покупательной способности тысяче долларов США по нынешнему курсу), плюс ежемесячные проценты за выслугу лет. Причем эти проценты наличными деньгами сотрудникам фирмы на руки не выдавались -- деньги зачислялись на личный счет с выплатой 6% годовых. Стало быть, чем больше лет вы работали на фирме, тем больше вы зарабатывали... Вот так задолго до японских чудес в России процветала идея пожизненного найма и накопительной пенсии.

Можно сказать, что на первых четырех этапах сотрудники фирмы «А. В. Чичкин» работали под таким негласным девизом ее хозяина: «Приучив сотрудников, береги их!». Пятый этап, который Чичкин называл для себя «Исполнением мечты и желаний», охватывал сотрудников от 40 до 65 лет. На этом этапе люди стимулировались (помимо, разумеется, положенных материальных выгод) прежде всего вниманием и уважением к ветеранам фирмы как со стороны руководства, так и со стороны более молодых сотрудников. Известно, что японцы, внедряя у себя систему Чичкина, тоже значительное внимание обращали именно на этот возраст: от 40 до 65 лет. Их особо поразили такие строки из размышлений Александра Васильевича: «В чем специфические особенности пожилого человека?»

(напомним, что в те времена «пожилым» считался человек сразу после сорока лет.) Это, во-первых, очень сильно повышенная реакция на внимание, ласку и уважение к его знаниям и опыту, питающих его жизненный тонус на финише его жизни. Незаслуженное оскорбление, издевательство над его немощью, насмешка над всем, что он совершил в жизни, травмируют его, унося последние силы так же, как уносит их кровь, текущая из открытой раны». Чичкин это прекрасно понимал, ведь он в своей фирме был одновременно и хозяином, так сказать, нанимателем чужого труда, и первым, и самым работающим и толковым ее работником (между прочим, именно это сочетание и является, как правило, основным условием всякого успешного частного бизнеса). Александр Васильевич был зрелым человеком, когда разрабатывал свою систему, и, следовательно, знал проблемы этого возраста -- от 40 до 65 лет -- не понаслышке. Анализируя свою работу, работу своих сотрудников, партнеров, конкурентов, удачливых и не очень, Чичкин давно, когда сам был сорокалетним, отметил для себя, что очень часто человек, занятый в каком-то бизнесе, начинает испытывать:

- к 45 годам – беспокойство;
- к 50 годам – озадаченность перед новыми проблемами;
- к 55 годам – охлаждение к работе (при этом заработок может быть любым, это не меняет отношения к делу);
- к 60 годам – отвращение к профессии. После чего такого работника надо, естественно, отправлять на заслуженный отдых.

Поскольку сам Чичкин дожил до 87 лет, но остался работающим сотрудником, возникает вопрос - как ему удалось в свои весьма почтенные годы избежать

беспокойства, озадаченности, охлаждения к работе и отвращения к профессии. Это заинтересовало, и японцев, которых почему-то всегда интересуют нововведения других. Они заметили, что Чичкин так внимательно относился к зоне от 40 до 65 лет еще и потому, что считал (и печальный опыт это нередко подтверждал), что сей возрастной отрезок можно определить как своеобразную «зону оцепенелости и неподвижности сотрудника». А такой сотрудник, из-за плохого использования его опыта, знаний, мастерства, накопленных на предыдущих этапах «системы Чичкина», выпадающий в эту самую «зону оцепенелости», мог принести бизнесу лишь урон вместо ощутимой пользы. Поэтому так ценил и так бережно использовал Александр Васильевич тех своих сотрудников, кто, дошёл до степени «Исполнения мечты и желаний». Этих людей он считал своей «старой гвардией» и хранил сей кадровый резерв гораздо бережнее, чем Наполеон – свой.

Как-то в 1907 году один из представителей «старой гвардии» обратился к Чичкину, мол, не подскажет ли уважаемый Александр Васильевич в таком вот вопросе. Есть, дескать, у его знакомого крестьянина Харитонова редкая корова Зинаида (для близких -- Зина). И молоко у Зинаиды такого качества, что место ему только у нас, на Новорязанской. Но живет та корова у своего хозяина под Питером. И такая она, Зинаида, чувствительная, что ездить на поезде в Москву решительно отказывается! Так не подскажет ли любезный Александр Васильевич, как бы молоко той Зинаиды удивительной продвинуть, как сейчас говорят, на хорошее рыночное место в Питере хорошим, понимающим людям -- в общем, тем, для кого слово Александра Васильевича кое-что значит. Чичкин припомнил таких людей в Питере и подсказал ветерану: пусть твой знакомый Харитонов пригонит свою

удивительную Зинаиду прямо в Царское Село. Я похлопочу, чтобы Императрица сооблаговолила отведать молока той капризницы, если, конечно, вы своей головой за нее ручаетесь! А там что будет, то будет. У них, в Царском Селе, конкуренция среди этих Зинаид, сами понимаете какая!..Так оно и вышло. Императрица Александра Федоровна сперва лично отведала молока, рекомендованного самим Чичкиным, и уж потом дала попробовать наследнику. Попробовав, тот решительно заявил, что более никакого другого молока вкушать не будет. После такой грамотной PR-кампании, проведенной с легкой руки Чичкина, корова Зинаида заняла почетное место на царской ферме. Крестьянину Харитонову сделали ценный подарок, которого ему хватило на хорошую жизнь почти до самой коллективизации, а за молоком к Зинаиде выстроилась очередь жаждущих. С тех пор очередь жаждущих того, чичкинского, молока не убавилась. Только вот сначала, при молчании крестьян, исчезли чичкины, потом, при молчании всех остальных -- крестьяне харитоновы, а затем и коровы зинаиды куда-то подевались вместе со своим бесценным молоком. А жаль.

В истории Александра Васильевича были и революционные моменты. До октября 1917 года он прятал от полиции некоторых революционеров — Молотова, Подвойского, Смидовича.

В 1918 году на А. В. Чичкина обрушилась полоса несчастий: погиб под трамваем его сын Александр, затем умер в Одессе один из братьев, Иван Васильевич, а другой брат — Николай Васильевич, поехав на похороны также погиб по нелепой случайности (упал в шахту лифта). Чичкин выехал в Одессу, а затем оказался в эмиграции во Франции. 5 октября 1918 года его предприятия были национализированы. В 1922 году он с помощью графа Игнатьева и Семашко возвращается в Советскую

Россию. До 1928 года он был старшим консультантом Наркомата торговли СССР, тесно сотрудничая с Микояном. В годы НЭПа он опять открыл в Москве свой молочный магазин. По рекомендации Микояна и Молотова в 1926 году А. В. Чичкина, единственного бывшего миллионера России, наградили орденом «Знак Почёта».

Однако весной 1929 года его направили на «трудовое перевоспитание» в Северный Казахстан (г. Кустанай). В ссылке он продолжает заниматься своим делом, читает лекции об организации молочного производства. В 1931 году Молотов и Микоян вызволили Чичкина из ссылки, восстановив его во всех прежних правах. Даже после того, как он вышел на пенсию к нему часто обращались за советами организаторы пищевой промышленности. Своими рекомендациями он помогал становлению и развитию производства простокваши, ряженки, ацидофилина, творожных продуктов и молочно-карамельных смесей на заводах Поволжья, Закавказья, Ленинградской области и Карелии в 1930—1940 годах. Во время Великой Отечественной войны он принял участие в разработке технологии выпуска молочных продуктов при меньшем расходе сырья. В 1944 году давал рекомендации по развитию молочного животноводства и производства в Средней Азии. За эту работу Чичкина поблагодарили И. В. Сталин и А. И. Микоян в телеграмме 9 мая 1945 года. В 1942 году в связи с 80-летием со дня рождения ему присвоено звание «Ударник третьего пятилетнего плана». В апреле 1947 г. Александр Васильевич предложил правительству развивать в восстанавливаемых после войны регионах мало- и среднемощные предприятия по переработке молока, эти предложения были приняты для развития молочной

индустрии в этих регионах в конце 1940-х — первой половине 1950-х годов.

Скончался Александр Васильевич в конце января 1949 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище. В 1949—1956 годах вблизи Арбата был переулок его имени, потом его переименовали, а в 1970-х годах застроили.

Василий Александрович Кокорев

Васи́лий
Алекса́ндрович
Ко́корев
(23 апреля [5 мая] 1817
, Солигалич —
22 апреля [4 мая] 1889,
Санкт-Петербург) —
русский предпринимат
ель и меценат,
почётный
член Академии
художеств (1889).

Василий Кокорев был одним из первых очень богатых людей середины 19 века, который широко занимался коллекционированием и меценатством. Этого очень милостивого юношу Савва Мамонтов называл "откупщицким царем".

Василий Александрович родился ровно за сто лет до революции, в 1817 году, в городе Солигаличе. Его семья принадлежала к крайнему крылу древлехвостия — беспоповского поморского согласия. Воспитывали здесь строго — в безоговорочном почтении к родителям и ревности к верованию. Отчего беспоповцев и звали «крепачами». И действительно, не было в России крепче купеческого слова, чем в старообрядческом торгово-промышленном бизнесе. Крепостной неволи Кокорев не знал: беспоповцы по круговой поруке ссужали друг друга деньгами на выкуп и на покупку рекрутских квитанций, освобождающих от службы в армии. Светского образования избегали, грамоту брали прямо из Священного писания, а дураками не слыли. Правда, потом,

уже самоучкой, усердным чтением Василий Александрович восполнил некоторые пробелы своего образования, и в зрелые годы считался одним из самых образованных и глубоких людей своего времени.

Сначала Кокорев послужил поверенным у одного из знакомых виноторговцев, всесторонне проник в суть дела и понял главное, «что протиснуться в их сплоченные ряды капитала у него не хватит», а после того как в 1839 году закрылся от убытков и солеваренный завод, совладельцем которого вместе с родственниками по отцу он был, Василий «был вытеснен за рамки уездной жизни в Петербург для приискания откупных занятий». Там добрые люди пристроили его поверенным у винных откупщиков в Оренбургской и Казанской губернии. А губернатором в Казани (и негласным откупщиком!) в это время был известный славянофил Сергей Шипов. Именно он передал в знакомые правительственные «руки» Записку Кокорева о необходимых реформах в откупном хозяйстве. Питейный доход составлял в то время почти половину государственного бюджета, поэтому идея упорядочить хоть как-то эти самые доходы понравилась тогдашней финансовой администрации. Тем более что Записка имела целью «придать торговле вином увлекательное направление в рассуждении цивилизации», проще говоря, молодой, но разумный автор предлагал ввести систему акцизно-откупного комиссионерства, то есть торги! А главное, брался лично доказать преимущества новой системы. Проект запустили в дело по всей стране, а Кокореву дали откупное место в Орловской губернии, за которым тогда числилась фантастическая недоимка в 300 тысяч рублей серебром. Через два года с недоимкой было покончено. А еще через полгода в казну пошел доход: тогда тридцатилетнему Кокореву передали еще 16 из 53 «неисправных» откупов. После этих «передач» казна стала

получать доход на 2 миллиона рублей больше, чем при прежнем, государственном, управлении. Ну и сам новатор тоже составил тогда огромное состояние, а в 1851 году в награду от государства получил еще и звание коммерции советника.

Вот так оно, кокоревское богатство, и пошло-покатилось и докатилось до Персии, где уже с 1850 года работал созданный Кокоревым Московский торговый дом, получивший право приобретать казенное железо и медь с уральских заводов по себестоимости. В 1856 году Кокорев с другими понимающими людьми создает «Закаспийское торговое товарищество», вывозившее из Средней Азии хлопок и шерсть, в 1857 году Кокорев вложил в очень рискованное тогда дело – учреждение Русского общества пароходства и торговли – огромную по тем временам сумму в 500 тысяч рублей. Василий Александрович участвует в учреждении одного из первых акционерных обществ России – Общества Волго-Донской железной дороги, а на следующий год присовокупил к своей империи еще одно акционерное общество в сфере коммуникаций – Волжско-Каспийское пароходство, знаменитый «Кавказ и Меркурий». По заказу Кокорева в 1859 году началось сооружение нефтеналивных барж длиной 55 метров.

Между тем в начале 60-х годов вся винная откупная система стала приходить в упадок, поскольку в эти годы (сейчас, конечно, в это трудно поверить) в народе, получившем в 1861 году экономическую свободу, началось движение к трезвости. Доходы упали, и государство, естественно, решило, что делиться с частными лицами «крохами» с откупного стола ему больше невыгодно. Те сотоварищи Кокорева, что легкомысленно сидели только на откупах, страшая правительство банкротством казны, предложили

государству сохранить откупы в частных руках, взамен обещая быстро, дешево и качественно построить на свой счет 2800 верст железных дорог. Но тут вмешались французы. Они знали, что для успеха любого дела и в России надо искать женщину, и они ее нашли! Да какую женщину! Княжну Долгорукову, последнее сердечное увлечение Александра Освободителя! «Увлечению» предложили акции, и концессию на строительство железных дорог отдали французам. Все это умный Василий Кокорев вычислил заранее, он уже давно искал более надежное место для вложения своих капиталов. Интуиция привела его туда, куда он мог доехать по своей железной дороге и на своем пароходе, – на бакинские нефтепромыслы.

После прекращения винных откупов в 1863 году Кокорев понёс крупные убытки, остался должен казне 5,6 млн. рублей, из которых около 4 миллионов выплатил уже к 1866 году, передав в зачет долгов построенный в Москве в 1862—1865 годах гостинично-складской комплекс на Софийской набережной («Кокоревское подворье»). Комплекс, в который было вложено 2,5 миллиона рублей, был новшеством не только для Москвы, но и для Европы, поскольку предвосхитил появление «гранд-отелей». «Тут тебе и торговые склады, и шикарные апартаменты с русским убранством, и трактир-ресторан с разнообразной русской кухней, а с 1883 года — электрический свет!».

В 1865 году он стал крупнейшим пайщиком учреждённого Московского купеческого банка. В 1870 году он стал инициатором создания Волжско-Камского коммерческого банка. Учредил «Северное общество страхования и склада товаров с выдачей варрантов» и сумел довести начатое дело до конца.

В 1870-х годах по инициативе Кокорева было создано «Северное телеграфное агентство», значительно расширившее район действия телеграфа.

Кокорев сыграл большую роль в развитии общественного транспорта Москвы — был главным инициатором проведения конки — конно-железнодорожной дороги, связавшей центр через Мясницкую с тремя вокзалами на Каланчёвской площади. Он был товарищем (помощником) Московского городского головы (1858—1859), гласным Московской городской думы (1866—1869).

В 1862 году на средства Василия Александровича Кокорева в Москве был разбит липово-вязовый бульвар. Бульвар тянулся от Лубочного переуллка до Болотной площади. Скромный и тихий, он украшал всю Болотную набережную. Это был один из немногих общественных бульваров и скверов Москвы, устроенных за частный счет. Бульвар носил имя своего устроителя вплоть до ликвидации в 1930-е годы. Ныне тут — автостоянка.

Он первым сообразил все выгоды собственной водной транспортировки нефтепродуктов в промышленные районы России. Кокорев нанимает первоклассных специалистов, самолично изучает «курс горного искусства» капитана Корпуса горных инженеров Узатисса и приступает к делу — бурению собственных скважин на вояремя выкупленном собственном промысле. «С первой же скважиной повезло: после пройденного сплошного камня в три с половиной сажени пошел нефтяной грунт». Кокорев, в отличие от своих конкурентов, не спешил закладывать тут же как можно больше новых скважин «в мечтаниях о быстрой прибыли». Он методично скупал новые участки, «округляя свои нефтяные владения», чтобы иметь, так сказать, «долгую нефть». В результате он обеспечил стабильно растущие объемы нефти, что было для него очень важно, так как кокоревская нефть шла не на

продажу, как дешевое сырье, а на перегонку – для производства очень дорогого тогда керосина. На опять же собственном кокоревском заводе. С изобретением керосиновой лампы спрос на керосин в России повысился в пятнадцать раз. Повсеместно развивалось новомодное тогда городское уличное освещение. Новые светильники входили в частные дома и в общественные заведения. Лампы были привозные, а вот керосин для них – наш, кокоревский.

Разумеется, как и в каждом новом деле, хватало проблем с квалификацией работающего люда, не считая множества технических трудностей и экономических нестыковок. Так что приходилось «где самому соображать, где умных людей слушать». Василий Александрович привлек к своему делу молодого, но уже известного доцента Петербургского университета Дмитрия Ивановича Менделеева, чтобы молодой доцент осмотрел предприятия купца-самоучки и подсказал, каким образом можно повысить их прибыльность. Вот тогда на основе рекомендаций Менделеева у Кокорева, впервые в мире, и была применена непрерывная круглосуточная перегонка нефти, налажены нефтеналивные морские перевозки, а также началась прокладка нефтепроводов к берегу моря. Не чурался Кокорев и более простых решений. Например, свой керосин, чтобы подчеркнуть более светлое, а стало быть, и более высокое качество кокоревского продукта по сравнению с импортным, американским, назвал «фотонафтиль» (этот, как бы теперь сказали, торговый брэнд оказался коммерчески очень удачным). Другой ход Кокорева тоже поверг его конкурентов в изумление: на все ключевые посты в своем новом бизнесе он назначил (а до этого обучил нефтяному делу) рабочих-мастеров только из России. Выигрыш был и при загрузке собственного продукта в собственную нефтеналивную флотилию, и при

фракте (тоже кокоревская новинка для России) на перевозку чужого мазута. «Чего тут удивляться! – однажды печально вздохнул один из московских воротил. – У этих поморов таинственным образом даже воробьи, случайно пролетавшие мимо, не отпускаются дальше в полет, если не поработают сначала на рост прибыли». Впрочем, всю остальную Россию интересовало в Василии Александровиче совсем другое.

Либералов тогдашнего разлива доводил до исступления знаменитый кокоревский «золотой лапоть», демонстративно стоявший на письменном столе всемогущего предпринимателя. Славянофилы за неподдельную любовь к России чуть не молились на Кокорева и выдавали его за «русское чудо». Ученые восхищались широтой замыслов «верно зачатых», по выражению Менделеева, кокоревских дел. Достоевский изобразил магната в романе «Подросток». У Лескова в повести «Овцебык» хозяин разбойного двора хвалит водку: «У нас, брат, дорогая, кокоревская: с водой да со слезой, с перцем...».

Власть беспокоило другое: зачем этот успешный человек лезет в безрадостные, и тогда бесприбыльные, общественные дела? Еще в 1856 году, по окончании злосчастной Крымской войны, Кокорев привлек к себе всеобщее внимание устройством торжественных встреч севастопольцев в Москве, на которых московские купцы «кланялись в ноги мужественным героям проигранной кампании». О том, как зарабатываются большие деньги, то есть о профессиональной деятельности Кокорева, широкая публика, воспитанная великой русской литературой, не знала толком ничего, да, по совести, и знать не хотела. Ибо во всем была убеждена заранее. Ей было интересно только одно: вот был человек – бедный, как мы с тобой. А стал – большой человек. Как стал? Какими трудами? Ясное дело:

или убил какую сироту безответную, или женился на бабеге с железной дорогой в приданом. Разве может человек иначе заработать? Я же вот не смог, а он зачем смог? Власти как раз о предпринимательской деятельности Василия Александровича имели верное и очень положительное понятие. Но вот Кокорев в качестве известного российского публициста, общественного деятеля и благотворителя нравился им гораздо меньше. «На эти роли у тогдашнего общества были совсем другие кандидаты», – заметил современник Кокорева. Конкуренты это тут же поняли и написали донос куда следует: «В Москве завелось осиное гнездо... Гнездо это есть откупщик Кокорев». А далее простодушно потребовали забрать у «осинового гнезда» лицензию и отдать им. В самом деле, что получалось? Бизнесмен, то есть человек городской, выступает в печати по крестьянскому вопросу. Он, видите ли, считает, «что экономические успехи России зависят от скорейшего введения вольного экономического труда».

Кокорев оказывал материальную поддержку таким изданиям, как «Русская беседа» и «Русский вестник», где иногда печатался. Одним из первых он начал выступать за отмену крепостного права. В 1859 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости» появился разработанный им проект освобождения крестьян (статья «Миллиард в тумане»). Из его статей, печатавшихся, главным образом, в «Русском Вестнике» 50-х и 60-х гг., а позднее в «Русском Архиве» 1880-х гг. наиболее известны: «Экономические провалы», «Путь севастопольцев», «Взгляд на европейскую торговлю», «Мысли о русской внутренней торговле», «Об откупах».

В своих публицистических работах, печатавшихся, главным образом, в «Русском Вестнике» (1850-е и 1860-е гг.) и в «Русском Архиве» (1880-е гг.), Кокорев настаивал

на губительности для России механического заимствования западноевропейских финансовых и хозяйственных форм.

Кокоревым был предложен план выкупа крестьян на волю с помощью капитала специально созданного частного банка: он предлагал освободить крестьян с землей, а помещикам выплатить за это деньги посредством уплачиваемого крестьянами кредита в течение 37 лет. К известным трудам В. А. Кокорева относятся: «Нужды и желания промышленности» (1858), «Нужды и потребности» (1882), «Мысли русского, порожденные речью Князя Бисмарка»(1888). В последней Кокорев касается политических и экономических аспектов отношений России и Германии. Он утверждает, что России важен и необходим союз с Германией, что она — её единственная надежная союзница на Европейском континенте.

В «Нуждах и желаниях промышленности» В. А. Кокорев рассуждает о перспективах создания в России компании для обработки пеньки и торговли ею, а также о возможностях развития хлебной торговли на Тоболе[24]

Работа «Нужды и потребности» посвящена подробному анализу необходимости введения в России винной монополии. Как известно, впоследствии монополия на вино-водочную продукцию была введена в начале XX в. реформатором С. Ю. Витте. Однако идейное первенство данному экономическому мероприятию принадлежит, похоже, именно Кокореву. Кокорев полагал, что для улучшения экономики России необходимы три условия: народный кредит, сельское хозяйство и денежный курс. Главным здесь он ставит благоустройство сельского хозяйства. Сельское хозяйство, в свою очередь, должно быть согласовано с «винокурением» и введением

«питейного сбора». Только после этих мер, по мнению Кокорева, возможно «утверждение дешевого народного кредита», средства для которого предполагается извлечь из акциза на винокурение. Далее он говорит, что пока существует кабак, никакие мероприятия экономического плана, никакие дешевые кредиты не принесут желаемого, а обратятся в «наживу кабатчиков».

Большой популярностью в среде русских предпринимателей пользовалась не очень большого объема книжечка рекомендаций для успешного занятия коммерцией – "Миллиард в кармане", которую Кокорев написал специально для начинающих.

Пожалуй, самая известная работа Василия Александровича, написанная им уже на закате жизни, в 1887 году, — «Экономические провалы», в которой даёт оценку экономическим событиям за полвека. Анализируя экономические неудачи России, Кокорев доказывает, что они являются, как правило, результатом слепого копирования зарубежного опыта.

"Известный коммерсант К., водворяющий в Россию несколько десятков лет американский хлопок и устроивший с помощью своих средств для разных лиц более 40 бумагопрядильных и ткацких фабрик, — пишет Кокорев (имея в виду немца Л. К. Кнопа с сыновьями), — праздновал какой-то юбилей... Многочисленное русское общество пирило на этом юбилее, а правительство возвело его в какой-то чин. Таким образом, отпраздновали пир, так сказать, на хребте русского народа, лишившегося льняных посевов и насильственно облеченного в линючий ситец. Распространение которого, увлекая нашу монету за границу, увеличило внешние займы и усилило финансовое расстройство. Вспоминая этот юбилей, нельзя не воскликнуть: «О невинность, это ты».

Примечательно, что в своей работе Кокорев обращается к этическим аспектам экономики. Он вводит понятие «смиреномудрия», которым предлагает регулировать хозяйственные процессы

Другими известными работами Кокорева являются «Путь севастопольцев», «Взгляд на европейскую торговлю», «Мысли о русской внутренней торговле», «Об откупах» и пр.

Кокорев преисполнен самого глубокого пессимизма и видит будущее в черных красках: «Печалование о расстройстве русских финансов, — пишет он, — объемлет в настоящее время все сословия; все чувствуют, как в наших карманах тают денежные средства и как неуклонно мы приближаемся к самому мрачному времени нужд и лишений».

Главным требованием Кокорева было немедленное предоставление крепостным личной свободы. «Прежде всего надобно дать крестьянам общечеловеческие гражданские права», — пишет он в той самой знаменитой статье «Миллиард в тумане». Будучи яростным сторонником идеи выкупа земель у помещиков (ну, правильно, кричали враги, сам-то помор проклятый никогда людьми не владел, так ему легко не свое отдавать, а нам, тем, у кого ни винных откупов, ни нефти, ни его мозгов нет, а только крепостные, — нам-то как быть?!), Василий Александрович разработал проект организации выкупа земель для крестьян, который должен был обойтись крестьянам в тот самый «миллиард», точнее, в 1080 миллионов рублей, для чего предложил организовать частный банк, который мог бы пользоваться доверием и помещиков и крестьян (ну разве не утопия — чтобы и тех и других, — возмущались либералы). Помещиков выводило из себя, что по кокоревскому проекту они должны были получить живые, то есть наличные, деньги, хоть и с

большими процентами, но не сразу, а постепенно, в течение 37 лет. А вот земли поступали на свободный экономический рынок немедленно. Общими усилиями либералов и помещиков идею Кокорева отклонили, а «миллиардом в тумане» обозвали в Москве самого Василия Александровича. «А послушали бы тогда этого толкового человека, глядишь, и от революции потом никуда бежать бы не пришлось...» – вздыхал потом в эмиграции, в 1926 году, один известный приват-доцент Московского университета, из тех, кто в свое время на кокоревскую стипендию получил замечательное высшее образование.

Собирать картины русских и иностранных художников В. А. Кокорев начал в середине 1850-х годов и к 1861 году, на месте гостиницы в Трёхсвятительском переулке, как утверждает ряд источников, им было построено, специально для размещения своей коллекции, здание (арх. И. Д. Черник), в котором 26 января 1862 года открылась первая Московская публичная картинная галерея, названная Кокоревской. В нее мог войти любой, купив только билет. В будние дни билет стоит 30 копеек, в выходные

-

10.

Восемь залов на втором этаже без окон, с верхним светом. Внизу — специальное помещение для чтения лекций. И буфет, называемый одними современниками трактиром, а другими — рестораном «Тиволи». Собрание насчитывало по одним сведениям — 570 произведений, по другим — 430 картин и 35 скульптур, которые располагались по историческому и монографическому принципу. Только работ Карла Брюллова было больше сорока; причём, Кокорев заказал одному из брюлловских учеников повторение знаменитых картин «Итальянское утро» и «Итальянский полдень», хранившихся в царском собрании. Попавший в галерею в 1860 году, ещё до её

открытия, граф Михаил Бутурлин писал: «В одной из зал отборной этой коллекции стена была увешана снизу доверху творениями гениального Карла Павловича Брюллова. В середине стены поражал зрителя портрет во весь рост графини Юлии Павловны Самойловой. ...Как могла графиня Самойлова расстаться с этим сокровищем и как могло оно попасть к откупщику Кокореву».

Картин И. Айвазовского было в коллекции более двадцати, пейзажей А. Боголюбова — одиннадцать, картин В. Тропинина — шесть.

Кокорева часто упоминала в своих воспоминаниях дочь П.М.Третьякова А.П. Боткина. Она писала, что сначала к художникам в мастерскую заходил Кокорев, а уже потом они пускали к себе Третьякова.

В 1870 году в связи с финансовыми затруднениями Кокорев продал основную часть коллекции Министерству Императорского дворца; ряд произведений живописи и скульптуры приобрели П. М. Третьяков и Д. П. Боткин.

22 июля 1884 года «на сорока десятинах, прилегающих к землям крестьян деревни Малый Городок», под Вышним Волочком, на живописном полуострове, образованном истоком реки Мсты и озером Мстино, В. А. Кокорев открыл Владимиро-Марьинский приют, названный впоследствии «Академической дачей». Первоначально он предназначался для летней практики малоимущих студентов Академии художеств. В распоряжение молодых художников были предоставлены дом со столовой и библиотекой, хорошо оборудованная мастерская, помещения для занятий пением и музыкой. Здесь жили и работали И. Е. Репин, А. И. Куинджи, В. А. Серов, П. П. Чистяков, И. И. Бродский, А. М. Васнецов, Н. К. Рерих, И. И. Левитан, Н. П. Богданов-Бельский и др.

Василий Александрович Кокорев умер в Петербурге 23 апреля 1889 года от болезни сердца. Приехавшие с его родного Севера поморы вынесли из роскошного особняка на Садовой долбленный дубовый гроб, без единого гвоздя, и на руках донесли до Малой Охты. На общественные поминки кто-то принес самодельные плакатики с цитатами из Библии: «Видел ли ты человека проворного в своем деле? Он будет стоять перед царями... (Прит. 22,29)» и «...Как хорошо слово во время! (Прит. 15,23)». Вместо речей в качестве своеобразного завещания прочитали отрывки из знаменитой книги Кокорева, одного из самых успешных деловых людей России, со странным названием «Экономические провалы»: «Пора государственной мысли перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами Отечества, засорять насильными пересадками на родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу».

Когда расходились после поминок Кокорева, кто-то сказал (по некоторым сведениям, это был Дмитрий Менделеев), что Василий Александрович, этот купец-старообрядец и нефтезаводчик, сделал для развития русской промышленности, торговли и просвещения значительно больше, чем многие государственные мужи нашего времени. Наступила деликатная пауза, поскольку кое-кто из этих самых «мужей» почтил своим присутствием проводы человека, которому в последние годы принадлежали заводы и гостиничные комплексы, железные дороги и пароходства, банки и страховые компании, нефтепромыслы и первое в России собственное телеграфное агентство. «Крупнейший винный откупщик, коммерции советник и купец первой гильдии встал у истоков нашего керосинового дела, первый в мире, на пять лет раньше американцев, оценил пользу нефти! Уже в

1857 году в 17 верстах от Баку им был создан завод для производства осветительного масла, а в 1859 году он же организовал первый в России нефтеперегонный завод! Чего ради интересы некоронованного короля виноторговли обратились от нашего привычного тогда питейного занятия к новому, а для многих и дикому, нефтяному производству? Присутствующие знают, бывало, спросишь его, а он, посмеиваясь, отвечает: “Хитрого ничего в том нету! Там гонишь – горилка, здесь гонишь – горючка, а на рубль-два у меня всегда накрут будет!”. Но, конечно, руководили им совсем не шутейные соображения. На то и дан был ему Богом купеческий талант, чтобы углядеть выгодное, перспективное дело и оказаться, как завещано в Библии, в нужное время в хорошем месте с обильным кошельком! И счастливое свойство это не изменяло Кокореву на радость России почти всю его длинную жизнь. Недаром в народе про него сложили такое четверостишие: Кокорев! Вот имя славное. С дней откупов известно оно у нас, весь край в свидетели зову; в те дни и петухи кричали повсеместно: Ко-ко-ре-ву!!!» Семейное захоронение Кокоревых в восточном углу малоохтинского кладбища сохранилось до сих пор. Все огромное состояние легендарного «откупщицкого царя» во избежание дробления было завещано жене, а не двум сыновьям, вот почему семье удалось сохранить свой семейный бизнес до самой Октябрьской катастрофы.

Николай Александрович Бугров

Никола́й Алекса́ндрович Бугро́в (1837—1911) — младший представитель нижегородских купцов-старообрядцев Бугровых (наряду с Рукавишниковыми, Сироткиными и т. д.); хлебопромышленник, финансист, домовладелец, меценат и крупный благотворитель Нижегородской губернии и один из крупнейших в России.

Удельный князь нижегородский - так Горький величаво именовал выдающегося нижегородского купца - предпринимателя Николая Александровича Бугрова. И не в насмешку, хотя Алексей Максимович, как известно, буржуазию не жаловал, а от восхищения колоритностью этой личности. Такая высокая оценка проистекала из происхождения рода Бугровых и уникальных личных качеств Николая Александровича.

Бугровы вышли из удельных крестьян Семеновского уезда, а история этой категории сельского населения до сих пор толком не изучена, и от нее веет древностью князей удельных. Дед Николая, удельный крестьянин Нижегородской губернии Пётр Егорович Бугров, в молодые годы был бурлаком на Волге. Упорным трудом он выбился в люди, купил баржу и стал предпринимателем, занялся разными подрядами и производством и торговлей валяной обувью. Он был

отмечен высшей наградой крестьянского сословия «нарядным кафтаном». Во время своего вояжа по Поволжью с ним познакомился автор знаменитого словаря В. И. Даль. Он был так впечатлён добротой и трудолюбием крестьянина, что написал о нём рассказ «Дедушка Бугров». ”На весь Нижний, я чаю, не найдется ни одного человека, - писал Даль,- который бы не помянул дедушку Бугрова добром, не назвал бы его честным человеком и благодетелем народа". Любимая поговорка Бугрова была «Так делай, чтоб тебе хорошо, а никому не худо». В 1829 году П.Е. Бугров основал своё мукомольное производство. Отец Николая поставлял в Петербург обувь, занимался хлебными поставками и торговлей лесом, пользовался безоговорочным влиянием в Нижнем Новгороде. Его отметил П. И. Мельников-Печерский в своём знаменитом романе о старообрядцах «В лесах».

Сам же Николай Александрович стал богатейшим человеком губернии, имел самые высокие деловые звания мануфактур-советника и коммерции-советника, входил в правления крупнейших банков страны, многократно удостоивался царских приемов, дружил с такими влиятельными министрами, как К.П.Победоносцев и С.Ю.Витте.

Был он также “коноводом” старообрядческого беглопоповского согласия - самого многочисленного в Поволжье. С высот такой авторитетности и богатства он мало считался с местными властями, вел себя с ними “по-княжески” независимо.

Николай Александрович родился в 1837 году в деревне Попово на реке Линде. А через год семья переехала в Нижний Новгород, где дед купил дом на Рождественской улице. Николай вырос и сформировался под воздействием деда, Петра Егоровича, человека активного, честного и твердого. Когда дед в 1859 году скончался, Николаю было

уже 22 года, и он уверенно включился в дела семейной фирмы наряду с отцом. У них сложилось семейное разделение труда: Николай взял на себя самое главное дело фирмы - мукомольное производство.

Бугровым принадлежали 6 мельниц: три на реке Линде, две на реке Сейме и одна на реке Лемше - притоке реки Узолы. Все они были водяными, двигали их водяные колеса, зерно перемалывалось древним способом - жерновами.

Все шло хорошо, но в 80-е годы XIX века разразился мировой хлебный кризис. С появлением парового флота на рынки Европы хлынул дешевый хлеб американский, вытесняя русский, бывший тогда главным предметом российского экспорта. Именно в это трудное время, в 1883 году, Николай Александрович становится главой фирмы. Нелегко ему пришлось. Многие мукомолы тогда разорились, а Н.А.Бугров выстоял. Выстоял потому, что провел глубокую модернизацию своих мельниц. Прежде всего, усилил энергетические мощности. Древние водяные колеса он заменил водяными турбинами, двигателями более совершенными. Далее, на всех мельницах рядом с водяными двигателями поставил паровые машины. В результате бугровские мельницы получили двойную тягу: водяную и паровую. Заработали они круглосуточно, независимо от уровня воды в реках.

Модернизировал Николай Александрович и само мукомольное производство. Отказался от жерновов, вместо них поставил вальцовые станки и внедрил на своих мельницах новый способ помола - вальцовый, дававший муку тончайшего помола. Такая коренная перестройка мельничного производства блестяще себя оправдала. Фирма стала выпускать муку-крупчатку 12 помолов: голубую, красную, черную и каждую трех сортов. Мы теперь и понятия не имеем о таком мучном изобилии, а

современники Бугровых могли купить любой из этих сортов в любой бакалейной лавке. В результате таких преобразований к 90-м годам Н.А.Бугров стал крупнейшим мукомолом не только Нижнего Новгорода, а и всего Поволжья.

В 1895 году ему принадлежало 6 паровых мельниц из 9, работавших в Нижегородской губернии. На них перемалывалось в год до 8 миллионов пудов пшеницы, до 1,5 миллиона пудов ржи и до 1,5 миллиона пудов проса. Благодаря таким усилиям Н.А.Бугрова и других предпринимателей-мукомолов (Башкирова, Дегтярева) Нижний Новгород превратился в “город хлебный. Именно мельницы определяли тогда промышленное лицо губернии, ибо давали доходов больше, чем любые другие заводы.

Бугровы особенно памятливы нижегородцам щедрой благотворительностью. Знаменитую “ночлежку” в Скобе начал строить отец Николая, Александр Петрович, а завершил в 1883 году сын. Для ее содержания он в 1885 году рядом (д. № 3 по Зеленскому съезду) построил торговый корпус, который Городская дума сдавала в аренду, и полученные доходы обращала на расходы по “ночлежке”. Терпеть не мог Бугров тунеядцев и пьяниц, но считал, что оступившемуся надо помочь, чтобы не пропала у того надежда возвращения на путь человеческой жизни. Устав ночлежного приюта опроверг распространенную тогда поговорку "русский человек состоит из души, тела и паспорта". Бугров приказал паспортов не спрашивать. Ночевать здесь мог всякий, соблюдавший правила: не пить спиртное, не курить, не горланить песни". Нашел на время пристанище в этой ночлежке и А.М. Пешков, который приходил благодарить за это Бугрова уже став Максимом Горьким. Кстати, именно Николай Александрович дал

Горькому денег на открытие чайной "Столбы" с библиотекой для бедных.

В 1884-1887 годах Николай Александрович совместно с родственниками - братьями Блиновыми - возвел на площади Монастырской (Лядова) знаменитый "Вдовый дом" - приют для несчастных матерей-одиночек. В нем было 165 квартир (по 1-2 комнаты) гостиничного типа с общей баней и прачечной, для заболевших - амбулатория с приемным покоем, для детей - начальная школа и учебные мастерские, где мальчиков обучали сапожному, а девочек швейному мастерству. Была даже оборудована специальная комната с люлькой, куда горе-матери незаметно могли положить ребенка. Всех принимал Бугров, зная, что "Господь хранит пришельца, сира (сироту) и вдову приемлет". Мальчики проживали с матерью до 15 лет и уходили "в люди", девочки оставались в семье до замужества. Это был уникальный Дом. На Руси было немало различных приютов, но для одиноких женщин с детьми - первый, что явилось гражданским подвигом нижегородских купцов-благотворителей и произвело неизгладимое впечатление на всю общественность России.

Когда в 1883 году старообрядческие скиты были полностью запрещены, а обитатели их являлись в большинстве людьми пожилыми, Николай Александрович с трудом, но добился у властей разрешения построить для старых и немощных единоверцев богадельни. И в 90-х годах XIX века возвел четыре таких приюта: в Городце, Попове, Филипповке и Малиновском скиту (на Линде, против Филипповки). Все эти прекрасно поставленные здания исправно служат народу и до сих пор: в Городце - педучилище, в Попове - спецшкола, в Филипповке - санаторий, в Малинове возрождается скит.

Авторитетность Н.А.Бугрова в правительственных кругах, особенно у С.Ю.Витте, сыграла решающую роль в том, что XVI Всероссийская промышленно-художественная выставка прошла не в Москве, а в Нижнем. К этому сроку главная улица города была украшена изумительным зданием театра, на возведение которого Николай Александрович пожертвовал 200 тысяч рублей. А старое театральное помещение, поставленное еще его дедом и проданное потом, он выкупил, заново и перестроил в 1904 году торжественно презентовал Городской думе, которая до этого ютилась в торговых корпусах Мытного рынка (в той части, где теперь Дом учителя). Дума была безмерно признательна, и до 1917 года это самое красивое здание на главной площади города именовалось “Благотворительным корпусом Н.А.Бугрова”. Жертвуя городу этот роскошный особняк, Николай Александрович просил лишь об одном: чтобы в этом доме больше не было ни увеселительных, ни питейных заведений. И Городская дума до революции это условие свято соблюдала: первый этаж сдавался в аренду под модные магазины.

Николай Александрович Бугров много времени и средств уделял благотворительности. Считается, что за свою жизнь он только милостыни раздал около 10 млн. руб.

Ежегодная прибыль предприятия Бугрова делилась примерно в такой пропорции:

- 45% на нужды города - в основном стройки общественных зданий, домов ночлежных (Рождественская 2), домов призрения (для неграмотных - домов для вдов с детьми) пл. Лядова,2 и доходных зданий, призванных покрывать расходы для нищих и вдов,
- 45% на развитие фирмы,

- Остальное на усмотрение хозяина. (Хочу оставлю себе, хочу раздам на паперти).

На его средства была создана первая центральная канализация города, которую переложили лишь в начале 1990-х, чтобы увеличить пропускную способность и первый водопровод.

На предприятиях у Н.А. Бугрова трудилось около 2000 рабочих и служащих. Семья Бугровых всегда относилась к своим работникам уважительно: заработная плата была выше, чем у других предпринимателей, хорошее жильё, бесплатное питание, продуктовый набор к праздникам. На мельницах был самый короткий рабочий день – 8 часов. Свои предприятия Н.А.Бугров оснащал самым новым оборудованием на то время. Крестьяне из сёл с удовольствием шли работать к купцу, ведь стабильная заработная плата позволяла его сотрудникам безбедно жить и кормить семью. Крестьян Бугров жалел: многим помогал строиться, погорельцам давал денег на дом, иногда покупал корову или лошадь. Просители никогда не выходили из его дома обиженными.

Заслуги Бугрова перед отечественной мукомольной промышленностью были официально признаны и отмечены на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 года. Столичными чиновниками его мука была оценена как «превосходная», фирма получила за неё высшую награду - право маркировать свою продукцию государственным гербом. Тогда же Николай Бугров был удостоен монопольного права снабжать мукой и крупой российскую армию. Кроме основного бизнеса, Бугров производил и крупные банковские операции, являлся членом правления нижегородских и московских банков.

Сам Бугров жил чуть ли ни как монах. Быт его не отличался дороговизной и изобилием. Стены дома были

оклеены дешёвыми обоями. На стенах были картины религиозного содержания. Красные углы комнат были с иконами без окладов. Любил Николай Александрович плотно покушать, но купеческими разносолами не увлекался, ел простую пищу - щи, пирожки домашние и кашу на молоке, предпочитал кашу гречневую в пост — горох. Щедро кормил своих служащих и всех приходивших к нему по различным делам. Для них с утра до вечера кипел самовар, подавались пироги с мясом, рыбой, рисом, капустой, грибами. Хлебосольство было семейной бугровской традицией, которую они все свято соблюдали.

А носил он обычный кафтан, козловые сапоги, картуз (и зимой и летом). Как и в детстве, проведенном в деревне Попово, спал Бугров в своем доме на полатах.

О характере и внешнем облике Николая Александровича обычно судят по очерку А.М.Горького “Н.А.Бугров”, где он предстает человеком умным, но угрюмым. Однако следует иметь в виду, что писатель встретил Бугрова на склоне его лет, когда тот уже был больным и одиноким. Судьба этого миллионера трагична, хотя родился он богатым. Детство - золотое: единственный сын в семье, наследник. Женился на красавице Дуне Рыбаковой по любви, ибо не было необходимости гнаться за приданым. Вскоре появился на свет сын Александр. Ну, а дальше последовали сплошные семейные несчастья. В 1865 году умерла любимая жена, а вслед за нею и сын. Горе - безмерное, но Николаю Александровичу всего 28 лет, и через год-другой он женился вторично. Вскоре родились две девочки. И снова беда: в 1870 году ушла из жизни вторая жена, а за ней и дети-малолетки. И снова Бугров одинок. А возраст - богатырский, 33 года.

Попробовал устроить семейную жизнь в третий раз. Но опять недолгим оказалось счастье. Жена скончалась через год с небольшим после свадьбы. И в 36 лет Николай Александрович, вновь овдовев, больше не женился. По религиозным мотивам. И оказался Николай Бугров в своем роду “последним из могикан”. А годы зрелые, богатство большое. Как тут не поверить в “голубые домики” на Сейме, которые он якобы строил своим любовницам, позже выдавая их замуж за своих рабочих и служащих. В разговорах с А.М.Горьким Николай Александрович не отрицал “греха”. Но народная молва его явно преувеличивает. Архивные материалы зафиксировали лишь двух внебрачных детей Н.А.Бугрова, но они воспитывались в его доме. С возрастом эти “забавы миллионера”, как о них выразился Горький, утихли. Впереди замаячила одинокая старость с болезнями. Но главное - без наследников. Вот и стал Николай Александрович угрюмым.

“Бугрова, - писал А.М.Горький, - окружала атмосфера озабоченной скуки, но порою эта скука превращалась в медленный вихрь темных тревог. Он плутал, кружился по пустым своим комнатам, как пленный зверь, давно укрощенный усталостью...” Вот и стал знаменитый нижегородский миллионер и меценат таким, каким его увидел писатель: умным и проницательным, но угрюмым и отрешенным. Озабоченный судьбою семейной фирмы, он в 1900 году создает “Товарищество паровых механических мельниц Н.А.Бугрова”, куда наряду с собою включил незамужнюю сестру Зиновию и племянниц - дочерей старшей сестры Еннафы, бывшей в замужестве за его другом Н.А.Блиновым. А чтобы дела фирмы и без него продолжались успешно, включил в состав “Товарищества”

надежного служащего, своего единоверца Ф.В.Ассонова. И Николай Александрович не ошибся, ибо хорошо разбирался в людях. После его кончины в 1911 году фирма работала стабильно, строго соблюдала свой Устав, по которому на благотворительность ежегодно выделялось 45 % чистого дохода! Кто, где, когда так щедро делился своим богатством с нуждающимися?

Как ни странно, опыт, Н.А.Бугрова ставил как пример эффективнейшей работы Сталин. На одном из заседаний правительства времен начала Великой Отечественной войны, посвященном увеличению выпуска боевой техники, нарком станкостроения А.И. Ефремов сказал, - «Для этого необходимо увеличить управленческий аппарат до 800 человек». Иосиф Виссарионович обратился к наркому: “Вы слышали фамилию Бугров?” Ефремов не знал такого человека. Тогда Сталин рассказал: - "Бугров был известным на всю Волгу мукомолом... Как вы думаете, каким штатом располагал Бугров для управления всем своим хозяйством, а также контролем за ним?" И не дожидаясь ответа, Сталин продолжил: “Раз вы все не знаете, я вам скажу. У Бугрова были: он сам, приказчик и бухгалтер, которому он платил двадцать пять тысяч рублей в год. Вот и весь штат”.

Своими способностями, умением делать правильные и честные поступки Бугров вызывал заслуженное уважение даже в советское время. Одним из любимых высказываний Николая Александровича было: "Прибыль превыше всего. Но честь - превыше прибыли!" К сожалению, современные предприниматели заучили только первую часть этого правила.

Вот таким самобытным был нижегородский купец Николай Александрович Бугров, предприниматель-самородок, богатый и скромный в быту, независимый и справедливый, защитник слабых и бедных, непререкаемый

авторитет которого держался не столько на богатстве, сколько на высокой нравственности. Умирая, он завещал родным: “Живите в мире и никого не обижайте, больше всего жалейте нищую братию”.

Трындины: два века работы на благо России

Егор Сергеевич Трындин

Трындины — старинный старообрядческий род, проживавший в Москве.

Трындины были первыми русскими оптиками, купцами и промышленниками. Фирма «Е. С. Трындина С-вей», была одной из крупнейших компаний дореволюционной России, производившей оптические, физические, геодезические приборы, учебно-наглядные пособия и медицинские инструменты.

Магазин фирмы, а также производство, располагался в Москве на улице Большая Лубянка в нынешнем здании № 13.

В 1885 г. в московском журнале «Радуга» появилась статья, где утверждалось: «Все новое, все лучшее, все усовершенствованное введено теперь на первой русской паровой фабрике для изготовления медицинских и физических инструментов, все сделано предпринимателями для процветания этого производства на русской почве — остается ждать только поддержки и симпатии публики, которой давно бы пора бросить

немецкий камзол и ближе подойти к родному армяку. Не все то хорошо, что идет из-за моря,— умеем и мы что-нибудь». Такого гордого и восхищенного отзыва удостоилось торгово-промышленное предприятие, известное вот уже пятнадцать лет в московских деловых кругах под названием «Е.С. Трындины С-вья в Москве». Фирма представляло семейное дело московских купцов Трындиных по выпуску научных приборов и медицинских инструментов и своими корнями уходило в последнюю четверть XVIII в.

Основателем рода Трындиных в Москве и семейной фирмы стал Сергей Семенович Трындин, крестьянин-старообрядец, пришедший в Москву из Владимирской губернии. Сергей Семенович прошел первоначальное обучение изготовлению физических приборов в физическом кабинете Императорского Московского Университета, и в середине 1780-х гг. открыл в Москве мастерскую по изготовлению и ремонту физических и математических инструментов. Точных сведений о деятельности Сергея Семеновича не выявлено, но судя по источникам XIX века в 1785 году, когда императрица Екатерина II даровала ремесленникам цеховое деление, предки Трындиных были первыми и единственными русскими оптиками, имевшими свою мастерскую в России.

В 1809 г. Трындины основали первый русский «оптический» магазин, находившийся на Кузнецком мосту. Это событие и положило начало официальной летописи семейного дела московских купцов Трындиных. Сергей Семенович был женат на крестьянке Евдокии Нестеровне, имеются сведения о трех сыновьях: Матвее, Абраме и Егоре Сергеевичах. После смерти отца – Сергея Семеновича, мастерской и магазином владели его сыновья: Абрам и Егор. Владельцем считался Абрам. В 1830-х гг. мастерская и магазин находятся на Лубянке в доме князя

Голицына. Фирма продолжает выпускать физические и математические инструменты. Проведение в Москве в 1831 г. выставки российских мануфактурных изделий дает возможность Абраму Сергеевичу впервые продемонстрировать высокие технические достоинства своих изделий. Абрам Сергеевич представил на выставку: уровень, астролябию, солнечные часы, циркули в футлярах, барометры, термометры и другие приборы. По итогам выставки предприятие Трындына было отмечено малой серебряной медалью.

Фирма становится постоянным поставщиком геодезических инструментов для межевых учреждений, приборов измерения времени – солнечных часов и математических инструментов для учебных заведений. Особенно тесным было сотрудничество с Межевой канцелярией, по ее заказам фирма копировала известные иностранные образцы и изготавливала новые приборы. В конце 1853 г. братья разделились, при этом отцовское заведение перешло к Егору Сергеевичу. Абрам Сергеевич приобрел дом на Мясницкой улице, где совместно с сыном Иваном создал новое оптическое предприятие. После смерти Абрама Сергеевича в 1856 году заведение, в котором в то время работало 25 человек, возглавил его сын Иван. Заведение продолжает сотрудничать с Межевой канцелярией, как с ее Московским отделением, так и с отделениями по всей России. Однако в дальнейшем это оптическое заведение пришло в упадок, а сам владелец отошел от предпринимательской деятельности и последние годы жизни до кончины в январе 1873 г. преподавал геодезию в Константиновском межевом институте.

Предприятию, которое возглавил Егор Сергеевич, была уготована иная судьба. Егор Сергеевич родился в 1806 г., женился в 1834 г. на дочери московского

мещанина Елизавете Кондратьевне Шепелевой, имел пятнадцать детей, из которых до взрослых лет дожили трое: Мария, Сергей и Петр Егоровичи. В 1858 г. Егор Сергеевич вступил в купечество. В 1860 г. баллотировался и был избран на три года ратманом 1-го Департамента Московского магистрата.

Егор Сергеевич развивал традиции семейного дела: предприятие выпускало новые физические, геодезические и математические инструменты, принимало заказы на ремонт и наладку приборов, поставляло свою продукцию различным государственным учреждениям, в том числе, и Московской дворцовой конторе: поставки физических и оптических инструментов Московскому императорскому двору начались еще в 1840-х годах. Поворотным событием в развитии семейного дела стало приобретение в период 1858–1866 гг. Егором Сергеевичем целого квартала земли со строениями в центре Москвы, где в дальнейшем расположились производство и торговая часть предприятия. С этих пор этот большой участок земли, ограниченный улицей Лубянка и Б.Кисельным переулком, становится родовой собственностью Трындиных. В декабре 1868 г. Егор Сергеевич скончался и был похоронен, как и все Трындины, на Рогожском старообрядческом кладбище.

Расцвет семейного предприятия приходится на конец XIX – начало XX в., когда к управлению фирмой пришли братья Сергей и Петр Егоровичи открывшие в 1869 г. фирму под названием «Е.С. Трындина Сыновья в Москве». Сергей Егорович родился в 1847 г. В декабре 1868 г. женился на Александре Михайловне Селивѣрстовой, происходившей из старинной московской купеческой старообрядческой семьи, имел двух дочерей — Павлу и Анастасию. В 1888 г. Сергей Егорович и его семейство получили звание потомственных почетных граждан. Петр

Егорович родился в 1852 г. В октябре 1876 г. женился на Татьяне Гордеевне Махоткиной, происходившей из купеческого старообрядческого рода г. Варшавы, имел девять детей, из которых до взрослых лет дожили шесть дочерей и сын Петр, которому было суждено стать последним владельцем фирмы. В 1901 г. Петр Егорович и его семейство были возведены в потомственные почетные граждане.

Сергей и Петр Егоровичи Трындины, возглавив семейное дело, решили поставить его на новые рельсы. Братья были очень молоды (Сергею – 21 год, а Петру не исполнилось еще и 17 лет), энергичны, полны смелых планов: перейти от кустарной мастерской к развитому фабричному производству, наладить выпуск приборов и инструментов, не уступающих западным образцам. Новая стратегия фирмы была впервые реализована в области производства медико-хирургических инструментов. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. они поставляли медицинское оборудование и хирургический инструмент на фронт, за что, были награждены «Знаком Красного Креста за Русско-турецкую войну».

В конце 1870-х гг. братья выезжают за границу, приобретая новейшие хирургические инструменты, медицинское оборудование. В 1879 г. впервые издается краткий каталог хирургических медицинских инструментов и аппаратов, в который наряду с собственными изделиями фирмы вошли и зарубежные образцы. К этому времени фирма являлась комиссионером Общества русских врачей, инструментальной мастерской Московского военного округа и поставщиком многих больниц, полков и земств. В 1870-х гг. для снабжения войск и военно-врачебных учреждений фирма наладила изготовление хирургических инструментов и санитарных

принадлежностей по образцам, утвержденным Военным ведомством, и организовала постоянные их поставки для С.–Петербургского хирургического инструментального завода, полковых лазаретов и госпиталей.

В 1882 г. фирма приняла участие во Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве. Изделия фирмы экспонировались по трем разделам: во II группе – научно-учебные произведения, в отделе Комиссии народных чтений и в павильоне Общества Красного Креста. В сентябре выставку посетила императорская чета. Братья Трындины преподнесли гостям изделия собственного производства: 14-летнему наследнику Николаю Александровичу – готовальню, а великому князю Сергею Александровичу – барометр, за что были удостоены «Высочайшей благодарности Их Императорских Величеств». Фирма имела на выставке огромный успех и была отмечена многочисленными наградами. По представлению экспертной комиссии Трындины были награждены золотой медалью с формулировкой «за приготовление отличных хирургических инструментов за удачные усовершенствования в производстве и многолетнюю деятельность фирмы» и по II группе серебряной медалью.

В 1884 г. владельцы фирмы приступили к строительству первой в России «паровой» фабрики физических приборов и хирургических инструментов. Торжественная закладка фабрики состоялась 6 мая 1884 г. и была приурочена ко дню совершеннолетия наследника Николая Александровича. В сентябре того же года фабрика с использованием паровой машины в 10 сил с 50-тью механическими станками при 100 человек рабочих была открыта. Фабрика размещалась в новом трехэтажном каменном здании, выстроенном по проекту и под руководством архитектора Августа Вебера. При фабрике в

1885 г. была создана первая в России ремесленная школа для подготовки специалистов по изготовлению хирургических, ветеринарных инструментов и физико-механических приборов.

В том же году Трындины принимали участие во Всемирной выставке в Антверпене и были там единственными экспонентами от России в части хирургических инструментов и физических приборов. За высокое качество изделий фирма была награждена несколькими наградами: почетным дипломом от Бюро Всемирной выставки, золотой медалью за физические и серебряной – за хирургические инструменты. Комитет Русского отдела выставки ходатайствовал перед Министерством финансов о награждении фирмы высшей наградой Российской империи в торгово-промышленной сфере – правом изображать Государственный герб на своих изделиях. В июне 1886 г. фирма получила эту награду.

Помимо изготовления физических приборов, Трындины в конце 1880-х – начале 1890-х гг. проводили работы по установке различных электрических приборов и систем, в частности, системы молниезащиты на крупнейших, уникальных зданиях Москвы и других городов, в том числе: Храм Христа Спасителя, Большой и Малый театры в Москве, Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря, обелиск «Коннетабль» в Гатчине. За участие в строительстве Храма Христа Спасителя в декабре 1883 г. Сергей и Петр Егоровичи были награждены серебряными медалями в честь освящения Храма Христа Спасителя.

В 1896 г. фирма приняла участие во Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде – самой крупной в истории России. По результатам выставки фирма была награждена правом

изображения Государственного герба повторно с формулировкой «За долговременное существование фирмы при постоянном расширении производства; за весьма удовлетворительно исполненные приборы по физике и очень хорошие хирургические инструменты, а равно за хорошую постановку обучения учеников мастерству». К концу XIX в. – к своему 90-летнему юбилею – фирма подошла с многопрофильным фабричным производством, оснащенным современной техникой, с миллионным оборотом и заграничными отделениями, отмеченная многочисленными наградами российских и международных выставок. Фирма стала единственной среди оптико-механических предприятий России, имеющей право размещать на своих изделиях и рекламных материалах изображения двух государственных гербов.

В июне 1902 г. Сергей и Петр Егоровичи зарегистрировали Торговый дом в виде полного товарищества под маркой «Торговый дом Е.С. Трындына Сыновей». Основной капитал фирмы составлял 200000 рублей по 100000 рублей от каждого. Управление и распоряжение делами Торгового дома принадлежало обоим учредителям в равной доле. Владельцы фирмы задумали существенно расширить предприятие, а также построить новую обсерваторию.

В январе 1904 г. строительство было закончено, и это стало значительным событием не только для фирмы, но и для всего города. Обновление оборудования, создание «самого обширного в России магазина» с новой образцовой физической лабораторией, отвечающей всем требованиям современной науки, дали возможность фирме не только существенно расширить производство, и занять одно из первых мест в России среди производителей научного оборудования, но и стать в ряды ведущих европейских фирм. Свидетельством международного

признания высокого качества изделий фирмы явилось присуждение ей в ноябре 1904 г. высшей награды – «Grand Prix» на Международной выставке гигиены, помощи раненым и медицине, которая проходила в Париже.

В июне 1909 г. фирме исполнялось 100 лет. Обычно к своим юбилеям торгово-промышленные династии выпускали роскошные иллюстрированные издания, посвященные истории фамильного дела. Фирма «Е.С. Трындына Сыновей» тоже готовилась торжественно отметить свой юбилей. К этой дате был издан ряд каталогов с символикой 100-летия фирмы. Однако столетие фирмы Трындыны не праздновали: смерть Петра Егоровича в марте 1909 г. сделали неуместными такие торжества. После смерти отца вторым учредителем Торгового дома и техническим директором фабрики становится Петр Петрович Трындин.

Петр Петрович родился в 1886 г. в Варшаве, где жили родители Татьяны Гордеевны. В 1897 г. Петр поступил учиться в Московскую Практическую академию коммерческих наук, которую окончил в мае 1905 г. кандидатом коммерции с малой серебряной медалью. В том же году он начинает работать на фабрике Торгового дома «Е.С. Трындына С-вей». В июне 1907 г. Петр Петрович, не оставляя производство, обращается к ректору Московского университета с прошением о зачислении его студентом естественного отделения физико-математического факультета. Просьба была незамедлительно удовлетворена, т.к. о приеме Петра Петровича в университет ходатайствовали известные ученые Николай Алексеевич Умов и Витольд Карлович Цераский.

Петр Петрович окончил Московский университет в мае 1915 г. В 1910 г. Петр Петрович женился на Анне Алексеевне Воеводиной, родители которой, жили в

Витебской губернии, Люцинского уезда (после революции – территория Латвии). В 1913 г. в Париже, где в это время находилась на лечении Анна Алексеевна, у них родился сын Николай. На заводе под руководством Петра Петровича были разработаны конструкции и освоено изготовление геодезических инструментов – теодолитов, угломеров, нивелиров и различных технологических аппаратов.

Под управлением Сергея Егоровича и Петра Петровича семейное дело продолжает укрупняться: в период 1909 – 1914 гг. годовое производство растет с 75000 до 200000 рублей, количество рабочих – со 100 до 200 человек. Фирма тесно сотрудничает с деловыми кругами Москвы. Весной 1910 г. она участвует в организации торговой экспедиции в Монголию в целях изучения торгового рынка этой страны, которую организовали на свои пожертвования московские фабриканты и предприниматели. Среди них был и Торговый дом Трындиных, который кроме денежного взноса, обеспечил экспедицию физическими инструментами и приборами.

Успешное развитие семейного дела побудило владельцев фирмы к дальнейшему расширению производства. Для привлечения дополнительных средств Трындины весной 1914 г. учредили товарищество на паях под наименованием: «Торгово-промышленное Товарищество «Е.С. Трындина С-вей в Москве». Учредителями Товарищества стали С.Е., П.П. и Т.Г. Трындины. Основной капитал Товарищества составлял 800000 рублей, был разделен на 1600 паев по 500 рублей каждый. Основная часть паев, а, следовательно, и возможность принимать решения, находилась в руках бывших владельцев Торгового дома и их родственников. В 1914 г. Товарищество приступило к строительству нового

фабричного корпуса на 140 рабочих, который был построен и оборудован новейшими станками и инструментами в 1916 г. при личном участии П.П. Трындина.

Во время Первой мировой войны фирма Трындиных принимала участие в создании противогаза для русской армии и выполняла другие военные заказы. После смерти Сергея Егоровича в июле 1915 года председателем правления товарищества был избран Петр Петрович Трындин. Дальнейшее развитие предприятия тормозилось недостатком фабричных площадей. Расширение фабрики в центре города стало невозможным, и Правление решило организовать новую фабрику на окраине. В том же году был приобретен участок площадью 2 гектара в Хамовниках, в конце улицы Большие Кочки (ныне – часть Комсомольского проспекта) вблизи окружной железной дороги. Однако планам постройки новой фабрики с числом рабочих в 500 – 600 человек не суждено было сбыться. Обстановка в стране в 1917 г. никак не могла способствовать расширению производства, и сооружение новой фабрики было остановлено. В связи с резким подорожанием и нехваткой материалов энергии и т.п. расходы Товарищества по изготовлению продукции возросли до «чрезвычайных» размеров, поэтому было решено продать всю принадлежавшую Товариществу землю, а деньги употребить на расширение торговых операций.

После октябрьского переворота 1917 года фирма Трындиных разделила участь большинства частных предприятий, которые не подверглись национализации в первую очередь. Сразу же единое торгово-промышленное предприятие было разделено на производственную и торговую часть. Первое время руководство производственной частью товарищества «Е.С. Трындина

С-вей» осуществлялось совместно правлением и фабрично-заводским комитетом под контролем землемерно-технического отдела Наркомзема. Техническое руководство было оставлено за П.П. Трындиным. Торговая часть фирмы управлялась комитетом служащих и комиссаром, назначенным Наркомздравом.

В конце сентября 1920 г. была национализирована и передана в управление Наркомздрава торговая часть фирмы – магазин. С начала 1921 г. национализируется и фабрика научных и геодезических приборов. После национализации фабрика Трындиных стала называться «Государственный завод экспериментальных и мерительных инструментов «Метрон». После 1917 г. производство было частично свернуто, флигели и верхние этажи старого заводского корпуса, в которых до войны помещались паяльное и стеклодувное отделения, чертежная мастерская с фотолабораторией и склад полуфабрикатов, были переделаны под жилье.

В мае 1922 г. завод «Метрон», на котором работало 65 человек (51 рабочий, 14 служащих), вошел в Государственный трест точной механики вместе с заводами «Геофизика», (бывшее «Швабе»), «Авиаприбор» (бывшее Рейнина), «Геоприбор» (бывший «Таубер и Цветков»). После национализации началось трагическое разрушение предприятия: сразу же исчезает из профиля предприятия производство учебно-демонстрационных приборов и наглядных пособий – направление, в котором фирма «Е.С. Трындина Сыновей» была ведущей в России, затем прекратилось изготовление геодезических приборов, медико-хирургических инструментов и операционной обстановки. К середине 1925 г. руководство треста узко специализирует завод на разработку и выпуск

весомизмерительных приборов (главным образом, аналитических весов).

Тяжелым испытанием стали новые времена для семьи Трындиных. П.П. Трындин делает все возможное для спасения производства, кадровых работников и членов семьи. Он продолжает работать на заводе, осуществляет техническое руководство производством, участвует в его реконструкции. На первых порах ему удается остаться на предприятии, в стенах которого сложилась вся его жизнь: советская власть пока еще использует знания и опыт «старых» специалистов. Но постепенно его, несмотря на высокую квалификацию и глубокую образованность, все более и более отстраняют от производства, сужают постепенно круг обязанностей, и, наконец, совсем удаляют с завода. Репрессии 1937 г. закономерным образом коснутся и его: по вымышленным обвинениям постановлением «тройки» при Управлении НКВД МО П.П. Трындина осудили по статье 58 п. 10 УК РСФСР, и он закончил жизнь в расстрельном рву на Бутовском полигоне. В эту ночь 27 ноября 1937 года на Бутовском полигоне были расстреляны 159 человек.

С начала 1930-х гг. производство завода существенно расширяется и переводится на выпуск оборонной продукции, в частности, точных приборов для боевой авиации. В декабре 1936 г. он был переименован в «Завод №214» и с 1939 г. передан в ведении Наркомата авиационной промышленности. В октябре 1941 г. завод был эвакуирован в г. Свердловск, и в дальнейшем на его базе сформировалось уникальное промышленное предприятие «Уральский приборостроительный завод» – один из крупнейших производителей авиационных приборов в стране.

К началу XX века Трындины стали одними из крупнейших землевладельцев Москвы. Им принадлежало

более ста пятидесяти строений в разных районах города. В проектировании и строительстве этих зданий принимали участие ведущие архитекторы Москвы: А.Е. Вебер, В.Ф. Жигардлович, С.Ф. Кулагин, И.И. Поздеев, А.П. Попов и др. Особенно много земельных участков и домов принадлежало семье Сергея Егоровича. Но самым значимым для всех Трындиных было владение по Б. Лубянке, которое они считали «родовой» собственностью. История приобретения и освоения Трындиными этой территории охватывает не одно десятилетие. В 1858 г. Егор Сергеевич купил за 50000 рублей серебром у поручика «лейб-гвардии конного полка» В.Г. Безобразова владение, включавшее каменный двухэтажный дом с двором и надворными строениями по улице Лубянка (ныне – Б.Лубянка, дом № 13). Со стороны Б. Кисельного переуллка сюда вдавался участок с двухэтажным каменным домом, принадлежавший московскому цеховому И.Ф. Кинсту. В 1862 г. Егор Сергеевич переезжает с семьей в новый дом и переводит по этому адресу магазин и мастерскую. В 1866 г. он покупает за 5500 рублей серебром у Е.И. Кинст каменный дом с флигелем, выходящий в Б. Кисельный переулок, и с тех пор весь участок стал принадлежать Трындиным. Общая площадь владения составляла 8230 м², из них под постройками 3835 м².

Здания на участке неоднократно перестраивались. Первые работы были начаты в 1861–1864 гг.: произведены небольшие перестройки, в глубине участка возведены одноэтажные каменные навесы. В 1866 г. Е.С. Трындин приступает к сносу мелких построек по Б.Кисельному пер. и возведению на их месте большого каменного двухэтажного здания. После смерти Егора Сергеевича владельцами участка стали его сыновья – Сергей и Петр Егоровичи Трындины. Некоторое время братья проживают

вместе в доме на Лубянке, затем Сергей Егорович в 1872 г. спустя некоторое время после женитьбы на дочери московского купца А.М. Селивёрстовой переезжает в дом Селивёрстовых в Хамовнической части 3-го участка. В дальнейшем в фамильном доме на Лубянке проживала семья Петра Егоровича.

Строительные работы возобновляются: в августе 1875 г. братья строят в глубине участка вместо навесов нежилое одноэтажное каменное здание, в марте 1876 г. получают разрешение на строительство каменного трехэтажного жилого здания с подвалом. На разработку проекта и руководство строительством был приглашен архитектор Август Вебер, который в дальнейшем много строил для семьи Трындиных. На нужды строительства Трындины в 1876–1877 гг. получают ссуду под залог дома в размере 36000 рублей; к этому времени материальная стоимость их имущества оценивалась суммой 65972 рублей, из которых 55866 рублей приходилось на строения. Новый жилой угловой дом вскоре был закончен и существует в наши дни.

Владельцы участка перестраивают дворовые строения: в марте 1877 г. по проекту А. Вебера в глубине участка перед конюшнями возводятся каменная кладовая с подвалом для устройства ледников, к существующим каменным сараям пристраивается каменный двухэтажный флигель – кучерская; в 1882 г. вместо деревянных конюшен строят каменные. К середине 1896 г. на участке Трындиных под строения было занято уже 4343 м²; на площади 152 м² располагался сад.

Со времени приобретения участка большая часть помещений сдавалась в аренду. Арендаторы часто менялись. Имеются сведения за 1888 г. о 20-ти арендаторах во владении Трындиных: модное заведение К.А. Горбунова, постоянный двор Ф.А. Лобанова (с 1887),

пивная лавка А.И. Лукашиной, портновское заведение Л.Я. Петерсон, портновское заведение Ш.Р. Минкиной, колбасная лавка И. Шпренгер, овощная лавка У.Е. Смирновой (с 1886), переплетное заведение Е.М. Дворникова (с 1887), магазин швейных машин торгового дома «В.Э. Смит и Ко», магазин тульских стальных изделий В.П. Маркова, торговля молочными изделиями С.Васильева (с 1887), отделение парка и конюшни для лошадей форейторов и помещение форейторской 1-го Общества конно-железных дорог (с 1886), мастерская и магазин мужских шляп Ф.Ю. Давыдович, часовой магазин и мастерская А.Б. Вом, контора агентства Американского общества страхования жизни под фирмою «Нью-Йорк», мясная лавка М.А. Калугиной (с 1886), кофейный магазин Ш.Л. Ретере (с 1886), кухмистерская М.М. Малининой, правление Московского общества кредита под залог движимости (с 1881), контора агентства С.-Петербургской компании «Надежда», заведение музыкальных инструментов А.А. Эберга (с 1888).

Архитектор А.Вебер не дожил до окончания строительства, и дому Трындиных, его «последнему творению», московская пресса посвятила несколько публикаций. «Московские ведомости» писали: «Снаружи это здание выглядит трехэтажным. На самом же деле в нем шесть этажей, так как огромные пролеты окон внизу тянутся на два этажа. Тотчас, из входа на улицу, вы попадаете в магазин фирмы, нижний этаж которого и бельэтаж, устроенный в виде балкона, заняты рядами тянущихся вдоль стен высоких шкафов с различными физическими и хирургическими инструментами, химическими и техническими приборами, машинами и учебными моделями. Из нижнего этажа ход слева ведет на фабрику (здание в 4 этажа), нижний этаж которой занят

металлическим отделением, далее следуют столярное отделение и другие... Дверь справа в магазине ведет к подъемной машине, которая может доставить вас на самую верхушку, к обсерватории. Посредине же, в глубине первого этажа, находятся лестницы, ведущие вниз, в склады, и в бельэтаж. Второй этаж (бельэтаж) – физическая аудитория, предназначенная для опытов с новейшими физическими приборами, рядом ортопедическое отделение. В противоположной стороне, слева в бельэтаже расположены главная контора и кабинеты владельцев. Третий этаж – конторы. Четвертый этаж, по фасаду – квартиры, в глубине здания – передние, гардеробные, ванна, комнаты прислуги, кухни и т.п. Пятый этаж – астрономическая аудитория с экраном для демонстрации картин по астрономии и массой астрономических инструментов. Здесь же находится музей старинных физических и астрономических приборов. Отсюда уже витая лесенка ведет в обсерваторию. Рядом еще имеется сбоку дверь, ведущая на балкон, с которого открывался далекий вид на Москву. Обсерватория, круглая по форме, прикрита сверху вращающимся металлическим колпаком». Здание было оборудовано по последнему слову техники, в нем было проведено паровое отопление, работал лифт, ходивший из подвала до пятого этажа. Под всем зданием были устроены подвалы для магазинов. 25 января 1904 г. с большой торжественностью состоялось освящение помещения магазина и обсерватории. На торжестве присутствовали известные ученые, представители средних и высших учебных заведений, врачи, предприниматели, члены городского управления и многие другие крупные деятели Москвы.

После установления советской власти в 1918 г. все дома Трындиных были национализированы. Дом по Б. Лубянке (№ 13), в котором находился магазин фирмы, был

забран для нужд ВЧК (в дальнейшем – НКВД), в нем размещались различные учреждения – клуб, столовая и др. Одно из отделений клуба ВЧК разместилось на самом верхнем этаже корпуса фабрики, примыкающему к дому №13 на Б. Лубянке. Мемориальная доска, установленная на фасаде здания, свидетельствует о том, что здесь на митинге-концерте сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 г. выступил В.И. Ленин. В этих же стенах было основано спортивное общество «Динамо», правление которого долгое время и находилось по этому адресу. В 1920–1930-х гг. часть фабричного здания, а также ряд строений внутри участка использовались заводом «Метрон», некоторые строения были заняты ВЧК (ОГПУ, НКВД). В июне 1925 г. вместо одноэтажного здания трактира ОГПУ построило двухэтажное жилое здание коммуны для сотрудников.

В 1919 г. постановлением СНК РСФСР обсерватория Трындиных была национализирована и передана Московскому отделу народного образования (МОНО), 7 ноября 1919 г. она вновь была открыта для публики. С 1 января 1934 г. обсерватория перешла в ведение Московского педагогического института им. В.П. Потемкина, затем с 1960 г. до 1998 г. находилась в составе Педагогического института им. В.И. Ленина (с 1990 – Московский педагогический государственный университет). По решению властей в 1998 г. помещение обсерватории передано Министерству внутренних дел, которому принадлежала и вся остальная часть здания. Оборудование было демонтировано, и обсерватория прекратила свое существование.

В наши дни здание по Б.Лубянке, 13 принадлежит МВД РФ. Верхние этажи здания занимает Культурный центр МВД РФ, в помещениях нижнего этажа разместились торговые заведения, кафе, ресторан и офисы.

Купцы Трындины принимали активное участие в деятельности различных общественных и благотворительных организаций Москвы. В истории русской благотворительности Москва занимала особое место, намного опережая прочие российские города по объему добровольных пожертвований граждан на нужды просвещения, здравоохранения и общественного призрения. Совершение благодеяний московские предприниматели расценивали как одну из важнейших сословных обязанностей; общественное мнение учитывало эту деятельность в оценке той или иной личности или семьи.

Особенно был велик вклад в общественную и благотворительную деятельность С.Е. Трындина. Будучи активным членом Общества попечения о раненых и больных воинах, Сергей Егорович в июне 1877 г. участвовал в создании Комитета «Христианская помощь» при Обществе и состоял его действительным членом до 1898 г. Задачей Комитета являлось «введение в практику военного дела улучшенных способов перевозки с места военных действий раненых и больных воинов», устройство приютов, общин сестер милосердия и прочее. Позднее членом Комитета становится и П.Е. Трындин. В 1892 г. при Комитете открылся музей, освещающий деятельность Общества Красного Креста и Комитета в России. Музей был создан благодаря щедрым пожертвованиям братьев Трындиных, принявших на себя все работы по его организации. Трындины много жертвовали в пользу Комитета как деньгами, так и медицинскими инструментами своего производства для лечебниц и лазаретов, находившихся в ведении Комитета.

С 1869 г. С.Е. Трындин активно участвовал в работе Московской городской думы в качестве гласного. Помимо работы в комиссиях Сергей Егорович не раз подымал в

Думе вопросы, решение которых считал важным для жизни города. В сентябре 1896 г. московское купечество выдвигает С.Е. Трындына как одного из достойных и уважаемых своих представителей в число выборных московского купеческого сословия; этот пост он занимал до своей смерти в 1915 г. С 1903 г. выборным Московского купеческого сословия становится и П.Е. Трындин; он был им до 1909 г.

«Семейным делом» Трындиных стала работа в Московском Городском попечительстве о бедных Мясницкой части 1-го участка. С.Е. и П.Е. Трындины вошли в совет попечительства с самых первых дней его организации и работали в нем до самых последних дней жизни, при этом Сергеевич Егорович был бессменным председателем совета. Для канцелярии попечительства Трындины бесплатно выделили помещение в доме по Б. Лубянке, 13. Благодаря своему авторитету в кругах московских предпринимателей С.Е. Трындину удалось привлечь к членству в попечительстве людей, готовых регулярно жертвовать значительные суммы денег, среди них были братья Перловы, В.К. Феррейн, А.И. Гамбургер, Д.С. Корзинкин, Н.А. Алексеев, К.К. Ушков, А.О. Эрлангер, М.И. Мишин и многие другие. Благодаря активной деятельности Сергея Егоровича число членов попечительства составило свыше 220 человек. В 1895 г. при попечительстве был открыт приют для престарелых женщин на 20 человек на 3-й Мещанской ул. в доме Германовой, в 1896 г. – приют для бедных детей-девочек на Самотечном проезде в доме Стародубцевой, при этом помещения для приютов попечительство оплачивало на условиях найма. В 1897 г. было решено построить собственный приют для престарелых и детей. Строительство приюта началось в марте 1899 г. и завершилось к 25 июня того же года; в новый дом были

переведены престарелые женщины и дети из двух наемных помещений приютов. Новый приют обошелся попечительству в 12335 рублей.

Для сбора дополнительных средств для попечительств в Москве с 1908 г. ежегодно на вербной неделе, обычно в зале Благородного собрания, устраивался благотворительный базар. Попечительство Трындиных постоянно принимало участие в устройстве базаров, жертвовало вещи и наличные средства для проведения общей лотереи-«аллегри», за их счет на базаре организовывались и киоски, в которых устраивались различные игры. Средства, получаемые попечительством от этих базаров, из года в год росли: от 475 руб. в 1909 г. до 2357 руб. в 1914 году.

В сентябре 1914 г. при доме попечительства на средства членов совета и некоторых сотрудников попечительства был создан лазарет для раненых воинов на 10 кроватей с полным оборудованием. Продовольствие раненым из расчета по 40 копеек в день на человека и медицинский персонал были предоставлены Московской городской управой. Все остальные расходы, как то: добавочный расход по продовольствию, чай, сахар, мыло, стирка белья, добавочная плата сестрам милосердия, фельдшеру, прислуге, добавление комплектов белья и пр. – взяло на себя попечительство. Кроме того, из тех же пожертвований раненым при выписке из лазарета выдавались теплые вещи, белье и деньги.

С.Е. Трындин также внес большой вклад в строительство собственного дома для Московского Купеческого собрания в центре города (ныне театр «Ленком»), что явилось важнейшим событием для московского купечества, ибо именно там предпочитала проводить свободное время торгово-промышленная элита Москвы. Помимо работы в попечительстве и других

благотворительных организациях Трындины, бывшие одними из крупнейших землевладельцев Москвы, жертвовали городу довольно значительные земельные участки для устройства новых улиц и переулков.

Братья Трындины были ревностными старообрядцами, принимали непосредственное участие в старообрядческих общинах, помогали своими средствами и личными трудами в сооружении храмов и училищ. Династия Трындиных принадлежала к русскому старообрядчеству, «приемлещему священство». Вместе с представителями известных старообрядческих фамилий Морозовых, Рябушинских, Кузнецовых, Бутиковых, Солдатёновых и др. они входили в общину Рогожского кладбища. С.Е. и П.Е. Трындины были в числе учредителей Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища, зарегистрированной Московским губернским правлением 25 января 1907 г. Общее организационное собрание общины состоялось 1 апреля 1907 г., на нем был избран совет общины из 40 прихожан, наиболее достойных и видных деятелей не только старообрядчества, но и российского делового мира: председатель совета – И.А. Пуговкин, товарищи председателя – М.С. Кузнецов, П.П. Рябушинский. Сергей Егорович, с самого основания общины и до своей смерти в июле 1915 г., состоял в совете, постоянно делал пожертвования Рогожскому богадельному дому, а затем и старообрядческой общине, как деньгами, так и различными продуктами и изделиями, произведенными фирмой «Е.С. Трындина С-вей». Семья Трындиных, как и другие прихожане храмов Рогожского кладбища, делала вклады в виде комплектов церковной утвари, жертвовала различные продукты на содержание богадельни Рогожского кладбища.

Братья Трындины внесли большой вклад в развитие старообрядчества в России. Помимо участия в создании

Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища, они были в числе учредителей новообразованных в Москве старообрядческих общин: П.Е. Трындин – Тверской, а С.Е. Трындин – Остоженской, Николо-Смоленской и Тверской.

Конечно, это далеко не полный перечень трудов и заслуг Трындиных и их ближайших родственников на пути служения целям общественной пользы. Без преувеличения можно сказать, что Трындины, стремясь достичь процветания своего семейного дела, существенным образом содействовали и повышению благосостояния российского общества.

Иван Дмитриевич Сытин

Ива́н Дми́триевич
Сы́тин
(24 января (5 февраля)
1851, Костромская
губерния — 23
ноября 1934, Москва)
—
русский предпринимате
ль, книгоиздатель,
просветитель.

Портрет кисти А. В. Моравова, 1908

Иван Сытин родился в 1851 году в селе Гнездиново Костромской губернии. Его отец был старшим писарем в округе, однако страдал психическим расстройством, время от времени уходил из дома, бросал работу, скитался, в итоге лишился места работы. Даже тогда, когда отец работал, его заработка еле-еле хватало на еду. Иван учился в сельской начальной школе, однако особой тяги к учебе не испытывал. Он вспоминал: «Я вышел из школы ленивым и получил отвращение к учебе и книгам — так опротивела за три года зубрежка наизусть. Я знал от слова до слова весь псалтырь и часовник, и ничего, кроме слов, в голове не осталось».

Сытин так никогда и не получил университетского образования, он даже не окончил приходской школы. Однако, аттестуя его, известный кадетский публицист И.В.

Гессен писал, что «это был подлинный самородок с крепким самосознанием и большим честолюбием».

Иван обладал пытливым живым умом, практической сметкой, был не по годам силен и вынослив. Свою предпринимательскую деятельность он начал с того, что помогал дяде-скорняку торговать мехами на Нижегородской ярмарке. В 1866 году Сытин по знакомству был определен к московскому купцу П.Н. Шарапову, владельцу книжно-картинной и скорняжной лавочки на Никольском рынке. С этого началось его везение, которое его уже не покидало: Ивана приняли в семье Шарапова как родного.

До 18 лет Сытин «жил в мальчиках, затем семь лет вел торговое дело», которое, по его словам, кроме профессиональных навыков и физической работы ничего не давало.

Лавка Шарапова снабжала мелких торговцев традиционным товаром — песенниками, письмовниками, сказками, лубочными картинками, в основном, религиозного содержания. Однако, продавая эти широко распространенные издания, Сытин почувствовал огромные возможности издательского дела в России, наладил отношения с мелкими торговцами, превратившимися со временем в опытных книготорговцев, через которых позже распространял огромные тиражи книг, выпущенных его издательством. Тогда же Иван Сытин осознал, что крайне невыгодно выступать в роли посредника между печатниками и торговцами, при этом фактически находиться в полной зависимости от производителей печатной продукции.

Свои доводы в пользу открытия собственного издательства Иван изложил хозяину. И тот, не любивший нововведений, согласился с его аргументами и дал ему денег для приобретения собственной литографической

мастерской. Высококачественную литографическую машину Сытин купил во Франции, для работы в мастерской нанял небольшой квалифицированный штат: два печатника, несколько рисовальщиков, пять рабочих. Так, в двадцатипятилетнем возрасте с помощью П.Н. Шарاپова Сытин открыл в сентябре 1876 года небольшую литографию в районе нынешнего Кутузовского проспекта. Год спустя он перевел ее на Пятницкую улицу и расширил свое предприятие. Первая продукция мастерской Сытина — прекрасно выполненные литографии и лубочные книги на наиболее популярные среди простого народа темы — уже нашла спрос. И позже Сытин чутко улавливал настроения народных масс, так, в годы русско-турецкой войны 1877—1878 годов, его мастерская выпускала целый цикл батальных картин и карт военных действий. И.Д. Сытин вспоминал, как в день объявления войны он побежал на Кузнецкий мост, купил карту Бессарабии и Румынии и велел мастеру в течение ночи скопировать часть карты с обозначением места, где наши войска перешли через Прут. В 5 часов утра карта была готова и пущена в машину с надписью: «Для читателей газет. Пособие». Весь тираж карт тут же распродали. В дальнейшем, по мере движения войск, изменялась и карта. В течение трех месяцев лишь один Сытин продавал их, конкурентов у него не было. Заказов на печатную продукцию поступало множество, однако суммы денег, приходящие от реализации карт и картин, использовались очень рационально.

Со временем Сытин становится одним из наиболее известных издателей книг для народного читателя. В 1882 году его издательство удостоивается бронзовой медали на Всероссийской выставке.

1 января 1883 года у Ильинских ворот на Старой площади в Москве была открыта новая книжная лавка, ее

хозяином был Иван Сытин. Торговля шла так успешно, что уже через несколько месяцев Сытин и три его сотрудника заключили между собой договор об учреждении Товарищества «И. Д. Сытин и К"» с основным капиталом в 75 рублей. Это было одно из первых русских издательств акционерного типа. «Прилив капитала, — писал Сытин, — оживил молодое дело, и поле для предприимчивости и торговой инициативы сразу расширилось». Так, в 1910 году у Товарищества И.Д. Сытина только в Москве было два прекрасно оснащенных типографских комплекса, в издательстве работало более двух тысяч человек.

Товарищество ежегодно получало гигантскую прибыль за счет разницы между продажной ценой продукции и минимальной себестоимостью, и сверхприбыль — благодаря быстрой реализации и обороту капитала.

Е. Динерштейн пишет о Сытине: «Его биография вместе с тем есть и страничка истории русской книги, ибо в значительной мере благодаря его личным усилиям литература для народа, которую принято было называть «Ванькиной литературой», преодолев бессодержательность, стала явлением в культурной жизни страны». Лубочные издания и всевозможные календари долгое время приносили И.Д. Сытину широкую известность и постоянную прибыль, что дало в конечном счете возможность приступить к выпуску научно-популярной, практической, художественной и детской литературы. Сначала издательство выпускало типично народную литературу, как, например, «Еруслан Лазаревич». Но позже товарищество издает более серьезную, качественную литературу. Среди произведений, опубликованных товариществом, наибольшую популярность приобрели такие книги, как посмертное собрание сочинений Л.Н. Толстого, «Военная

энциклопедия», «Детская энциклопедия», труды, посвященные Отечественной войне 1812 года, крестьянской реформе 1861 года и др.

Сытин начал сотрудничать с «Посредником» — издательством, созданным небольшой группой людей, объединившихся вокруг Л.Н. Толстого. Благодаря Сытину, «Посреднику» удалось оперативно и широко развернуть свою деятельность, а Ивану Дмитриевичу, с помощью «Посредника», завязать знакомство с лучшими представителями русской интеллигенции — Л. Толстым, В. Короленко и др. В ноябре 1884 года издатель встречается с руководителем «Посредника» В.Г. Чертковым, другом Л.Н. Толстого, а с 1928 года с редактором его полного собрания сочинений в 90 томах.

Последующее десятилетие совместной работы с Чертковым Сытин называл «второй ступенью» своей жизни. Он говорил, что, благодаря сотрудничеству с ним, он «понял, что такое литература и, что значит быть издателем книг для народа». В больших тиражах дешевые книги «Посредника» с произведениями Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, В.М. Гаршина, Г.И. Успенского, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, А.И. Эртеля, К.М. Станюковича и др. распространялись по России, несмотря на противодействие властей.

Третьей ступенью жизни Сытина, по его признанию, было установление контактов с людьми, объединившимися вокруг либеральных «Русских ведомостей» и «Русской мысли».

Новое направление работы издательства Сытина — издание массовых газет и журналов («Вокруг света», «Нива», «Искра» и др.). Так, с 1887 года Иван Дмитриевич с помощью известного адвоката Ф.Н. Плевако стал издателем газеты «Русское слово», которая в начале 1917 года распространялась только по одной подписке в

количестве свыше одного миллиона. Такой успех изданию был обеспечен благодаря своей позиции: сочувственному отношению к революции 1905 года, протестам против национальной политики самодержавия. После Октябрьской революции газета была закрыта, а типография национализирована. Однако И.Д. Сытин принял новую власть и начал активно с ней сотрудничать. Автором первых книг и листовок, выпущенных им при Советской власти, был М. Горький.

Товарищество И.Д. Сытина издавало книги широкой тематики: школьные учебники, научно-популярные, прикладные и детские книги. Большими тиражами печатались произведения классиков русской литературы: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого. Много внимания уделялось юбилейным и энциклопедическим изданиям, календарям, красочным афишам и плакатам, картинам духовного содержания. Печатались в издательстве Сытина и портреты государя-императора. Некоторые исследователи склонны отмечать, что среди сытинских изданий было немало низкосортной литературы типа оракулов, сонников и т. п. Но их выпуск был во многом оправдан — к концу XIX века четыре пятых населения России было еще неграмотно.

Заслугой Сытина является то, что он всегда руководствовался правилом: нельзя ждать, когда крестьянин сам придет за книгой, книгу надо нести к нему. Сытин умело организовал путем предоставления широкого кредита целую армию офеней, разносчиков товаров такого рода. Более того, он снизил стоимость на основной вид народных изданий — листовку (брошюра в один печатный лист) до небывалой цены: 80 копеек за сотню, а продавали офени каждую из них не менее чем за копейку. Рентабельность в 25% была лучшим стимулом продвижения товара в самые глухие уголки России.

Сотрудник Сытина А.В. Руманов вспоминал, что, «когда кончился срок авторских прав на Гоголя, Сытину его контора представила проект издания полного собрания сочинений писателя в количестве 5000 экземпляров по 2 рубля за экземпляр; Сытин выслушал, надвинул очки на лоб, стал мусолить карандаш, что-то высчитывая на бумажке, и твердо заявил: «Не годится. Издадим двести тысяч по полтиннику».

Неслучайно в дни полувекового юбилея издательства Сытина в газетах писали об Иване Дмитриевиче, что «коммерция была для него средством, а не целью». Так как Сытин продавал свою продукцию по наиболее низким ценам, доступным самой бедной части населения, чтобы не разориться, он закупал за рубежом современное высокопроизводительное типографское оборудование, что позволяло существенно увеличить тиражи книг.

«Почему моя книга была дешевле? — говорил Сытин, выступая на совещании московских книгоиздателей в конце 1923 года. — Я покупал бумагу и вырабатывал ее самым дешевым доступным способом. Все наши писчебумажные фабрики, которые имелись в России, предлагали бумагу гораздо дороже, чем я имел. Я покупал бумагу в Финляндии и входил третьей частью в бумажную фабрику, которая на мою часть вырабатывала бумагу на тех условиях, которые делались только для меня. Они делали 10—15% скидку для бумаги, которая у меня шла на учебники. Мы типографскую работу делали в типографиях, в которые мы входили, которые вырабатывали, благодаря особенным машинам, необходимым техническим условиям на 50—60% дешевле, чем в других предприятиях. Ввиду этого я получал за 2,5—3,5 коп. букварь Вахтерова. 30% скидывал торговцу, 2,5 коп. платил автору, 2,5 коп. оставалось издателю». Сегодня бы назвали такую постановку дела глубокой

диверсификацией. Но тогда таких слов ещё не употребляли.

М.В. Сабашников на том же совещании подчеркивал, что «И.Д. Сытин создал универсальное предприятие с собственными типографиями и массой розничных магазинов. Его основной капитал был 3,5 млн рублей, годовые обороты достигали громадной цифры — 18 млн. рублей в год (1915 год). О среднем обороте капитала здесь говорить трудно при столь различных предприятиях, как газета или издание специальной научной книги. Имея свои типографии, Сытин прибегал к трем видам кредита: 1) бумажному, 2) банковскому и 3) подписочно-читательскому. Бумажные фабрики оказывали ему кредит до 6 месяцев. Что же касается подписчиков, то они давали Сытину значительные оборотные средства, поступающие в кассу до начала года. Как вывод относительно прежних форм, можно предположить: они создавались на кредите — бумажном, типографском, банковском и подписочно-читательском».

Добиться небывалого успеха в издательском деле Сытину удалось и благодаря постоянному стремлению к улучшению качества изданий, в частности лубочной литературы. Однако были и неудачи. В начале 80-х годов он выпустил несколько лубков — картин скульптора М.О. Микешина, автора проектов памятников «Тысячелетие России» в Новгороде, Б. Хмельницкому в Киеве и др., хотя особым успехом они не пользовались. В 1914 году он пригласил к работе над лубком группу художников во главе с Н.К. Рерихом, однако покупатели не приняли модернизированный лубок (кроме работы Рериха «Враг рода человеческого»).

Сытин привлекал к работе только лучших мастеров типографского дела, художников, никогда не торгуясь с

ними в цене, требуя от них лишь одного — высокого качества работы.

К изданию литературы любого содержания Иван Дмитриевич старался относиться максимально требовательно. Так, он смог превратить календари в подлинные «народные энциклопедии». Учебную литературу сделал доступной для детей всех сословий и привлек к написанию букварей и учебников лучших педагогов и ученых (многие годы он поддерживал деловые отношения с Толстым, Чеховым, Горьким, Эртелем, Кони, Морозовым и другими русскими писателями, учеными, педагогами). Сытин попытался даже создать общество «Школа и знание», которое выпускало бы не только доступные по цене книги для простого люда, но и пособия для сельского учителя (более 400 подобных изданий товарищество выпустило до Октябрьской революции, некоторые из них переиздавались и позже).

И.Д. Сытин организовал целую сеть оптовых складов и книжных магазинов. Фирменные магазины товарищества были расположены во многих крупных городах: четыре — в Москве, два — в Петербурге, по одному — в Варшаве, Киеве, Воронеже, Ростове-на-Дону, Одессе, Харькове, Екатеринбурге, Иркутске, Нижнем Новгороде. Благодаря такой широкой сети магазинов и складов, а также широким связям с другими книготорговцами, Сытин не только наладил сбыт своей продукции, но и получал достаточно полные сведения о реализации продукции и вносил изменения в план выпуска изданий.

Чтобы оградить себя от социальных конфликтов, предприниматель старался создать рабочим хорошие условия труда. Он много сделал для открытия при издательстве бесплатной школы техники рисования и литографского дела, в которой обучались наиболее

одаренные дети рабочих и служащих, руководил школой академик Н.А. Касаткин.

А. Лопаткин пишет: «Иван Дмитриевич Сытин создал совершенно новый для России тип крупного коммерческого печатно-издательского предприятия, поставил на поток производство массовой литературы для простого народа. Товарищество И.Д. Сытина, по числу названий и тиражу выпускаемой литературы, прочно занимало первое место среди русских издательских фирм. Так, в 1909 году им было выпущено 900 названий при тираже 12,5 миллионов экземпляров. Это составляет более 14 процентов всего, что было произведено на русском книжном рынке. А за период с 1881 по 1909 год издания Товарищества разошлись тиражом около 300 миллионов экземпляров».

Иван Дмитриевич ставил конечной целью своей деятельности создание первого в России концерна, который бы печатал свои книги на своей бумаге, на своих машинах и продавал продукцию в своих магазинах.

Сытин мечтал создать «Дом книги», первый в России учебно-производственный комбинат для совершенствования и развития книжного дела. Для реализации этой идеи он основал «Общество для содействия улучшению и развитию книжного дела в России». В короткий срок общество собрало более миллиона рублей и купило на Тверском бульваре обширный земельный участок для строительства здания.

С легкой руки известного в прошлом публициста Г.С. Петрова, Сытина часто называли «русским самородком». Природа, бесспорно, наделила Ивана Дмитриевича многими талантами, но тем Сытиным, которого знала не только вся Россия, но и весь мир, он сделал себя сам. Счастливая судьба свела его с крупнейшими писателями, учеными, педагогами страны. Он был сыном своего

времени и в достижении жизненной задачи шел, казалось бы, теми же самыми путями, что и все его коллеги-издатели. Их различала только масштабность мышления, деловитость и характер цели, достижению которой Сытин посвятил жизнь. Говоря о его личных качествах, следует прежде всего отметить свойственные ему чувство юмора, способность самокритично оценивать свои действия и определенную твердость, которая ощущалась всегда и во всем.

Один из его сотрудников, педагог Н.В. Тулупов, отзывался о хозяине как отзывчивом и добром человеке: «Говорю это не по отношению к себе, нет. Отзывчивым и щедрым человеком он был и вообще к сотрудникам и рабочим. Правда, в обращении он был часто несдержан и грубоват, но по душе, повторяю, он был прекрасный человек».

Иван Дмитриевич Сытин продолжал работать и после Октябрьской революции, в качестве консультанта в Госиздате. Однако новой власти оказались не нужен ни он сам, ни печатаемые им книги.

После революции нишу Сытина на издание массовой литературы сразу заняло государство, процесс огосударствления книгоиздания начался именно с этого сектора литературы. Поэтому предпринимателю пришлось отказаться от выпуска своих традиционных книг. Под жесткий контроль государства был взят выпуск учебников. Иван Дмитриевич вынужден был пересмотреть весь ассортимент своей продукции.

Московский совет попытался сразу после Октябрьской революции экспроприировать газетную типографию Сытина для выпуска собственной газеты. Протестуя против этого решения, нарком просвещения А.В. Луначарский писал: «Конфискация этой типографии наносит столь сильный удар издательству Т-ва Сытина,

что почти, наверное, приведет к его закрытию, а вместе с тем и к безработице для 2000 лиц». Нарком предлагал Моссовету вернуть предприятие ее владельцу, который готов был предоставить в его распоряжение машину для печатания газеты, причем, по себестоимости, дать для этого и необходимую бумагу. Однако вмешательство Луначарского оказалось бесполезным — вскоре после переезда правительства в Москву типография Сытина была национализирована для нужд «Правды» и «Известий». Правда, в распоряжении Ивана Дмитриевича какое-то время оставались две другие типографии в Москве и Петрограде.

23 октября 1918 года Моссовет издал решение о муниципализации книжного дела. Ни покупатели, ни издатели не были в восторге от этой меры. В Наркомпрос поступали протесты учителей провинциальных школ, закупавших учебники в московских магазинах. Возмущались, естественно, издатели и книготорговцы. Все эти ходатайства возымели свое действие: наркомат государственного контроля заинтересовался процессом муниципализации. По мнению контролеров, книжные магазины были необоснованно «экспропрированы» у Сытина и других издателей. Выводы контролеров вызвали возмущение в Моссовете. В частности, в объяснительной записке Московского Совета было сказано, что своими лубками Сытин долгие годы «отравлял русский народ».

В итоге было принято постановление Малого Совнаркома, по которому Моссовету предлагалось пересмотреть решение Межведомственной комиссии и изъять из продажи все прежние издания лубочной литературы бывших фирм Сытина и других, «не отвечающие потребностям и задачам современной социалистической пролетарской культуры». 19 мая 1919

года Совнарком за подписью В.И. Ленина подтвердил это решение.

Хозяевам частных типографий, в том числе и Сытину, приходилось искать компромисс с властями, так как они полностью зависели от государственных заказов. Понеся от конфискованных изданий огромные убытки, Сытин пытался компенсировать потери, осовременив ассортимент своей продукции. Он обратился в Госиздат с просьбой разрешить ему выпуск «Народного экономического календаря на 1920 год». Издает комплекты портретов русских писателей и «Картин из детской жизни», хотя для их выпуска потребовался вагон бумаги.

В конце 1919 года после национализации основной типографии на Пятницкой улице Сытин превратился из ее владельца в заказчика. Поэтому ему приходилось просить Госиздат напечатать в своей бывшей типографии 15 детских книжек (тиражом по 10 тысяч экз.) и закончить печатание 16 книжек Л.Н. Толстого (таким же тиражом) для школьников.

Он просил разрешить ему и Розинеру (управляющий издательства «Товарищество А.Ф. Маркс») поездку в Финляндию за свой счет. Там он планировал наладить печатание учебников и других книг, разрешенных и одобренных Госиздатом и Наркомпродом с матриц, изготовленных с набора в: Москве, а также хлопотать о предоставлении финской стороной бумаги. Однако Совет труда и обороны принял указ: «За невозможностью купить большое количество бумаги вопрос о поездке тт. Сытина считать излишним». Тогда Иван Дмитриевич заключил договор с Московским отделом народного образования на переиздание своих старых учебников (издание новых было монополией Госиздата).

Сытин терял одно приобретение за другим. 10 мая 1920 года по распоряжению Госиздата у него без всякого

вознаграждения было конфисковано 45 тысяч пудов бумаги. В 1922 году было национализировано издательство под предлогом нового толкования старого, уже отмененного декрета.

Конфликт издателя и государства рассматривался во ВЦИКе. В итоге было принято решение значительную часть имущества Сытина сохранить, но как издатель он мало что выиграл.

Пошли слухи, что Иван Дмитриевич после неудачных попыток организовать крупное издательство в Советской России перенес свое издательство в Берлин. Однако предприниматель не располагал достаточными для того средствами, а на компаньонов не мог рассчитывать.

В конце 1923 года состоялось московское совещание книгоиздателей, на котором говорилось о необходимости удешевления книги, о способах удовлетворения потребностей населения в книге, особенно малообеспеченных его слоев.

Сытин, напомнив участникам семинара о начале своей деятельности на книжном поприще, заметил, что в те годы «основная толща народа не умела еще читать, смотрела на книгу, как на прихоть. Нам нужно было приучить читателя. Меня очень поддерживало внимание интеллигенции, широких кругов литераторов и ученых. Собственных средств на большое дело, конечно, не хватало. Помогли банки и популярная газета. Без финансирования книжные дела и сейчас не пойдут. Нужно привлечение значительных средств, чтобы сделать книгу доступной.

Сытин участвовал в работе практически всех комиссий, образованных совещанием. В результате был подготовлен проект постановления о льготах для издателей и книгопродавцев. Однако это предложение

было опротестовано Агитпропом ЦК и не было реализовано.

Не сдаваясь на милость все новым трудностям, Иван Дмитриевич продолжал стремиться к сотрудничеству с новой властью. 28 сентября 1922 года он обратился к руководству Госиздата с предложением шире развернуть издание массовой литературы. «Уже 55 лет я служу русской книге, — писал Сытин. — За это время мне удалось создать самую мощную в России фабрику книгопечатания и отыскать пути для дешевой народной книги в наиболее темные и далекие углы. С открывшейся возможностью для нового культурного строительства возглавляемое мною книгоиздательское товарищество вновь намерено приступить к изданию народных книг, с коих оно в 1893 году начало свою деятельность и в коих в широких слоях народа чувствуется наибольшая потребность. По типу эти издания будут иметь сходство с тем лубком, который издавался нами раньше, но в корне реформированы, и хотя по цене по-прежнему копеечные, но по содержанию и внешности несомненно художественные. Россия бедна и не любит тратиться на книжку, потому общедоступная копеечная книжка, в один, два, три листа, как показал мой многолетний опыт, является единственным лучом света. Список авторов и произведений для первой серии при сем представляю и покорнейше прошу Вашего разрешения на печатание их. Из него Вы видите, что в задуманный нами цикл народных изданий входит исключительно классическая литература. Снабженные рисунками, виньетками и заставками и набранные крупным шрифтом, эти книжки будут полезны для взрослых и для внеклассного чтения детей».

Сытин не зря ходатайствовал. 17 октября 1922 года. Редсектор решил «приступить к переизданию лубков из выпущенных ранее Т-вом Сытина» — «Хаз-Булат удалой»,

«Песня про купца Калашникова», «Ухарь-купец», «Ванька-ключник», «Ой, полна, полна моя коробушка...», «Солнце всходит и заходит...» и др.

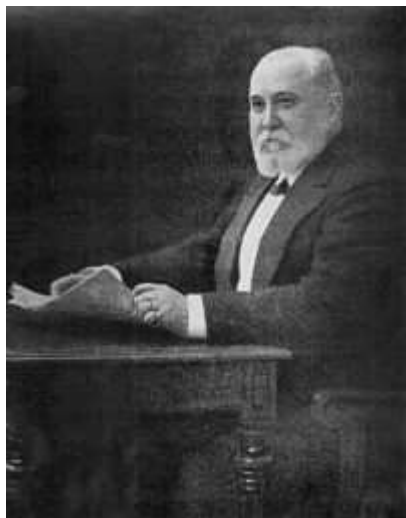
Однако это все были слабые уступки издателю, имевшему большой авторитет в книгоиздательской среде. «Товарищество И.Д. Сытина» все больше и больше сворачивало работу. Лишь петроградское издательство, бывшее А.Ф. Маркса, широко развернуло свою деятельность (выпускало в основном остросюжетную зарубежную литературу, например, «Гарзана» Э. Берроуза). 11 декабря 1924 года Президиум Центрального бюро Совпартиздательств принял постановление «О частных издательствах», в котором было предложено правительству усилить контроль и цензуру «в отношении частноиздательской продукции» и всеми способами вытеснять частника с книжного рынка.

Сытин первым применил прямые продажи, использовал обратную связь и имиджевую рекламу, создал собственную дистрибьюторскую сеть. Его девизом было: «Дорогую книгу удешевить, а дешевую — улучшить».

Но не один только коммерческий успех выделял Сытина из толпы его конкурентов. Ему первому удалось приучить широкие массы русского народа к чтению серьезной литературы. При этом Сытин шел на серьезный финансовый риск: почти два года выпускаемые им дешевые издания Льва Толстого, Лескова и других творцов русского слова не находили широкого сбыта и были откровенно убыточными.

В 1927 году Совнарком назначил Сытину персональную пенсию. Скончался И.Д. Сытин 23 ноября 1934 года и был похоронен на Введенском кладбище Москвы.

Фарфоровые короли Кузнецовы

Матвей Сидорович
Кузнецов

Родоначальник династии:
Яков Васи́льевич Кузнецов
(1761,
д. Новохаритоново, Гжельс-
кая волость, Бронницкий
уезд — 1816) — удельный
крестьянин,
предприниматель,
основатель династии
«фарфорофаянсовых
королей» России.

Основатель рода Яков Кузнецов происходил из семьи старообрядцев поповского согласия. Поначалу он звезд с неба вроде бы не хватал. Мужик как мужик, прижимистый, копейку складывал к копейке и жил не только тем, что пахал да сеял, иногда приторговывал лесом. Громадный дом Якова с дымной кузницей стоял на отшибе между деревнями Речица и Новохаритоново. Окрестный люд заворачивал сюда ковать лошадей, брал в долг косы, топоры, тележные оси. Тут же оставались на ночь гульнуть. Благо места, выпивки и закусок у хозяина хватало. А сыновья Терентий и Аким подавали на стол хоть до третьих петухов.

Может, из-за ночных этих кутежей и пошел слух, будто Яков Васильевич не то у себя в доме, не то на глухой лесной дороге убил и ограбил богатого купца. Так

это или не так, но вскоре Яков с сыновьями принялись ставить невиданный сруб на берегу речки Дорки возле околицы деревни Гжель.

Едва стихла топорная звень, как плотников сменили каменщики. Допоздна сюда тянулись возы с кирпичом, глиной, шпатом. Потом из труб от двух горнов в небо взмыли огненные смерчи. Так начался первый фарфоровый завод Кузнецовых. Было это за два года до нашествия Наполеона в 1810 году. Кто и как надоумил Якова взяться за фарфор, о котором он не имел представления, никто не знает.

Буквально через два года завод работал на полную мощность. На предприятии производилась типичная для Гжели продукция, недорогой товар, рассчитанный на среднего покупателя: характерные чашки с блюдами, тарелки с «бусом» по краю, полусферические полоскательницы, мелкая пластика. Гжель исстари славилась своим керамическим производством, поэтому открытие нового маленького заводика ещё не предвещало появление мощной «кузнецовской» индустрии.

Постепенно Яков Васильевич вовлек в дело своих сыновей: Терентия и Анисима, которым сумел также привить предпринимательскую смекалку.

Через два года главой предприятия стал Терентий. Его уже не устраивали примитивные отцовские горны. Новый завод решил пустить не в Гжели, а там, где за работу мужикам можно платить поменьше, а лесов много. Таким местом оказались пустоши у деревни Ликино, принадлежавшие обедневшему помещику Сарычеву. Терентий скупил их и начал готовиться к большой стройке.

Этапным для Терентия Кузнецова стал 1832 год, когда заработал завод в Дулево. Здесь были уже живописный цех, помещения для сортировки изделий, просторные

склады. Все бы хорошо, но соперником у Кузнецова был фабрикант А.Г. Сафонов из села Коротково с его талантливыми мастерами росписи. Они владели секретами приготовления красок и фарфоровой массы. Тона выбирали сочные, яркие - бархатный кобальт, синий, розовый, желтый, темно-малиновый. И светло-коричневый.

Позже их технология описывалась так: "Сначала мастер покрывал тонким слоем краски все изделие, затем расчищал белые полосы-резервы, которые оставлял для росписи. Для отделки дорогой посуды использовали золото: яркое, полированное и матовое с большим содержанием драгоценного металла. Гравировали твердым агатом. И тогда "читалась" каждая деталь яркой росписи, тонкий узор рисунка, красивый орнамент".

Постичь это искусство Терентию не хватило бы всей жизни, поэтому так и эдак охаживал он Сафонова до тех пор, пока не арендовал у него, а затем и не выкупил производство. Выкупил, расширил его, число рабочих достигло 400 человек. Хозяином всего этого богатства стал сын Терентия - Сидор Кузнецов. Он закрыл завод в Коротково и перевел мастеров в Дулево.

Кроме этого предприятия, Кузнецов-младший имел в Риге фарфоро-фаянсовый завод, где велось массовое производство столовой и чайной посуды. Трудились здесь мастера из Гжели. Владения свои Сидор Кузнецов исподволь готовился передать своему сыну Матвею. Деловую жилку прививал ему с детства, наукам Матвея обучали дома. В 15 лет отец отрядил наследника в Ригу изучать тонкости фарфорового дела и управления производством. К домашнему образованию Матвей добавил в Риге курс коммерческого училища.

Женился Матвей в 19 лет и стал счастливым отцом семерых сыновей и одной дочери. Главной своей целью он

считал объединение всех частных фарфоровых заводов России. Однако не так просто было сломить преуспевающих конкурентов. В Тверской губернии работало прекрасное предприятие А.Я. Ауэрбаха, где было занято 7 тысяч рабочих. Здесь создавались уникальные произведения. Особенно хороши были столовые приборы, изукрашенные растительным орнаментом: открой крышку супницы - и на дне заколышутся листья клена или дуба. Взлетом творчества художников стал сервиз для лучшего царского дворца в Твери.

Матвею удалось купить этот завод, и он сразу же начал перестраивать его. Число рабочих удвоилось. Ко второй половине XIX века Матвей Кузнецов стал крупнейшим поставщиком фарфора, фаянса, майолики и других видов изделий на мировом рынке.

Как часто сыновья проматывают нажитое отцами! Считается, природа отдыхает на таких наследниках. Ничего подобного с кузнецовским родом не происходило. Они работали из поколения в поколение с нарастающим упорством.

Матвею Кузнецову принадлежало уже 18 лучших предприятий России. В 1889 году было учреждено "Товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова" с правлением в Москве. Однако окончательная цель еще не была достигнута.

Костью в горле Матвея торчало знаменитое предприятие Ф. Гартнера. Купец Френсис Яковлевич Гартнер прибыл в Россию из Англии еще в 1746 году. В селе Вербилки на землях князя Урусова он наладил фарфоровое дело. Его столовая посуда с росписью в светло-зеленых и серо-зеленых тонах в сочетании с красным или светло-желтым славилась по всей Европе и конкурировала с изделиями саксонских мастеров.

И вдруг дела Гартнера пошли худо. Ходили слухи, что не обошлось без козней М. Кузнецова. Так ли это или нет, но в апреле 1892 года гартнеровский завод стал его собственностью.

Матвея спрашивали: "Как вам удалось зарезать самого Гартнера?" - а он раскатисто хохотал и отшучивался: "Сначала дед мой топором зарубил купца, а с ножом уже легче, Гартнер даже не пискнул". И так излагал историю предка, что в нее уже никто не верил. Вышибал клин клином.

Завод Гартнера обошелся в 238 тысяч рублей. Вместе с ним "Товариществу" отошли 300 десятин земли. За 5 тысяч были куплены все фабричные модели, формы, рисунки, образцы. Приобретя завод и земли, Кузнецов купил и громкую марку Гартнера вместе с товарным знаком. Был даже заключен особый договор, согласно которому Кузнецов имел право ставить на изделиях, вывесках, счетах герб и фирменный знак бывшего владельца, его награды и медали выставок.

Вот так Кузнецов стал монополистом фарфорового производства. На его долю теперь приходилось две трети всех изделий. Особенно популярными стали изразцы для печей, при изготовлении которых соблюдался стиль древнерусского лубка. Такие печи превратились в подлинные произведения искусства, стали украшениями домов.

"Товарищество" торговало не только на 12 российских ярмарках, но и в Персии, Турции, в балканских странах. Кузнецовский фарфор вытеснил на Ближнем Востоке изделия европейских поставщиков. Газета "Варшавский дневник" в 1886 году по случаю открытия магазина Кузнецова писала:

"Чем же объясняется такое широкое развитие фарфоро-гончарного производства, которому

высокопочтенный Матвей Сидорович посвятил всю свою энергию и деятельность?.. Тем, прежде всего, что светлый самородный практический ум Матвея Сидоровича понял и оценил, какого высокого знания заслуживает эта отрасль промышленности, в которой ремесло соединяется с искусством и в которой нельзя уйти вперед и отличиться, если при совершенном знании технической части нет изящного вкуса, свойственного артистам".

О темпах, какими развивалась отрасль, можно судить по заводу в Дулево: если в 1866 году его оборот составлял 115 тысяч 200 рублей, то в 1884-м вырос до 500 тысяч. В начале XX века здесь было 8 печей для обжига посуды, три паровые машины мощностью в 530 лошадиных сил, двадцать муфельных печей. Число рабочих достигало 2335 человек. Когда пустили Нижегородскую железную дорогу, завод оказался на оживленной магистрали, всего в 8 верстах от станции Дрезна, и это дало Кузнецову новые возможности.

Дулевские изделия считались одними из лучших в Европе. Успех обеспечивался за счет исходного материала высшего сорта и специальной обработки массы. Суть заключалась в том, что глина на протяжении целого года содержалась в подвалах, где проходила "летование", т.е. под атмосферным воздействием обретала пластичность. Другой секрет - топливо. Им был торф, сезон добычи которого надо было непременно закончить до 20 июля. Тот, что брался позже, не успевал хорошо просохнуть и в дело не годился.

Главный успех к Кузнецову пришел потому, что со своими изделиями он появился в каждом доме. Для крестьян у него товар был дешевый, не очень броский, горожане скупали сервизы средней цены, но по росписи похожие на дорогие "дворянские". Кроме того,

выпускалась посуда "трактирная", для ресторанов. Ну и, конечно, очень дорогие наборы для знати.

При этом Матвей Кузнецов глаз не спускал с мирового рынка. В 1910 году фирма "Фор" выпустила во Франции автоматы для формовки кофейных и чайных чашек с толстыми небьющимися стенками. Кузнецов тут же закупил партию этих автоматов и установил в Дулеве, потом в Гжели. На исходе XIX века в Европе фарфор принялись не раскрашивать, а наносить рисунок переводными картинками. И эту новинку Кузнецов быстро освоил на своих заводах, наладив производство собственных переводных картинок 900 наименований. Ему удалось вытеснить с рынков Персии, Афганистана, Монголии и других стран Азии фарфор из Англии, Германии и Франции.

Где же тот кузнецовский фарфор теперь? В домах почти ничего не осталось, только в музеях. В Твери хранится прекрасная коллекция: чашки, тарелки, блюда из сервиза, формы для рыбы, лоток для сыра, масленки, шкатулки. В Новодевичьем монастыре и музее "Коломенское" сохранились изразцы для печей, которыми нельзя не залюбоваться. Там же хранится сборное панно "Жар-птица", некогда украшавшее камин в доме Кузнецова на Басманной улице. Оно переливается всеми цветами радуги.

Кузнецовы были активные «борцы» против иностранной конкуренции. Сам Матвей Сидорович Кузнецов, «фарфорофаянсовый король России» в 1883 году ходатайствовал перед министром финансов об «ограждении» отечественной фарфорофаянсовой промышленности повышением таможенных пошлин на ввоз иностранных товаров. В своей предпринимательской деятельности Кузнецов особое внимание уделял

соединению производства и науки. Так, Кузнецовы были в числе организаторов торговой экспедиции в Монголию.

Все без исключения Кузнецовы были членами старообрядческой общины Рогожского кладбища, а Матвей Сидорович — председателем этой общины. Фабриканты Кузнецовы при приеме на работу предпочтение отдавали старообрядцам. В своих фабричных поселках они построили 7 старообрядческих церквей, 4 молитвенных дома, 6 школ, 7 больниц, богадельню, несколько спортивных плацев, бань и многое другое (в частности, была специальная касса «невест» на кузнецовских предприятиях). Однако старообрядец Кузнецов учитывал и интересы своих православных рабочих. В основном на его деньги и на его земле был построен первый деревянный храм Иоанна Богослова в г. Ликино-Дулево Московской обл. (в те времена местечко Дулево Владимирской губ.). Позже опять же на его деньги был выстроен каменный храм.

Дети Кузнецова воспитывались в традиционных православных канонах. Как свойственно купеческому сословию, все дети стали продолжателями семейного дела. Матвей Сидорович научил детей не только делу, предпринимательской смекалке, но и научил их жить в традициях и заповедях предков. Они достойно управляли фирмой вплоть до 1918 г., когда Кузнецовы были вынуждены уехать в Ригу, так как их дальнейшее пребывание в Москве было небезопасным. В 1920 г. был осужден ВЧК на 15 лет Николай Николаевич, внук Матвея Сидоровича. Под волну репрессии попали также Георгий Матвеевич с племянником Николаем Александровичем. Они были арестованы как «латвийские шпионы» за переписку с родственниками, и вместе с женами сосланы в Сибирь. После установления в Латвии Советской власти в 1940 г. предприятие Кузнецовых было национализировано

и там. В конце 1940 г. директором фабрики назначили Г. Г. Круглова, бывшего кузнецовского химика. Предприятие стало подчиняться тресту силикатного промышленного Наркомата местной промышленности Латвийской ССР.

Мальцовы

Юрий Степанович.
Нечаев-Мальцов⁸

Род Мальцовых происходит от Богдана Афанасьевича Мальцова, записанного в числе дворян и детей боярских в 1634.

Его дети Автомон, Кирей и Юрий в 1670 году служили по Чернигову городовыми дворянами.

Их потомки - богатые за заводчики, Аким и Фома Мальцовы.

В 1881 г., по смерти И. С. Мальцова, фамилия передана была его племяннику, Юрию Степановичу Нечаеву.

Не всем известно, что многие города России своим образованием обязаны предпринимательству. Например, Город Гусь-Хрустальный обязан своим происхождением и существованием хрустальной фабрике, полтора столетия принадлежавшей купеческо-дворянскому роду Мальцовых. История города превращается, по сути, в семейную хронику. Родоначальником династии считается Богдан Мальцов из г. Чернигова, имя которого в 1634 г. было внесено в Общий гербовник дворянских родов. История «стекольной империи» Мальцовых начинается с его правнука, рыльского купца гостиной сотни Василия

⁸ <http://book33.ru/wp-content/uploads/2013/12/Ю.С.-Нечаев-Мальцов.png>

Васильевича (Большого) Мальцова. В 1723 г. Назар Дружинин из Гжатска и Сергей Аксёнов из Калуги завели под Москвой, в Карачевском и Можайском уездах, стекольное дело - завод, выпускающий бутылки (ведерные и полуведерные), оконное и зеркальное стекло. В «компанейщики» для расширения дела приняли они «гостиной сотни города Ряжска торгового человека» Василия Мальцова. В 1730 году после смерти компаньонов он и его младший брат (Василий Меньшой), становятся главными содержателями фабрик.

Тогда же, в конце 30-х годов XVIII века стекольное производство Мальцовых стало одним из крупнейших и известнейших в России.

В 1743 году, после смерти младшего брата, Василий Васильевич (Большой) Мальцов становится полным хозяином производства. А после смерти Василия Мальцова в 1746 г. семейное дело было разделено между его сыновьями Александром и Акимом — в Можайском уезде и Василием — в Карачевском. Два других сына, Иван и Григорий, занялись торговлей и напрямую к стекольному делу отца не были причастны.

Александр и Аким, вступив в права наследства, купили сельцо Новое в Можайском же уезде и стали строить новую фабрику. Однако тут возникло одно препятствие, ставшее косвенной причиной рождения Гусевского хрустального завода: Указ Сената от 23 ноября 1747г. гласил: «снести винокуренные, медные, железные и стекольные заводы в пределах г. Москвы и от Москвы в двухстах верстах». Указ принят был после экспедиций Академии Наук по изучению и сохранению природных богатств России. Для братьев Мальцовых это означало поиски новых земель для предпринимательства.

В 1750 г. Александр перевел свою часть хрустальной фабрики в Трубчевский уезд (ныне Брянская область). Аким же обосновался в 230 верстах от Москвы и в 90 верстах от Владимира. В Мещерском краю, на речке Гусь (от угро-финского «куси» — ель), купил он у саранского помещика Николая Симонова село Никулино с землями. В 1756 г. в лесном урочище Шиворово начали валить лес и строить завод. Из-под Можайска сюда переселились и мастера с семьями — «74 мужских и 82 женских души». Так было положено начало поселку и будущему городу. В 1759 г. Аким построил и второй завод — оконного стекла.

В 1760-е годы Фома Васильевич Мальцов, следуя успеху брата, тоже начинает активно развивать стекольное производство. В 1764 году Фома основал стеклянную и хрустальную фабрику при речке Ястреб (Судогодская ф-ка), а в 1775 году — Золотковскую фабрику в сельце Золоткове, которая делала посуду «хрустальную со шлифовкой, рисовкой и мулевкой». К началу XIX века Фома Мальцов владел пятью заводами, расположенными во Владимирской губернии.

В середине 60-х годов XVIII века дальнейшее расширение мальцовских предприятий встретилось с серьёзными затруднениями. По указу Екатерины II лица недворянского происхождения не имели права на покупку недвижимого имущества и заведение фабрик. Предприимчивые Мальцовы, вспомнив старинную родословную, стали хлопотать о дворянстве и добились своего. Первым дворянином в роду Мальцовых в 1760 году стал сын Ивана — родного брата Акима — инспектор таможи в Кременчуге Василий Иванович Мальцов. Его брат Савва Иванович Мальцов, получив в 1766 году чин коллежского регистратора, также вошел в дворянство.

В 1775 году Аким и его двоюродный брат Фома также «восстановились» в дворянстве. Переход в дворянское

сословие давал огромные возможности для промышленного предпринимательства. А удачно выбранное место с изобилием сырья и леса, близостью рек и торговых городов Москвы и Нижнего Новгорода оказалось залогом быстрого и успешного развития стекольного дела. Мальцовы скупали громадные земельные, лесные угодья, крестьян, тем самым закладывая основы для строительства будущих фабрик. К концу XVIII века семейство Мальцовых владело 16-ю заводами.

В 1785 году после смерти Акима Васильевича Мальцова его вдова Марья Васильевна выкупила у Евдокии, вдовы Александра Васильевича Мальцова, Радицкую и Карачевскую фабрики и решила расширить производство. В 1790 году в лесу поблизости от деревни Дятьково Марья Васильевна построила стекольный и хрустальный завод, продукция которого уже в 1796 году не уступала изделиям славившегося тогда Гусевского хрустального завода.

В 1798 году предприятие перешло Ивану Акимовичу Мальцову, при котором в России создается целая промышленная империя с центром в Дятьково. Дело отца в 1853 году продолжил сын Сергей. В мальцовском заводском округе на землях Калужской, Орловской и Смоленской губерний трудились 100 тысяч человек, производя машины всех видов, стройматериалы, мебель, сельхозпродукты и т. д. Там даже ходили свои деньги, была своя полиция, своя железная дорога в 202 версты и своя система судоходства. Для содержания и развития своих владений Сергей Иванович Мальцов в 1875 году учредил Мальцовское промышленно-торговое товарищество с правлением в Дятьково.

После смерти Акима Васильевича Мальцова заводом в Гусе некоторое время управляла его жена, а затем старший сын — Сергей Акимович Мальцов. При нём постепенно

увеличивающееся вместе с заводом село стало называться Гусь-Мальцевским. После него заводом владел его сын Иван Сергеевич, единственный участник дипломатической миссии в Персии оставшийся в живых. В качестве компенсации России за произошедшую трагедию Персия разрешила ему беспошлинную торговлю хрусталём, что способствовало не только расширению производства, но и созданию новых технологий: производству изделий золотистого и серебристого цветов, имевших большой спрос в Азии.

Иван Сергеевич Мальцов также делает производство стекла более дешёвым, переняв опыт у чешских мастеров. Благодаря этому изделия Гусевского хрустального завода приобретают всё большую популярность как в России, так и за её пределами. Они удостоиваются высших наград на всероссийских выставках и даже бронзы на Всемирной выставке в США. До 1860 г. Мальцевы выпускали более половины совокупного объёма стекольной продукции, а после 1860 г., когда рынок стал более конкурентным, занимали пятую долю рынка.

Сравнимую прибыль (50-60 %) давало в то время только новое для России свекольно-сахарное производство. Экономическая блокада Англии, главного поставщика тростникового сахара, послужила толчком развития новой отрасли. Отсутствие поставок сладкого сырья вынудил искать пути его замены, и тут заводчики обратили внимание на сахарную свеклу. Иван Акимович Мальцов выстроил первый в России паровой сахарный завод в Любохне, а к 1857 г. среди активов династии было уже девять сахарных заводов, на которых вырабатывалось 27 950 пудов сахара в год.

Но настоящий прорыв был связан с промышленным переворотом, на волне которого Мальцевы основали сначала бумагопрядильное, затем ткацкое, а впоследствии

паровозостроительное, и машиностроительное производство. В этом большая заслуга Сергея Ивановича Мальцова, генерала и предпринимателя, рискнувшего на основе достижений легкой промышленности создать с нуля тяжелую индустрию. Ему удалось создать в рамках одного округа самобытное национальное производство, на которое многие предприниматели смотрели как на образец отечественных фабрично-заводских предприятий.

Человек европейского склада мыслей, И.С. Мальцов устраивает свои фабрики и фабричную жизнь на европейский лад: строит для рабочих больницу, аптеку, училище для детей мастеровых, щедро благотворит. Строит «на Гусю» — одним из первых в России — рабочий поселок с добротными домами, которых к 1861 г. было около 40, а общее число составило 427. Население при фабриках растет. К каменному храму во имя Иоакима и Анны, построенному в 1816 г. Сергеем Акимовичем и ставшему тесным для прихожан, пристраивают в 1850 г. колокольню и теплую трапезную, во имя Св. Троицы, а в 1871 г. весь храм становится теплым.

И.С. Мальцов, некоронованный король русского хрусталя, дипломат, камергер двора, действительный тайный советник, кавалер почти всех русских и многих иностранных орденов, скончался в 1880 г. в Ницце, не оставив прямых наследников. Его многомиллионное состояние и промышленные предприятия перешли к племяннику, сыну сестры Софьи, Юрию Степановичу Нечаеву (1834 — 1913), принявшему фамилию Нечаев-Мальцов. За тридцать с небольшим лет он сумел сильно продвинуть производство, одновременно снискав себе славу щедрого мецената. На Гусевской хрустальной фабрике он внедряет передовые технологии, обогатившие художественный образ хрусталя,— технику «галле», «миллифiori», «ирризация», «люстр»; механизированные

линии «алмазной грани» и кислотной обработки. Гусевский хрусталь берет золотые медали на Всероссийских мануфактурных выставках, бронзовую медаль на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.

На своих фабриках продолжает Нечаев-Мальцов строительство каменных домов-коттеджей для рабочих и служащих, заводит церковноприходские школы. По завещанию дяди строит он в губернском Владимире прекрасно оснащенное ремесленное училище. Многие годы Юрий Степанович был почетным Членом, а затем вице-президентом Академии Художеств. Самым значительным вкладом мецената стал Музей изящных искусств, созданный И.В. Цветаевым (ныне Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). Ю.С. Мальцов прожил долгую жизнь и скончался в Санкт-Петербурге в 1913 г., в возрасте 79 лет. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря, в семейной усыпальнице (не сохр.). После его смерти наследниками стали два внучатых племянника: Павел Никитич Игнатъев (1870—1926) и Елим Павлович Демидов князь Сан-Дonato (1868—?), владевшие наследством до 1918 г.

Памятником деятельности семьи Мальцовых остался город Гусь-Хрустальный. В старой части города сохранились: поселок, хрустальный завод, бумагопрядильная и ткацкая фабрики. А в центре поселка возвышается Иоакиманская церковь. Вокруг нее правильным прямоугольником расположились регулярные улицы с «мальцовскими домами», каждый на две семьи, и большими двух-и трехэтажными жилыми казармами для фабричных рабочих. С 1855 г. сохраняется здание больницы — каменное, двухэтажное, с флигелями. В конце XIX в. в больнице работало два врача и несколько фельдшеров. Сейчас здесь помещается глазное отделение Центральной районной больницы. Уцелела часовня св.

Варвары и церковно-архитектурный ансамбль с Георгиевским собором, богадельней, домами причта, церковно-приходской школой. Георгиевский собор, грандиозный по замыслу и совершенный по исполнению, был построен в 1892—1903 гг. по проекту известного архитектора, Л. Н. Бенуа. Внутренний же облик храма украшает огромное (7х7 м) полотно. Это «Страшный Суд» кисти В.М. Васнецова.

Альберт Юльевич Сурков

Альберт Юльевич Сурков (23 апреля 1848 — 16 мая 1917) — предприниматель Архангельской области, Поморья, выходец из Европы, основавший многие предприятия, функционирующие до сих пор: ОАО ЛДК №3, ОАО «Сокольский ЦБК» и других.

Купец первой гильдии, потомственный почётный гражданин г. Архангельска, почётный член АОИРС, активно занимавшийся благотворительностью.

Альберт Юльевич — настоящий патриот города Архангельска и всего Русского Севера, приехавший сюда и положивший всю свою жизнь на развитие края, распространение просвещения, память которого незаслуженно забыта.

Родился Альберт Юльевич 23 апреля 1848 года, место его рождения — местечко Ретово Ковенской губернии, Российской империи. Его отец — Юлий Карлович был прусским подданным, который в 60-е годы XIX века приехал в Архангельскую губернию с семьёй —

женой и шестью детьми. У аптекаря Суркова было пятеро сыновей - Альберт, Оскар, Карл, Эдуард и Август и дочь — Наталья.

Юлий Карлович занялся коммерцией, имел небольшой магазин, коптильню и жилой дом на Набережной.

По семейному преданию, предки Сурковых являлись русскими людьми, уроженцами Московской губернии. В своё время русский Император Пётр III, будучи приверженцем прусской военной муштры, выписал себе в Россию роту прусских солдат и взамен отправил Фридриху Великому целую роту гренадёров — отборных воинов высокого роста. Солдаты там онемечились, обзавелись семьями, но русского языка не забыли. Во втором, третьем поколении стали возвращаться в Россию. Прадед предпринимателя, будучи генералом российской армии, был откомандирован вместе с ними ко двору прусского короля, женился на немке и остался в Пруссии. Однако его потомки сравнительно быстро вернулись в Россию

Братья Сурковы воспитывались как русские люди, старший брат Альберт сначала обучался в Рижской гимназии, а в 1867 году окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, получив диплом аптекарского помощника. Но он так и не занялся своей профессиональной деятельностью, сначала помогал отцу и за 3 года работы получил хороший опыт в бизнесе. В 1871 году отец умер, оставляя в наследство старшему сыну неплохой стартовый капитал: коптильня, лавки и склады с товарами в Архангельске и Великом Устюге, кузница, три дома. Общая сумма всех средств составила свыше 40906 рублей. И необходимо заметить, что двадцатитрёхлетний Сурков не растерялся. В кассовой книге купца за 1871-1874 годы на первой странице

каллиграфическим почерком выведена надпись: «Налагаю на себя ношу: отец завещал после смерти продолжать его дело».

Экономическая ситуация на Русском Севере в то время была совсем не радужной, многие не верили в возможность светлого будущего для него: люди старались уехать, купцы сворачивали свои дела, казенные предприятия закрывались. По данным из статьи об Архангельской Губернии, в 1830 году по уровню промышленного производства край занимал 30-ое место из 52 губерний страны. Но талантливый предприниматель смог основать и развить предприятия, которые боролись не только за российский, но и за иностранные рынки. Сурков стал временным 2-й гильдии купцом и первые несколько лет, верный делу отца, занимался торговлей основными товарами: мясом, пухом, солью, мукой, рыбой, копчеными оленьими языками, зеленым луком, домкратами, швейными машинами и т.п., причем за короткий срок добился значительных успехов. За 30 месяцев оборот товаров составил 656 482 рубля, а чистый доход купца 159 242 рубля. Его сделки становятся все крупнее, торговля ведется не единичным товаром, а большими партиями, он знакомится со многими известными бизнесменами того времени: Володиными, мезенскими предпринимателями Ружниковыми, и с большинством богатых архангельских купцов. Стремясь получить привилегии, которые давались русским купцам, 2 апреля 1875 года Альберт Юльевич становится русским подданным, после чего становится постоянным 2-й гильдии купцом.

Кроме основной работы в аптеке, Альберт стал заниматься виноделием, производством ликёров. Это ему стало приносить порядочный доход. Дело расширилось.

Сурков построил в 1876 году — водочный, в 1877 деревоперегонный, а в 1879 пивоваренный заводы.

Хорошим толчком всему бизнесу стала удачная женитьба в 1878 году на дочери бельгийского и английского консула в Архангельске Лидии Шергольд. Не маловажно и то, что после смерти тестя в 1879 году Сурков становится обладателем капитала двух богатых семейств. Альберт Юльевич постепенно втянул в дела еще совсем молодого брата своей жены Егора Иванович и фактически сделал его своей правой рукой, без малого 40 лет они решали задачи общего бизнеса. 26 марта 1881 года они учреждают фирму «Сурков и Шергольд». Но старт фирма брала, конечно, не с пустого места. Заблаговременно Сурков приобрел на 6-й версте от Архангельска территорию лесной биржи и уже давно подступался к винокуренному заводу Костылева, расположенному неподалеку, с целью купить предприятия, и в 1881 году ему удалось сделать это, жена умершего Костылева уступила завод энергичным предпринимателям.

В самый день запуска винокуренного завода, там начала работу и однорамная лесопильная установка. Замысел был в том, чтобы, говоря современным языком, создать комплексное предприятие: распиливать добротную часть бревен, поступавших в качестве топлива для совершения процесса производства водки, а оставшуюся нетоварную часть пускать на дрова.. И так с 16 июля 1881 года — даты приобретения купцами патента — ведет свою историю лесозавод №3, работающий до сих пор. Первое время Сурков и Шергольд указывали только о своем занятии винокурением и пивоварением и вывозили за границу винно-водочные изделия на сумму свыше 12 тысяч рублей.

Лесопилка начала основательную работу с 1 января 1885 года. В декабре фирма уведомила властей о постройке лесозавода рядом с винокурненным, уточняя, что это именно единый комплекс предприятий, а не 2 разных. Дело пошло в гору и в 1888 году Альберт Юльевич стал владельцем второго, а год спустя и третьего подобного предприятия. Причем Архангельский завод стал десятирамным, а Кемские заводы пяти- и двухрамными. 12 февраля 1904 года Сурков и Шергольд утвердили устав «Северного лесопромышленного Товарищества Сурков и Шергольд». Сурков стал одним из самых крупных лесопромышленников на Севере: большая часть паев предприятий принадлежала именно ему. К началу первой мировой войны заводы достигают отличных показателей: в 1913 году на Кемском заводе выпускалось продукции на 1 015 727 рублей, в 1914 на заводе на 6-й версте было уже 12 пилорам.

Одним из первых во всей России Альберт Сурков соорудил крупный целлюлозный завод. Первый попытку «устроить паровой завод по переработке древесины в древесную массу для производства писчей бумаги» он предпринял еще в 1884, дело не состоялось, но он не сдался. В 1897 году Сурков учредил «Северное общество целлюлозного и писчебумажного производства». Фирма создавалась «для производства в Вологодской губернии, Кадниковском уезде фабрики для производства целлюлозы и изделий из неё, а также торговли предметами означенного производства». Позднее предприятие назвали «Сокол» по деревне Соколово. Преприниматель взялся за это дело с размахом: начальный капитал составил 1 125 000 рублей, было куплено 7193 десятин земле недалеко от станции Сухона. Довольно быстро был достигнут успех: предприятие ежегодно выпускало 700 тыс. пудов

целлюлозы и 100 пудов бумаги. «Сокольский ЦБК» функционирует и по сей день.

Во время бурной лесопромышленной деятельности не забывал Сурков и о винокурении. Заводы в городе все расширялись, торговля велась все активнее. К 1896 году Альберт Юльевич имел 22 лавки и винных погреба, часть из которых находилась в Холмогорах и Онеге. Годовой оборот этих заведений составлял более 340 тыс. рублей, прибыль — 25 600 рублей.

Особенно он заботился о пивоваренном заводе в центре города. Опытные пивовары варили в год до 200 тысяч ведер отменного напитка разных сортов: баварского, мартовского, портера и других.

Таким образом, к началу первой мировой войны, Сурков становится крупнейшим промышленником Севера. В 1913 году общая стоимость продукции всех его предприятий составила, по некоторым подсчетам около 8 миллионов рублей.

Сурков считал важной заботу о своих работниках. С расширением завода Суркова и Шергольда на 6-й версте при нём вырос поселок рабочих и служащих. Были также казармы для сезонных рабочих. Здесь же находился приемный покой с фельдшером. Взамен церковно-приходского было открыто заводское училище, с вечерними классами для взрослых, была устроена библиотека. Но самым выдающимся явлением того городка был, без сомнения, театр. Туда приглашались профессиональные труппы из города, после спектаклей устраивались танцы. Эти вечера «на 6-й версте» были популярны даже в городе: организовывались специальные пароходные рейсы, довозившие и забиравшие горожан обратно. Завод приобрел инструменты для духового оркестра, и дети рабочих могли обучаться музыке, сами же рабочие участвовали в выступлениях хора. Показателен и

тот факт, что даже в беспокойные годы первой русской революции рабочие участия в стачках не принимали. Как вспоминает дочь Роберта Шергольда, Эрна, её отец дал работникам разрешение участвовать в митинге, но рабочие сами не пожелали туда идти, а агитаторов, пытавшихся проникнуть на завод, прогнали струями из пожарных насосов.

Кроме этого Альберт Сурков был человеком очень заинтересованным, активным, занимался многими проблемами Севера. Он был совладельцем «Северного пароходного общества «Котлас-Архангельск-Мурман», которое осуществляло перевозки пассажиров и грузов. Также он был почетным членом Архангельского общества изучения Русского Севера. Он материально содействовал дноуглубительным работам в Архангельском порту. Материально содействовал экспедиции профессора Кристиана Биркеланда, за что был награждён норвежским орденом Св.Олфафа. Много занимался благотворительностью, как и его супруга.

В 1914 году во время войны с Германией всплыли немецкие корни Суркова. По всей России началось гонение на немцев, многие предприниматели и купцы, не имевшие гражданства, были депортированы. Кемский завод пришлось продать казне, завод на 6-й версте — удельному ведомству. В 1915 умерла жена, и Альберт Юльевич уезжает на фабрику «Сокол», где управляющим был его сын, там он занимается устройством школы для рабочих. Но в июне 1916 года на фабрике вспыхнул пожар, принесший огромные убытки. Старику тогда было уже 69 лет, и он не смог оправиться от потерь. Умер Альберт Юльевич 16 мая 1917 года.

Эйнем, Фердинанд Теодор фон

Фердинанд Теодор фон Эйнем (нем. Ferdinand Theodor von Einem; 1826—1876) — основатель «товарищества Эйнем», впоследствии кондитерской фабрики «Красный Октябрь».

Название «Красный Октябрь» всегда вызывает «сладкие» мысли о знакомых с детства радостях: «Мишка косилапый», «Красная шапочка», шоколад «Аленка», хотя логичнее было бы предположить возникновение ассоциаций с выстрелом Авроры и штурмом Зимнего Дворца.

Действительно, на конфетах и шоколаде фабрики «Красный Октябрь» выросло уже не одно поколение наших сограждан, но не всем из них известно, что эта фабрика существовала и до революции, называясь «Товарищество Эйнемъ».

К основанию московской фабрики купца Эйнема, которая выпустила свою первую продукцию еще в середине XIX века, большевики, конечно, никакого отношения не имели. Но, как говорится, «время было такое» и эпидемия переименований коснулась

практически всех национализированных тогда производств. В этом случае, однако, было сделано небольшое исключение, и еще несколько лет в скобках после нового названия писали «Бывш. Эйнемъ» - настолько высоко оценивался современниками этот «бренд».

Основатель фирмы Фердинанд Теодор фон Эйнем родился 15 февраля 1826 года в городе Бад-Бельциг.

Вюртембергский подданный Эйнем в 1850 году приехал в Москву с решением начать своё дело. Это было вполне распространенным явлением, ведь со времен Петра I в Петербурге открылось немало немецких заведений — в основном булочных и кофеен. Позже они появились и в первопрестольной. В России фердинанд стал называться на русский манер — Фёдором Карловичем.

Вначале он занялся производством пилёного сахара, а потом (в 1851 году) организовал на Арбате небольшой цех или, как тогда говорили, мастерскую по производству шоколада и конфет. Шоколад был достаточно новым продуктом в России, раньше его привозили в Москву из Бельгии, Голландии, Германии и Франции. Так что дела шли неплохо, число клиентов росло, тем более других кондитерских тогда на Арбате не существовало. В этой мастерской работали всего 4 мастера. В годы Крымской войны, начавшейся в 1853 году, Эйнем поставлял свою продукцию на фронт, и прибыльные военные заказы позволили ему расширить производство и перевести фабрику на Мясницкую улицу.

В 1857 году Эйнем встретил своего будущего компаньона Юлиуса Гейса (нем. Julius Heuss). 25-летнему Гейсу за четыре года удалось наладить в России отличный бизнес — он занимался освещением Москвы, в

его ведении были девять тысяч керосиновых фонарей и пятьсот фонарщиков! И вообще это был очень разносторонний человек, он увлекался флористикой и фотографией. Оказалось, что «светлое» дело перестало приносить ему удовлетворение, тем более что Москва переходила на газовые фонари, и он с удовольствием принял предложение стать шоколадником на паях. Гейс вложил в кондитерское предприятие Эйнема весь свой капитал — двадцать тысяч рублей — и получил в пользование сорок процентов «Товарищества Эйнемъ», и они открыли на Театральной площади кондитерский магазин.

Накопив достаточный капитал, предприниматели выписали из Европы новейшую паровую машину и приступили к постройке фабрики на Софийской набережной Москвы-реки, увеличив штат до сотни человек. В справочнике «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» об этом факте была сделана запись: «Эйнемъ. Товарищество паровой фабрики шоколадных конфетъ и чайных печений. Год основания 1867». К августу 1871 года за год на Софийской набережной выпускалось уже 32 тонны шоколада, 160 тонн шоколадных конфет, 24 тонны чайного печенья и 64 тонны колотого сахара! Это была почти половина всей московской сладкой продукции. «Товарищество Эйнемъ» стало самым крупным и мощным кондитерским предприятием России, несмотря на жесточайшую конкуренцию, ведь в Москве на этом рынке параллельно работали купцы Абрикосовы и Леновы, а также французский предприниматель Адольф Сиу.

Еще до того, как о товариществе «Эйнемъ» появилась первая официальная запись в справочнике «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» 1867 года, компания уже имела награды, полученные на

всероссийских мануфактурных выставках в Одессе и Москве. Постоянно расширяющая свой ассортимент фирма производила конфеты, шоколад, карамель, пастилу, напитки какао, печенье, бисквиты и пряники. Качество продукции было отменным, и объемы заказов год от года увеличивались.

С каждого проданного фунта нового печенья Эйнем жертвовал пять копеек серебром, из которых половина суммы поступала в пользу благотворительных заведений Москвы, а другая половина — в пользу Немецкой школы для бедных и сирот.

В сорок лет предприниматель стал жаловаться на сердце, здоровье продолжало ухудшаться. В 1876 году Федор Карлович уехал с женой в город своей юности Берлин, чтобы пройти в Германии серьезное лечение. Вероятно, он предчувствовал близкий конец, детей у него не было, поэтому перед отъездом он продал свою долю в предприятии Юлиусу Гейсу, а ещё через несколько месяцев скончался. По его завещанию, урну с прахом перевезли в Москву и захоронили на Введенском (Немецком) кладбище в Лефортове. Надгробье из черного гранита на его могиле сохранилось до наших дней.

После смерти Эйнема фабрикой стал руководить Юлиус Гейс, однако ставшее популярным у москвичей название компании он менять не стал. Спустя год было открыто отделение «Эйнемъ» в Симферополе, где запускаются в производство мармелад и глазированные шоколадом фрукты.

Условия для работников на фабриках были очень неплохими, что чувствовалось уже при приеме на работу — «новеньких» вели на «гастрономическую» экскурсию по всему предприятию, разрешая есть все, что захочется. На московской фабрике была собственная школа кондитеров, кружки, хор мальчиков. Трудовой день в те времена

составлял 10 часов. Кондитеры, большинство из которых составляли выходцы из подмосковных деревень, жили в общежитии при фабрике, а питались в фабричной столовой.

Администрация фабрики предоставляла работникам некоторые льготы: для детей-подмастерьев была открыта школа; рабочих обеспечивали одеждой и обувью, была создана больничная касса, оказывавшая нуждающимся материальную помощь. После 25 лет работы человек получал памятный серебряный нагрудный знак, а вместе с ним разные льготы и пожизненную пенсию.

В 1884 году на предприятиях фирмы работали уже 200 человек, спустя еще десять лет — почти 600, а на рубеже веков — 915 рабочих производили продукции почти на три миллиона рублей. К началу 20 века фирма владела двумя фабриками в Москве, филиалами в Симферополе и Риге, несколькими магазинами в столице и Нижнем Новгороде.

В 1889 году Гейс приобрел несколько земельных участков на соседней Берсеневской набережной, где постепенно стал достраивать корпуса. Сначала один — работы архитектора Акселя (Алексея Викторовича) Флодина. Потом по проекту архитектора Александра Михайловича Калмыкова было возведено еще несколько корпусов и доходных домов, составивших основу знаменитого теперь ансамбля фабрики, формирование которого завершилось в 1914 году, когда присоединили доходный дом Суконной фабрики и переоборудовали его под гаражи. Всего по адресу Берсеневская набережная, дом 6 для «Эйнама» было построено двадцать три здания.

Юлиус Гейс, помимо основного производства и кадровых вопросов уделяет особое внимание, как сказали бы теперь, брендингу своей продукции. Ярким и

запоминающимся названиям «Золотой ярлык», «Фаворит», «Столичный», «Ампир» и так далее – сопровождалась стильная упаковка, отделанная шелком, бархатом и кожей. Для оформления упаковок приглашали лучших художников того времени, таких, как Врубель и Бенуа, что, несомненно, привлекало все новых покупателей.

К увеличивающейся популярности вновь добавляются награды – в 1896 году продукция товарищества «Эйнемъ» получила золотую медаль на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде, а в 1900 году на Всемирной выставке в Париже фабрика получает Гран-при за ассортимент и качество продукции. Ассортимент действительно впечатлял. Даже если говорить лишь о шоколаде, то выпускалось сразу несколько сортов только ванильного шоколада, кроме того, имелся шоколад «Царский», «Княжеский», «Боярский», «Столичный», «Американский», «Всемирный», «Спорт», «Фаворит» и другие. А «любимыми сортами публики», как следовало из рекламы «Эйнемъ» того периода, считались «Золотой ярлык», «Серебряный ярлык» и «Шоколад с молоком».

Рекламе продукции придавалось огромное значение: в небесах реяли дирижабли с призывами покупать шоколад Эйнема, на театральной программке спектакля «Ромео и Джульетта» неожиданно обнаруживалась реклама леденцов от кашля, в коробки с конфетами вкладывались рекламные листовки и серии открыток с изображением животных, репродукциями картин известных русских художников. Хозяевам предлагались нарядные банки для сыпучих продуктов, украшенные фирменными логотипами. Выпускались отличные географические карты – с подробной информацией об изображенной стране и с неперменной фирменной подписью.

Ну и, разумеется, помнили о детях – кто же устоит перед просьбой сладкоежки купить хоть самую маленькую конфетку.

Для этого в магазинах устанавливались специальные «шоколадные автоматы», опустив в который 10-копеечную монетку, малыш вылавливал выскакивавшую из окошка крохотную шоколадку весом в 5-6 г. Стоит отметить, что по тем временам это были не такие уж маленькие деньги: в России только начали выпускать собственный шоколад, и он был недешев.

Среди мучных изделий выделялись небольшие пузатые соленые рыбки, особенно привлекавшие любителей пива. Но и дети, не пившие пиво, охотно грызли эти фигурки. Еще занимательнее были цветные фигурки из марципана, изображавшие морковку, репу, огурцы, каких-то зверюшек. Их иногда вешали на рождественскую елку, к великому удовольствию малышей.

Среди тортов был торт с необычным названием «Полюби меня» в разную цену.

Поскольку большинство кондитеров того времени использовали для упаковки картон, новым маркетинговым ходом «Эйнама» стала дорогая, качественная и долговечная упаковка. Её создатели рассчитывали на то, что упаковка от их товара будет храниться людьми на протяжении многих лет. Стратегия сработала: практичные и красочные жестяные коробки «Эйнемъ» до сих пор бережно хранят семейные реликвии во многих российских домах.

В романе Михаила Булгакова «Белая гвардия» один из героев — инженер Василий Иванович Лисович, по кличке Василиса — декабрьским вечером 1919 года спешно прячет по тайникам нажитые драгоценности, поскольку в город вот-вот войдут войска Петлюры: «В тайнике № 2 —

двадцать «катеринок», десять «петров», двадцать пять серебряных ложек, золотые часы с цепью, три портсигара («Дорогому сослуживцу», хоть Василиса и не курил), пятьдесят золотых десяток, солонки, футляр с серебром на шесть персон и серебряное ситечко (большой тайник в деревянном сарае, два шага от двери прямо, шаг влево, шаг от меловой метки на бревне стены. Все в ящиках эйнемовского печенья, в клеенке, просмоленные швы, два аршина глубины)».

Композитор Карл Фельдман по заказу «Товарищества Эйнемъ» написал специальные мелодии с «говорящими» названиями: «Шоколадный вальс», «Вальс-монпансье», «Кекс-галоп», «Танец какао». Ноты этих произведений вкладывались в коробки с продукцией, которая пользовалась большим успехом у покупателей.

Некоторые названия, например, конфеты «Ну-ка отними!», пережили революцию и сохранились до наших дней. Правда, вместо девочки, играющей со щенком, в прежнее время этикетку украшало изображение малыша с бейсбольной (на самом деле для игры в лапту) битой.

В 1913 году товарищество удостоилось почетного звания – поставщик двора Его Императорского величества. Тогда же к 300-летию дома Романовых была выпущена празднично оформленная юбилейная серия конфет. В 1914 году закончилось строительство нового комплекса фабричных зданий на Берсеневской набережной, начатое в 1889 году. Но началась война.

Во время войны почти вся семья Гейсов покинула Россию, но один из сыновей Юлиуса Гейса - Вольдемар принял российское подданство и продолжил руководить производством, в то же время организовал лазарет для раненых солдат, отправлял на фронт продовольствие и жертвовал деньги на армейские нужды.

После революции кондитерская фабрика «Товарищества Эйнем» была национализирована и стала называться «Государственная кондитерская фабрика № 1, бывшая Эйнем». В 1922 году она была переименована в «Красный Октябрь». Однако ещё несколько лет после этого переименования на упаковке продукции фабрики в скобках всегда указывалось «Бывш. Эйнем» — настолько велика была популярность торговой марки и неоспоримо качество изделий.

Интересно, что в период НЭПа, когда фабрика уже называлась «Красный Октябрь» на рекламу здесь вновь обратили самое пристальное внимание, а «пиаром» ее продукции лично занялся Владимир Маяковский. Благодаря его стараниям, девиз «Я ем печенье фабрики «Красный Октябрь», бывший Эйнем. Не покупаю нигде, кроме как в Моссельпроме!» - знала вся Москва. Сам поэт относился к своему занятию очень серьезно, о чем говорят такие его слова: «Реклама — это промышленная, торговая агитация! Ни одно, даже самое верное дело не двигается без рекламы».

Несмотря на «несладкий» период российской истории, к 1925 году объем производства восстановился и даже начал расти. Появились конфеты «Сливочная помадка с цукатом», «Сливочная тянучка», «Мишка косолапый», «Южная ночь», ирис «Кис-кис».

С началом Великой Отечественной войны часть оборудования «Красного Октября» была эвакуирована в Куйбышев. Все производство пришлось перестраивать, но выпуск самых известных продуктов — конфет «Мишка косолапый» и трюфелей прекращен не был. Для фронта выпускались концентраты: пшеничные, гречневые и овсяные каши, а также новые сорта шоколада — «Кола» и «Гвардейский». «Кола» входил в рацион летчиков и

подводников и обладал тонизирующим действием из-за входящего в его состав африканского ореха кола.

После войны «Красный Октябрь» вернулся к выпуску мирной продукции, а в 1950 году карамельщики-новаторы В.Д.Семенов и В.И.Санаев были удостоены Сталинской премии. В 1966 году на фабрике начат выпуск молочного шоколада «Аленка». Постепенно новое название становится знаменитым брендом, подтверждая преемственность традиций качества «Товарищества Эйнемъ». Многочисленные достижения и награды российских и международных выставок и ярмарок, среди которых Гран-при Международной выставки в Брюсселе (1958 год) и Гран-при (Золотые медали) международных выставок «WORLD FOOD» (2000–2003 годы) говорят о качестве продукции, которым могли бы гордиться компаньоны Фердинанд и Юлиус.

В 2007 году основные производственные мощности «Красного Октября» были переведены с Берсеневской набережной в новое здание на ул. Малой Красносельской, где открылся первый в России Музей Истории Шоколада и Какао, созданный на базе музеев кондитерских фабрик «Красный Октябрь», «Рот Фронт» и «Кондитерский концерн «Бабаевский».

Не забыт и основатель предприятия – именем Фердинанда фон Эйнема названы современные наборы конфет «Эйнемъ», на коробках которых использованы рисунки художников начала двадцатого века о Москве будущего.

В своё время это было одним из удачных решений Юлиуса Гейса. В 1914 году «шоколадный король» России предпринял невиданную доселе попытку заглянуть аж в XXIII век и посмотреть на первопрестольную с расстояния в 300 лет! Задача тут, разумеется, была чисто прикладная — привлечь внимание к новому набору шоколадных

конфет «Эйнемь». Их продавали в красивой жестяной коробке, в каждую из которых вкладывались художественно оформленные открытки с футуристическими сюжетами. Отметим попутно, что и сами жестяные коробки нередко представляли собой едва ли не произведение искусства — столь красочными и выразительными были нанесённые на них рисунки и узоры.

Сюжеты эти любопытны и познавательны одновременно. Художник не побоялся изобразить знаковые для города места, как будто давал установку своим потомкам и был абсолютно уверен, что они не посмеют внести изменения ни в Кремль, ни в Петровский дворец, не тронут Москворецкий мост, и все эти сооружения устоят в веках. Но что ещё более удивительно: открытки «Эйнемь» наглядно демонстрируют, насколько наши предки угадали тенденции развития города, технологий и даже моды! Удивительно, но точных попаданий немало, даже если брать не XXIII век, а наше время. Например, автор предсказал знаменитые сейчас московские пробки. По его мнению, ещё через сто лет заторы будут не только на дорогах, но и в воздухе. А ещё художник предугадал появление в Москве монорельсовых дорог. Правда, пока их построено не так много, как виделось из начала XX века.

На открытке «Петровский парк» толпы людей в ярких костюмах наслаждаются дивной природой на том же месте, где, бывало, гуляли наши предки. Правда, одежда на рисунке поразительно похожа на ту, что носили в конце XIX века, видимо, через пару сотен лет все вернется на круги своя, и мужчины наденут котелки, а женщины — корсеты и кринолины. «Аллеи в парке расширены до неузнаваемости, древний Петровский дворец - творение

архитектора Матвея Казакова реставрирован, и в нем сосредоточен Музей Петровской эпохи. Повсюду бьют, сверкая, дивные фонтаны», — сообщает нам надпись на открытке. И опять частичное попадание: дворец действительно не так давно отреставрировали.

На открытке под названием «Петербургское шоссе» изображена зима 2259-го года. Абсолютно узнаваемое место — это пересечение нынешнего Ленинградского проспекта и Третьего транспортного кольца. По времени скорее всего масленица — Москва веселится. А главная забава — гонки на аэросанях мимо обновлённого в начале XX века ресторана «Ярь». Всё шоссе превращено в ледяную гладь. В наше время от прежнего ресторана «Ярь» в отеле «Советский» остались только десять высоких окон вдоль фасада и собственно ресторанный зал со сценой. А вот само Петербургское — а ныне Ленинградское шоссе — действительно плотно забито транспортом. Так что опять угадали.

А какое столпотворение, судя по ещё одной открытке, будет у Москворецкого моста! Тут и сейчас сплошные офисы, и через двести лет ситуация, скорее всего, не изменится: «Мы видим, — написано на открытке, — новые огромные здания торговых предприятий, трестов, обществ и синдикатов. На фоне неба стройно скользят вагоны подвесной воздушной дороги; оживлённые, шумные берега большой судоходной Москвы-реки».

Почему-то футурологи от Эйнема были уверены, что без шума никак не обойдется. Они настойчиво повторяют, что «в шумной гавани видны разнохарактерные костюмы всех народов земного шара, ибо Москва-река сделалась мировым торговым портом». Здесь они, кстати, тоже попали в десятку — никто не мог тогда знать, что благодаря строительству при Сталине многочисленных речных каналов Москва станет «портом пяти морей».

Зато, предрекает открытка, «весь флот мира будет только торговым, потому что военный к тому времени упразднят в соответствии с Гаагским мирным договором». Вот тут пока что нестыковка. Впрочем, время есть — посмотрим.

А вот и Лубянская площадь. Никакого Дзержинского в центре её, понятное дело, нет. Правда, нет здесь и установленного в 1835 году фонтана работы Ивана Витали, который, вроде бы, хотели вернуть из дворика Академии наук. По прогнозу 1914 года, тут тоже пробка и открытое метро. Станция «Лубянская площадь» — совсем чуть-чуть ошиблись с названием. «Синеву неба чертят четкие линии светящихся аэропланов, дирижаблей и вагонов воздушной дороги. Из-под мостовой площади вылетают длинные вагоны метрополитена». Грезить о метро тогда было просто. К тому времени подземки уже катали пассажиров в крупнейших городах мира: в Лондоне, Нью-Йорке, Чикаго, Будапеште, Париже, Берлине, Гамбурге и Глазго. А 1 апреля 1914 года открылись три станции первой линии метрополитена в далёком Буэнос-Айресе. Мечтатели о далёком будущем могли, конечно, быть уверенными, что и Москва скоро попадет в этот список.

Главной достопримечательностью Театральной площади, как предсказывает следующий рисунок, станет торговый центр. «Мюр и Мерлиз» (нынешний ЦУМ) разрастётся до баснословных размеров, да так что его отделы придется соединять с помощью воздушных железных дорог. На этой же открытке изображен пожар где-то вдали, но его молниеносно тушат специальные бипланы, монопланы и множество воздушных пролёток (видимо, пожарные вертолёты уже устареют к тому времени).

Ну и, наконец, на Красной площади страшный шум — там вдоль кремлевской стены пустили трамвай, который громко звонит, разгоняя велосипедистов и автомобили. Но те в ответ дудят в свои рожки и сирены. К общей какофонии добавляются шум крыльев каких-то летательных аппаратов и крики публики. Робкие пешеходы спасаются на Лобном месте. На всё это веселье в стиле Ильфа и Петрова серьезно взирают Минин и Пожарский, расположенные, как всегда, возле стены нынешнего ГУМа, а не у Казанского собора, как в наши дни. В центре стоит полицейский; после очередной реформы им снова выдали сабли.

Как видим, уж чего-чего, а недостатка в первоклассных художниках и иллюстраторах «Товарищество Эйнемъ» явно не испытывало. Коллекционеры по всему свету до сих пор собирают многочисленные рекламные вкладыши и художественные открытки под этим брендом, которые предприимчивые шоколатье вкладывали в свою продукцию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. <http://пустрана.рф/article.php?nid=19956>
2. Верещагин А.С., Хайртдинов Р.Х. История российского предпринимательства от истоков до начала XX века. Учебн. Пособие. – Уфа, Изд-во УГНТУ, 2009. – 245 с.
3. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Строгановы>
4. https://ru.wikipedia.org/wiki/Шелихов,_Григорий_Иванович
5. https://ru.wikipedia.org/wiki/Резанов,_Николай_Петрович
6. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Абрикосов,_Алексей_Иванович_\(предприниматель\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Абрикосов,_Алексей_Иванович_(предприниматель))
7. Пуа_Bondarenko, en:Alexander Kaminsky - "Builders of Russia. Moscow at the turn of century" ("Строители России. Москва в начале века", М, 2001, ISBN 5-9207-0001-7, Общественное достояние, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=2104056>
8. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Алексеев,_Николай_Александрович_\(предприниматель\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Алексеев,_Николай_Александрович_(предприниматель))
9. https://ru.wikipedia.org/wiki/Морозов,_Савва_Тимофеевич
10. <http://www.pravoslavie.ru/394.html>
11. <http://www.vrns.ru/culture/52/2096/#.WLZffuChqko>
12. http://trojza.blogspot.ru/2014/03/blog-post_29.html
13. https://ru.wikipedia.org/wiki/Фон_Мекк,_Карл_Фёдорович
14. <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB7/gavlin.htm>
15. http://kraeved.opck.org/biblioteka/statji/shutikova_1.php
16. <http://пустрана.рф/article.php?nid=27706>
17. <http://пустрана.рф/search.php?what=author&searchobject=%C0.%C0%F0%F2%E5%EC%EA%E8%ED%E0%20www.mko.ru>

18. Анатолий РУБИНОВ Журнал "Наука и Жизнь", №8, 2001 год МАГАЗИН ЕЛИСЕЕВА
19. <http://blog.fontanka.ru/posts/144515/>
20. <http://www.top-manager.Лев Лурье>
21. <http://www.top-manager.ru>
22. <http://www.ruspred.ru/arh/10/33.php> Александр Корин
23. <http://рустрана.рф/article.php?nid=20130>
24. https://ru.wikipedia.org/wiki/Чичкин,_Александр_Васильевич
25. <http://рустрана.рф/article.php?nid=19617>
26. https://ru.wikipedia.org/wiki/Кокорев,_Василий_Александрович
27. <http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=582>
28. <http://www.ruspred.ru> Александр Корин «Русский Предприниматель»
29. http://www.innov.ru/np/97_3/str16.htm А.Седов
30. https://ru.wikipedia.org/wiki/Бугров,_Николай_Александрович
31. <http://historybiz.ru/bugrov-nikolaj-aleksandrovich.html>
32. <http://www.mko.ru/>
33. <http://www.mko.ru/> Евгений Трындин
34. <https://polymus.ru/ru/museum/pros/research/enterprises/7890/> Стелла Морозова, Евгений Трындин
35. <http://рустрана.рф/article.php?nid=508> И.А. Мусская
36. <http://sergeytsvetkov.livejournal.com/156695.html>
37. <http://www.ippnou.ru/biography.php?idarticle=001481>
38. https://ru.wikipedia.org/wiki/Кузнецов,_Яков_Васильевич
39. https://ru.wikipedia.org/wiki/Кузнецов,_Матвей_Сидорович
40. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мальцовы>
41. <http://book33.ru/vladimirskaya-oblast-goroda-gus-xrustalnyj-vladimirskaya-oblast.html>

42. https://ru.wikipedia.org/wiki/Сурков,_Альберт_Юльевич
43. http://paetz.ru/?page_id=6623
44. https://ru.wikipedia.org/wiki/Эйнем,_Фердинанд_Теодор_фон
45. <http://www.steclub.ru/forum/60-909-1>
46. <https://sites.google.com/site/krinitzki/stati-intervu/imperia/einem>
47. https://little-histories.org/2016/05/22/einem_box/

Св. план 2017 г., поз.179

Мачерет Дмитрий Александрович,
Чернигина Ирина Алексеевна

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Учебное пособие

Тираж 100 экз.

Москва, Издательский центр Onebook